

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН»
ФРУНЗЕ
1986

Они были первыми: Публицист. сб. / [Сост. В. Бобылев; Редкол.:
О—58 А. Мырзаев, А. Левченко, К. Мамбетакунов и др.; Художник К. Сей-
талиев]. — Ф.: Кыргызстан, 1986. 76 с. — (Киргизия — 84).

Данный публицистический сборник, как и предыдущие ежегодники этой серии, отражает жизнь республики, её успехи в области народного хозяйства, науки, культуры. Он посвящен 60-летию Киргизской ССР, Компартии Киргизии.

К $\frac{4702000000-209}{М 451 (17)-86}$ 215.85

ББК 84—4+66.3 (2Ки)

Составитель Виктор Михайлович Бобылев

Редколлегия: А. Мырзаев, А. Левченко
К. Мамбетакунов, В. Бобылев, Ю. Жучков.

Художник К. Сейталиев

Свежий ветер с заснеженных вершин Тянь-Шаня полощет алые стяги, украсившие города и села Киргизии. Праздник пришел на древнюю киргизскую землю — отмечается шестидесятилетие Киргизской ССР и Коммунистической партии республики...

За минувшие шесть десятилетий рабочий класс, крестьянство, интеллигенция республики прошли славный путь коммунистического со-зидания, путь борьбы и побед. Отсталая в прошлом окраина царской России шагнула к вершинам общественного, научно-технического и духовного прогресса.

Нелегко, непросто был этот неизведанный путь. Надо было сломить яростное сопротивление хозяев старой жизни, принести в юрты свет знаний и культуры, создать мощную промышленность, перевести на современные рельсы сельское хозяйство. Все это сумел совершить народ, который вела за собой ленинская Коммунистическая партия.

Формирование национальной государственности киргизского народа, как и всех других советских народов, явилось ярким воплощением идей великого Ленина, идей Октябрьской революции. Именно социализм, коренные преобразования общественных отношений, осуществленные рабочим классом, всеми трудящимися республики при активном взаимодействии с русским пролетариатом, обеспечили невиданный подъем Киргизии.

60 лет назад в республике насчитывалось всего 17 тысяч рабочих. Сегодня в рядах ее рабочего класса — свыше восьмисот тысяч человек, занятых в более чем ста отраслях промышленности. Внуки и правнуки кочевников-степняков ныне создают сложнейшие электронные приборы и автоматические линии, производят станки и генераторы, выплавляют цветные металлы, добывают из недр уголь, нефть и газ.

Тысячи научных работников, десятки тысяч учителей, работников учреждений культуры — таков сегодня внушительный интеллектуальный потенциал Советской Киргизии.

Отрадно, что с ростом экономического потенциала увеличивается вклад республики в развитие единого народнохозяйственного комплекса страны, более весомым становится ее участие в решении общегосударственных задач.

На примере Советской Киргизии наглядно видны практические результаты осуществляемого партией курса на неуклонный подъем благосостояния и культурного уровня жизни народа. Реальные доходы трудящихся республики за последние двадцать лет удвоились. Только за одну пятилетку построено жилых домов общей площадью почти три с половиной миллиона квадратных метров. С перевыполнением заданий сооружаются школы, поликлиники, детские сады и ясли.

Плодотворно развивается художественная культура киргизского народа, яркая в своей национальной самобытности, глубоко партийная и народная в своем содержании, идейной направленности.

Праздник киргизского народа проходит в знаменательное время. Наша страна вступает в завершающий этап пятилетки. Успешно претворяются в жизнь установки XXVI съезда КПСС, развитые и конкретизированные на последующих Пленумах ЦК КПСС.

Основными звеньями современной экономической стратегии партии является интенсификация общественного производства, повышение эффективности использования уже созданного в стране экономического потенциала, все больший упор на качественные факторы роста.

Главная задача сегодня — хозяйствовать экономно, рачительно, бережливо. План, достигнутый не любой ценой, а так, чтобы при этом снижался расход материалов и энергии, повышалась фондоотдача, минимальными оказывались отходы производства, план, обеспечивающий максимальную эффективность каждого рубля вложенных средств, — вот чего добивается от хозяйственников наша партия.

В стране проводятся сегодня крупномасштабные экономические эксперименты. Их цель — отладить и внедрить снизу доверху эффективный механизм управления производством, рационально сочетая централизацию и расширение прав предприятий, повышение их самостоятельности и ответственности.

Большие возможности заложены и в более полном использовании растущих выгод социалистической кооперации труда, в рамках которой каждая социалистическая республика, каждый экономический район страны должны максимально учитывать как общесоюзные, так и свои местные интересы, национальные особенности.

Отработка современного механизма управления, внедрение новейших форм организации труда, борьба за укрепление государственной дисциплины — все это выдвигает новые, еще более высокие требования к нашим кадрам.

За прошедшие десятилетия партия воспита-

ла тысячи и тысячи замечательных бойцов ленинской закалки. Их любовно выращивает и Коммунистическая партия Киргизии — 140-тысячный отряд передовых рабочих, крестьян, интеллигентов, достойно выполняющих роль боевого авангарда всех трудящихся республики в их труде и борьбе за претворение в жизнь наших великих идеалов.

В своей многогранной работе по совершенствованию социализма партия придает все возрастающее значение идейно-политическому и нравственному воспитанию трудящихся, молодежи. Важными инструментами воспитания гражданственности, патриотизма, социалистического интернационализма стали недавно принятые Центральным Комитетом КПСС постановления — о дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи, о 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, другие документы по идеологическим вопросам.

В нашем распоряжении — громадные сокровища литературы и искусства, которые можно еще более активно и умело ставить на службу воспитания людей в коммунистическом духе, формирования подлинно советского характера. По инициативе партии осуществляется имеющая поистине стратегическое социально-экономическое и культурное значение всесоюзная школьная реформа. Разработаны долгосрочные программы социально-культурного развития крупных регионов, всех республик.

Новый стимул созидательному труду советских людей придает начавшаяся подготовка к очередному XXVII съезду КПСС. Она проходит в обстановке творческого обобщения накопленного опыта совершенствования социализма, поиска наиболее эффективных путей дальнейшего продвижения к нашим великим целям. В эту работу все шире включаются партийные и общественные организации, трудовые коллективы. Важные рубежи коммунистического созидания будут намечены в новой редакции Программы КПСС.

* * *

Дорогой читатель, сборник, который ты только что развернул, — о тех, кто стоял у истоков Великого Октября, начинал строительство социализма, прокладывал неизведанные пути в будущее, воевал, всегда находился на переднем крае борьбы и труда.

Этот сборник — о первооткрывателях, о тех, кого называют пионерами, заветами, инициаторами, застрельщиками больших и добрых дел.

Он о тех, которые были первыми...

Д. Парчуков

Летними сумерками захотелось побродить по улицам Сулюкты. Было малоллюдно — рабочий шахтерский городок отходил ко сну. Вдоль центральной, самой широкой улицы, густо светились окна домиков, вскарабкавшихся по взгорью справа и слева. На самом верху их огоньки сливались с мерцающим светом выпавших на небосвод звезд.

Город казался фантастически объемным, раздавшимся вширь и приподнятым к звездам, точь-в-точь как на сиденном накануне в зале местного историко-краеведческого музея макете.

— Такой хотят видеть Сулюкту ребята из нашего профессионально-технического училища, — поймав мой взгляд, пояснил тогда главный архитектор города О. Кушматов. — У нас, специалистов, мечта реальнее. Согласно генеральному плану, город начинает выбираться из узкого горного каньона, где когда-то возник стихийно, на просторное плато.

Там уже отстраивается поселок Восточный. Возведены первые многоэтажные дома, средняя школа, детский сад, банно-прачечный комбинат, другие объекты. Со временем сюда переместится и административно-культурный центр города.

Однако в тот вечерний час думалось о прошлом Сулюкты. Только что закончен просмотр двух рукописных томов истории города, составленных энтузиастом-краеведом инженером А. Галкиным. Свежи впечатления и от посещения историко-краеведческого музея. Первое упоминание о Сулюкте уходит в прошлый век, к 1868 году, к поре, когда у подножия Туркестанского хребта, в 35 километрах от Ходжента (нынче Ленинабад), предприимчивый полковник царской армии Фавицкий заложил на выходе угольного пласта первую копь. Долгое время она была единственной. И только с прокладкой Закаспийской, а затем — Оренбургско-Ташкентской железных дорог, когда резко поднялся спрос на топливо, началось интенсивное освоение месторождения. Одна за другой в Сулюкте открываются новые шахты. Со всех сторон тянутся сюда обездоленные: киргизы и русские, узбеки и татары, украинцы и таджики.

Из свидетельств очевидцев, с редких любительских фотографий, собранных краеведом, горняцкий поселок предстает как скопище беспорядочно разбросанных вокруг башенкопроев кибиток и глинобитных мазанок, густо покрытых пылью. С рисунков и снимков глядят на нас изможденные непосильной работой и нуждой лица горняков, их жен и детей, одетых в немислимые теперь отрепья.

Пользуясь безвыходным положением обездоленных людей, предприниматели нещадно

эксплуатировали их, из года в год увеличивая свои барыши. Кайло и лопата — вот единственные орудия труда шахтеров, да и за них приходилось платить хозяину из своего кармана. Рабочий день горняков, среди которых было немало подростков, длился 14—15 часов. Добывали уголь при свечах. Когда же их не хватало, работали в полной темноте, наощупь. В шахту людей спускали в бадье, обручи от которой мне довелось видеть в городском музее. Бывали случаи, когда веревка, за которую она крепилась, обрывалась, и тогда из ствола вытаскивали трупы шахтеров.

Жестокая эксплуатация и бесчеловечное обращение вызывали протесты рабочих. Но поначалу они носили разрозненный характер. В подавляющем большинстве своем неграмотным, разобщенным национальными и религиозными перегородками горнякам непросто было проникнуться единством своих целей и средств борьбы с ненавистными угнетателями.

Но все чаще в эту глухомань, какой в те годы была Сулюкта, стали пробиваться первые лучи света, зажженные ленинской «Искрой». После 1903 года в Сулюкте стали появляться социал-демократические листовки, брошюры и газеты. Доходили сюда и отдельные экземпляры центрального органа РСДРП, газеты «Искра».

«Случаи распространения подпольных революционных воззваний среди рабочих участились за последнее время весьма заметно», — с тревогой доносил в Петербург туркестанский генерал-губернатор.

Ядром, вокруг которого начали объединяться сулюктинские шахтеры, стали бежавшие от преследования царской охраны рабочие бакинских нефтепромыслов Мустафа Гафуров, Хусэин Макаев, Семен Калмыков, Арифулл Юскаев и другие. Под их влиянием весной 1905 года на руднике вспыхнула первая забастовка. Требования, которые выдвинули бастующие, включали повышение заработной платы, отмену штрафов, установление восьмичасового рабочего дня, свободы слова, проведения собраний, демонстраций, организаций, союзов.

Уже сам этот перечень свидетельствовал о возросшей политической активности сулюктинских шахтеров. Под влиянием революционно настроенных рабочих именно в годы первой российской революции здесь возникли два социал-демократических кружка из 15 действовавших тогда в Туркестане.

Один из них возглавил забойщик Зайдулла Кадыров, имевший опыт классовой борьбы на Екатеринославщине, где он входил в организацию РСДРП. Другой был создан бывшим студентом Казанского университета, активным участником революционных событий 1905 года Фатыхом Залаялетдиновым, скрывавшимся от преследований полиции в Сулюкте.

В мае 1910 года в Туркестанский край был

выслан потомственный донецкий шахтер Даниил Тихонович Деканов, член РСДРП с 1903 года. Это был человек из той первой когорты марксистов, о которых В. И. Ленин в своей статье-некрологе, посвященной И. В. Бабушкину, писал, что это люди, которые целиком посвятили себя борьбе за освобождение рабочего класса, что без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов.

Даниил Деканов очень быстро сошелся с революционно настроенными шахтерами и железнодорожниками станции Драгомирово и с присущей ему энергией стал готовить их к предстоящим схваткам с царским самодержавием.

Уже летом 1910 года ему удалось организовать забастовку железнодорожников, которую затем поддержали горячки. И снова, как в 1905 году, сплотившись, рабочие Сулюкты доказали свою силу, заставив хозяев пойти на уступки.

Первая империалистическая война, принесшая миллионам простых людей неисчислимые страдания, для толстосумов обернулась счастливой порой, когда, как на дрожжах, росли их капиталы. Не терялись и углепромышленники Сулюкты, радуясь все возрастающим ценам на уголь. Они принуждали шахтеров по два—три дня не выходить из-под земли, открывали новые шахты. Чтобы заполнить «рабов» складчину построили тюрьму. И туркестанский генерал-губернатор этапировал сюда для работы на шахтах группу политических заключенных. Он же летом 1916 года по просьбе шахтовладельцев направил в Сулюкту более 200 военнопленных чехов, венгров, словаков и немцев.

Сулюктинские социал-демократы быстро установили контакты с теми и другими, и вскоре среди заключенных стала действовать большевистская группа под руководством Ивана Каюрова. Движение революционно настроенных пленников возглавляли Ю. Амляхер, К. Карабан и Р. Затько.

Все это предопределило ход событий в Сулюкте в революционном семнадцатом году. Уже в марте здесь начал действовать Совет рабочих депутатов, во главе которого шахтеры поставили своего испытанного вожака Даниила Деканова. Одновременно с образованием Совета на руднике произошло объединение всех социал-демократических групп в единую организацию РСДРП(б) и был избран партийный комитет из семи человек. В его состав вошли Д. Деканов (секретарь), Ф. Залыетдинов, В. Иванов, З. Кадыров, Х. Макаев, В. Милованов и А. Яфаров.

Сулюктинский Совет сразу же заявил о себе как последовательный выразитель интересов горячков. Первым делом он потребовал от предпринимателей установления 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы

шахтеров. Когда же они пытались игнорировать это требование, Совет призвал рабочих к забастовке. Напуганные владельцы шахт приняли условия.

Вскоре по инициативе Совета был установлен рабочий контроль над производством. В настоящий праздник рабочей солидарности вылилась той весной первомайская демонстрация, организованная по призыву партийного комитета.

Сулюктинцы по праву гордятся тем, что среди делегатов второго Всероссийского съезда Советов был и их земляк—большевик Даниил Тихонович Деканов. Он стал участником величайшего события века—свершения Октябрьской социалистической революции, штурмовал Зимний дворец, слушал в Смольном знаменитые ленинские декреты о земле и мире.

Революционные заслуги шахтерской Сулюкты отмечены и столь примечательными фактами, о которых в «Очерках истории Коммунистической партии Киргизии» сказано: «Первой в Киргизии оформилась вскоре после установления Советской власти в Ташкенте сулюктинская большевистская организация, насчитывавшая в своих рядах 20 членов и 30 сочувствующих. 23 июня 1918 года здесь был создан партийный комитет, объединивший уже 55 коммунистов».

Взяв власть в свои руки, большевики незамедлительно провели национализацию шахт, создав для управления ими специальный распорядительный совет, во главе которого поставили бывшего политзаключенного большевика Эммануила Яновича Вахилько. Совет сразу энергично взялся за дело. В трудных условиях разрухи и начинающейся гражданской войны он отлаживал производство, установил твердые тарифные ставки для шахтеров, проявлял, насколько было возможно, заботу об устройстве быта и улучшении условий труда. В результате на шахтах выросли темпы добычи угля. В 1919 году сулюктинцы сумели выдать нагора более 2,8 миллиона пудов угля, или почти в два раза больше по сравнению с 1918 годом. Вместе с горняками Кызыл-Кии они в то время обеспечивали почти 90 процентов добычи этого вида топлива Туркестанской Советской Республики.

В городе мне показали место, где весной 1919 года рабочая дружина густыми залпами встретила ворвавшихся было на рудник басмачей курбаши Эргаша, и те, потеряв с десятком всадников, повернули своих коней обратно. Сулюктинцы преследовали их до самого аила Шады-Балды. И потом не раз вместе с кавалерийским отрядом, специально посланным из Ташкента для охраны шахтерского городка, сулюктинские дружинники отражали нападения многочисленных басмаческих шаек, ограждали от их разбоя соседние аилы и кишлаки.

В рабочей дружке состояли почти все шахтеры, способные носить оружие. Многие из них проявили мужество и отвагу в борьбе с контрреволюцией. Высшим в то время орденом Красного Знамени были отмечены сулюктинцы Хабибулла Бикулов и Шады Джураев. Шахтеру-дружиннику Джанибаеву по поручению прославленного командарма С. М. Буденного вручили именную наган.

В Сулюкте помнят и чтят имена первого командира рабочей дружки Пирмана Кудайбердыева, забойщика, а затем милиционера Чомбаева, командира отряда Аглая Хисматулина и других славных сынов шахтерской семьи, отдавших свои жизни за победу народного дела.

К весне 1920 года вокруг идейно крепкой и по тому времени многочисленной большевистской организации горняцкого поселка, как поросль могучего дуба, начали подниматься, набираться сил периферийные партийные ячейки. Во многом этому процессу способствовал специальный штаб агитаторов-инструкторов, который действовал при партийном комитете.

Руководитель штаба С. Кирасиров и его товарищи постоянно выезжали в айлы, кишлаки, на железнодорожные станции, беседовали с людьми, распространяли листовки, газеты, знакомили трудящихся и все население с политикой ленинской партии, Советской власти. Штаб содействовал организационному оформлению партийных ячеек, поддерживал с ними постоянную связь.

Однако вскоре этих мер по организационному и идейно-политическому руководству деятельностью периферийных партийных ячеек стало недостаточно. Требовалось более тесное их единение с головной шахтерской организацией большевиков. И тогда было принято решение о создании объединенной партийной организации. 19 апреля 1920 года вошло в историю партийной организации Сулюкты как дата первой районной партийной конференции, делегаты которой представляли почти 300 коммунистов. На конференции был избран районный комитет РКП(б), который возглавил испытанный в классовых боях шахтер-большевик И. Канюров.

Так сложилась и оформилась Сулюктинская партийная организация, один из боевых отрядов Коммунистической партии Киргизии. Сегодня в ее рядах насчитывается более 1200 коммунистов. Это швей и педагоги, маслоделы и строители. Но по-прежнему основной костяк городской партийной организации составляют шахтеры — испытанный своей сплоченностью, классовой закалкой передовой отряд рабочих Киргизии. Именно их действия и образ жизни определяют сегодня социальную и нравственно-духовную атмосферу города.

Практика революционной борьбы в нашей многонациональной стране выдвинула немало видных организаторов масс, воспитанных Коммунистической партией и отдавших все свои силы и незаурядные способности борьбе за торжество идеалов Великого Октября, за нерушимое братство народов Советского Союза, за лучшую долю трудящихся.

Среди тех, кто снискал признание и глубокое уважение, достойное место занимает Табалды Жукеев-Пудовкин — один из первых среди киргизских трудящихся, которые встали на путь последовательной, сознательной борьбы с самодержавием и эксплуатацией.

Он родился 26 октября 1882 года. Оказавшись в Андижане, а затем в Ташкенте в среде рабочих железнодорожных мастерских, Жукеев впервые ощутил великую силу пролетарской солидарности. Недавний батрак постоянно убеждался в том, что его положение — это положение сотен и тысяч таких же, как и он, рабочих, что их борьба против эксплуатации носит по своей сущности глубоко интернациональный характер.

Рабочие Ташкента были неотделимой, составной частью многонационального русского революционного пролетариата. Активная их деятельность стала следствием общего оживления партийной работы в России, связанного с общим подъемом революционной борьбы накануне событий 1905—1907 годов.

Именно по железным дорогам из центра России и Баку, где была подпольная типография РСДРП, на Красноводск и далее в город Туркестана шла нелегальная революционная литература. Прокламации появлялись в Ташкенте, Кызыл-Арвате, Байрам-Али, Пишпеке, Верном и других городах.

Табалды-Жукеев, который попал в самую гущу революционной рабочей среды, не только стал слесарем-котельщиком пятого разряда, но и активно впитывал революционные идеи, проникался духом пролетарского классового самосознания.

В 1903 году молодой котельщик был переведен в Красноводск. Здесь в железнодорожных мастерских уже оформился социал-демократический кружок, постепенно втянувший в революционную работу значительную часть рабочих разных национальностей.

Именно к этому кружку примкнул Табалды Жукеев. Занятия в нем дали возможность молодому рабочему научиться грамоте. Он прошел эту школу по революционным листовкам и прокламациям.

Как свидетельствует разрешение начальника Закаспийской области, Жукеев был приписан «к мешанам города Красноводска» под именем Александра Александровича Пудовкина.

С новым паспортом он возвращается в Ташкентские главные железнодорожные мастерские и в 1905 году, по рекомендации активных социал-демократов, принимается в местную группу РСДРП.

Революция 1905 года, до основания потрясшая самодержавную Россию, охватила и ее окраины. «Кровь, пролитая 9 января 1905 года на улицах Петербурга, требует отмщения!» — призывала листовка, выпущенная через день после кровавых событий Ташкентской группой РСДРП. В феврале забастовали рабочие Ташкентских главных железнодорожных мастерских. Их тут же поддержали рабочие Оренбурго-Ташкентской и Среднеазиатской железных дорог.

Получил свое боевое крещение в эти дни и молодой социал-демократ Табалды Жукеев-Пудовкин. Он вошел в состав боевой дружины, образованной по инициативе социал-демократической группы и призванной охранять не только митинги и собрания рабочих от полиции, но и мастерские от штрейкбрехеров, предателей.

Осенью 1905 года Ташкентская группа РСДРП призвала рабочих ко всеобщей забастовке, с самого начала принявшей политический характер. Т. Жукеев-Пудовкин, наряду с обязанностями в боевой дружине, стал связным со стачечным комитетом.

Октябрьская политическая стачка была подавлена в Туркестане 19 октября казаками и полицией. Похороны жертв расстрела вылились в мощную демонстрацию протеста против произвола царских властей. В ноябре Ташкентский революционный комитет вновь призвал рабочих к забастовке. Однако она не успела набрать полную силу, а 22 ноября полиции удалось арестовать комитет и ряд активных членов Ташкентской группы РСДРП. Сам Жукеев-Пудовкин попал под наблюдение полиции, а 15 мая 1906 года на одной из нелегальных сходов рабочих он был схвачен и арестован.

В сентябре 1907 года Жукеев-Пудовкин бежит из-под стражи и нелегально возвращается в Ташкент. Он продолжал выполнять поручения социал-демократической группы, но вскоре был выслежен и арестован. Как «краснольщик» в соответствии со столыпинским указом 26-летний революционер 29 октября 1907 года приговаривается Туркестанским военным окружным судом к смертной казни через повешение. Смертная казнь была заменена ссылкой в каторжные работы сроком на 15 лет.

Активный борец за народное счастье и в тюрьме не прекращал борьбы. Охранное отделение полиции, расширенное в годы реакции... с целью надзора за состоянием и развитием... революционного движения среди туземцев Туркестанского края», старалось через сеть провокаторов нащупать линии конспира-

тивных связей социал-демократов. Убрав провокатора, посаженного в камеру, Жукеев-Пудовкин выполнил задание тюремной группы социал-демократов.

За это в мае 1909 года Ташкентский окружной суд приговорил его к тридцати годам каторжных работ. После отбытия этого срока ему предписывалось находиться в ссылке без срока с содержанием под неусыпным наблюдением полиции еще в течение пятнадцати лет.

После неудачного побега Жукеева-Пудовкина водворяют в Саратовскую каторжную тюрьму, а затем — в Варшавскую цитадель. Начинается первая мировая война, и его с партийными политическими заключенными переправляют в тюрьму Нижнего Новгорода. Освободил Жукеева-Пудовкина восставший народ, свергнувший в феврале 1917 года самодержавие. Так закончился многолетний каторжный путь киргизского пролетария по царским тюрьмам и застенкам, ставший для него университетом, в котором он на практике прошел обучение интернационализму.

Верный сын киргизского народа, Жукеев-Пудовкин встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию будучи членом исполкома Совета рабочих депутатов завода «Электросталь» в Подмосковье. В составе заводской боевой дружины он ликвидировал местные органы власти Временного правительства, контролировал деятельность почтово-телеграфной конторы и складов.

Кадровый рабочий, большевик-интернационалист, прошедший большую и суровую школу революционной борьбы, бывший батрак, Табалды Жукеев-Пудовкин активно включается в борьбу за Советскую власть. В составе созданной на заводе партийно-добровольческой дружины в марте 1918 года он выезжает в Саратов, где принимает участие в подавлении кулацких выступлений. Здесь его застают весть о вспыхнувшем контрреволюционном мятеже чехословацкого корпуса.

К лету 1918 года главным фронтом стал Восточный, охвативший большую часть Поволжья, Урала и Сибири. Владимир Ильич Ленин писал в то время, что здесь молодая советская страна переживает, может быть, самые трудные недели за всю революцию.

Центральный Комитет Коммунистической партии в качестве первоочередной задачи по укреплению фронта решил провести массовую мобилизацию коммунистов. Жукеев-Пудовкин был направлен военно-политическим сотрудником политотдела 4-й армии, входившей в состав Восточного фронта, затем сотрудником секретно-политической части Чрезвычайной Комиссии по Уральской области.

Вскоре его назначают политическим комиссаром 197-го стрелкового мусульманского полка 22-й стрелковой дивизии, которая входила в состав 9-й армии Южного фронта.

Участвуя в боях с белогвардейцами, Жукеев-Пудовкин сформировался как незаурядный политический руководитель, умелый организатор масс. Не раз, показывая личный пример мужества, он поднимал в атаки бойцов. Был тяжело ранен, но вскоре снова вернулся в родной полк. Вместе с ним он прошел в боях от степей Приуралья до берегов Черного моря.

На завершающем этапе гражданской войны Жукеев-Пудовкин занимает пост военно-политического комиссара Геленджикского гарнизона и принимает активное участие в ликвидации контрреволюционных банд и вражеской агентуры на Кавказе и в Крыму. Этот опыт очень помог ему, когда в мае 1921 года его переводят в Среднюю Азию и назначают сотрудником разведывательного управления Туркестанского фронта. Здесь он выполнял ряд ответственных, дерзких по замыслу заданий по подготовке боевых операций.

Демобилизовавшись из армии в 1924 году по состоянию здоровья, Жукеев-Пудовкин вернулся в родную Киргизию. То было время знаменательных событий. Претворяя в жизнь ленинскую национальную политику, вторая сессия ВЦИК СССР приняла решение провести национально-территориальное размежевание Туркестана.

В результате киргизский народ впервые в своей многовековой истории обрел государственность и в составе РСФСР вошел в семью народов Советского Союза. Решались задачи исторической важности, такие, как ликвидация фактического неравенства, родоплеменной замкнутости и патриархальных пережитков. В этот процесс внес вклад и коммунист Табалды Жукеев-Пудовкин.

С 1926 года он работает в Нарыне — в окружном уголовном розыске, а затем начальником его кантонного отделения. С августа 1929 года до самой смерти в 1930 году он был заведующим Государственной земельной инспекцией Нарынского кантона.

Его жизненный путь — это путь пламенного революционера-интернационалиста. В рядах Коммунистической партии Табалды Жукеев-Пудовкин стал настоящим борцом за свободу, социализм, братство и дружбу народов.

«Советская Киргизия», 20 октября, 1982 г.

О ВРЕМЕНИ, О СЕБЕ

В канун 60-летия Киргизской ССР и Компартии Киргизии газета «Советская Киргизия» провела юбилейную анкету. Среди других на вопросы журналистов отвечали народный поэт республики, Герой Социалистического Труда Аалы Токомбаев и член КПСС с 1924 года, активный участник борьбы с басмачеством, коллективизации, партийного и

советского строительства, участник Великой Отечественной войны, персональный пенсионер Тынымсеит Угалбаев.

Им задали три вопроса: 1. Ваша судьба — частичка судьбы республики. Какие события ее истории, трудовой биографии определили ваш путь? 2. Расскажите об интересных людях, оказавших на вас заметное влияние своими характерами, поступками, своею преданностью нашему общему делу. 3. Чем вы и ваши товарищи встречаете 60-летие Киргизской ССР и Компартии Киргизии?

Итак, слово Аалы Токомбаеву, патриарху киргизской литературы. Имя этого большого художника широко известно во всех братских республиках. Его стихи также переведены на многие языки мира.

1. Биография поэта — его стихи. Они плод глубокого размышления о времени, в котором творит и живет поэт, о мире, его окружающем. Поэтому в большой поэзии мало случайных слов, ибо каждое пропущено через сердце, готовится исподволь, всей жизнью.

Удивительное свойство человеческой памяти: ее можно сравнить с полетом беркута, что, распластав широкие крылья, кружит неторопливо, поднимаясь в восходящем потоке. Так и с высот памяти четче видится прошлое и настоящее выглядит рельефнее.

...Далекий 1916 год. Тысячи киргизов, спасаясь от притеснений царских сатрапов, подались через горы за рубеж. Многие, так и не обретя там приюта, погибли от голода и болезней. На далекой чужбине, одолев высокие перевалы, и нашла нас весть о том, что царя больше нет в России. В год Великого Октября вместе с обездоленными соплеменниками возвращался я на родину. Домой!

Люди шли, а навстречу солдаты в повозках везли хлеб и давали его нам, голодным. Совсем другие, чем при царе, солдаты. С трудом подбирая киргизские слова, говорили, что это Ленин послал нам хлеб.

Хлеб вновь обретенной родины! Много написано об этом, и все кажется мало. Так в нашу жизнь входили понятия «партия», «коммунист». С годами в республике вырос свой отряд единомышленников и последователей дела Ленина, которых сегодня много и много тысяч.

В семнадцать лет я впервые взял в руки карандаш и начал выводить корявые буквы. И когда научился писать, излагать мысли на бумаге, захотелось выразить главное чувство, захватившее мой народ, меня самого — чувство благодарности и любви к народу Советской России.

Благотворные долины раскинулись у горных хребтов Тянь-Шаня. Но щедрым был этот край не для бедняка-киргиза. Веками жизнь его, быт оставались кочевыми. Свою историю кир-

гизы вложили в великий эпос «Манас», передавая эту устную «библиотеку» из поколения в поколение.

Не раз задумывался: народ создал эпос, но не нашлось человека, который записал бы его прекрасные строки на лоскут пергамента или лист бумаги. И по тому «порядку», который существовал тогда, не нашлось бы, наверное, еще долго. Всего три десятых процента киргизов в то время были грамотны.

С таким багажом мы вступили в новую жизнь. А уже через семь лет после Великого Октября, когда страна восстанавливалась после разрухи, вышла первая газета на киргизском языке.

Редакция газеты «Ак жал» (Светлый путь), которая издавалась на казахском языке, поделилась со своей сестрой имуществом, передала ей все материалы о киргизах, которые не успела опубликовать. Среди них было и мое стихотворение, его одобрил Осмонкул Алиев, первый редактор нашей газеты.

7 ноября 1924 года мы, студенты Среднеазиатского коммунистического университета в Ташкенте, вышли на праздничную демонстрацию. Город бурлил. Разноскики газет выкрикивали заголовки (тогда еще не было киосков «Союзпечати»). И вдруг раздался звонкий мальчишеский голос: «Покупайте! Новая газета на кара-киргизском языке «Эркин-Тоо!» Мы с Тыным Уголбаевым, моим другом, ныне персональным пенсионером, купили свежий номер первой газеты на родном языке, в которой было напечатано и мое стихотворение. Надо ли описывать нашу радость! Ведь нам было по двадцать лет. Это ощущение чуда храню в сердце до сих пор...

К страстицам прошлого обращаюсь не случайно. Без письменности и грамотности не может быть того, что Ленин называл чувством гражданина, хозяина страны. Одной из главных задач моего поколения было освоение, изучение великого русского языка. Он стал языком интернационального братства, помог нам увидеть мир, а миру — увидеть и узнать нас, киргизов. Киргизскому народу открылись несравненный лиризм и простота Пушкина, яростный темперамент и новаторский дух Маяковского. С ним наша литература включилась в общий процесс развития советской литературы.

2. В этой связи не могу не вспомнить первый Всесоюзный съезд писателей. Нас от Киргизии было шесть делегатов: Джусуп Турусбеков, Мукай Элебаев, Кубанычбек Маликов, Джоомарт Боконбаев, Касымалы Баялинов и я. Открытие съезда — своеобразное открытие мира. Вот они перед нами — Демьян Бедный, Алексей Толстой, Самуил Маршак и, конечно же, наш кумир — Алексей Максимович Горький.

Обычно поэту, писателю нелегко так сразу указать ориентиры своего творчества. Как

правило, их не один и не два. И все же человеком, авторитет, талант которого навсегда и безоговорочно покорили, стал для меня Горький. Все эти годы я думал о нем, учился у него. Не изглаживаются в памяти несколько встреч с ним. И как бы далеко не ушло время, обаяние личности, сила творчества постоянно греют меня.

Как счастлив я,
Что мне дала судьба
Соприкоснуться с пламенем высоким,
И с той вершины жизнь судить,
Как Сокол,
И не стыдиться смертного себя.

Это строчки из поэмы «Красный мундштук», которая посвящена М. Горькому, моему великому учителю в литературе.

..Шел 1943 год. Далеко еще было до Победы, но в Киргизии открывается филиал Академии наук СССР. Один из его организаторов академик К. И. Скрябин сказал тогда, что филиал вступает в жизнь не в младенческом, а в юношеском возрасте, поскольку ученые Киргизии разных специальностей проделали солидную исследовательскую работу. А одной из наиболее важных задач он назвал воспитание в кратчайший срок местных научных кадров.

Красноречивый факт! Страна, всецело отдавая силы фронту, уже разрабатывала стратегию мирной жизни. Это лишь один выразительный пример заботы нашей родной партии о развитии каждой советской нации, каждого народа.

3. Духовная атмосфера братства животворным соком питает корни нашей литературы. Широко известны миру имена народного писателя Киргизии Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий Чингиза Айтматова и детского писателя лауреата Государственной премии имени Токтогула и международной премии Андерсена Шукурбека Бейшеналиева. Любимы читателями народные поэты республики С. Эралиев, Т. Уметалиев, А. Токтомушев, К. Маликов, С. Джусуев, Т. Адышева, М. Абылкасымова и другие. Все мои коллеги, собравшись по перу, стремятся своим трудом, своим творчеством достойно отметить день рождения республики и ее Коммунистической партии.

Мне тоже хотелось бы внести посильный вклад в это дело. Сейчас работаю над пьесой. Она посвящена моим современникам, и, думаю, будет актуальной. Черновой вариант уже готов, но впереди еще много работы...

Я — человек, рожденный до революции, свидетель бесчисленного прошлого моего народа, счастлив, что являюсь современным новой, светлой эпохи социализма, счастлив, что являюсь гражданином Советского Союза, в котором нет ни классовых различий, ни национальных границ.

И это чувство продиктовало такие строки:

...Я думал, что земля моя бесценная —
Лишь эти две долины над горами.
Но как раздвинулась теперь Вселенная
С ее незаменимыми дарами!
Судьба моя, земля моя родная,
Теперь я сын народа, а не племени —
И мысль моя, и даль моя иная.

Слово Тынимсенту Угалбаеву.

1. Я родился в 1903 году в селе Бурана тогдашнего Пишпекского уезда. Семья была большой: под одной крышей со мной жили еще двенадцать братьев и сестер. Отец был плотником-кустарем, работал с утра до ночи, чтобы хоть как-то прокормить нас. Понятно, что детство мое кончилось очень рано, с 13 лет я уже зарабатывал на жизнь, батрачил у богатей.

Отцу своему я обязан первыми самостоятельными шагами в жизни, у него и получил первые уроки интернационализма — многие из его друзей были русские переселенцы, политические ссыльные. В 1920 году я вступил в комсомол, и с того времени веду отсчет своей взрослой биографии.

Первый съезд батраков, ликбез, участие в организации артелей бедняков, работа в составе ЧОН, борьба с басмачеством — так проходила моя юность, совпавшая с юностью Страны Советов. В 1923 году меня вместе с другими комсомольцами-активистами направили на учебу в Ташкент, в Коммунистический университет. Среди других замечательных людей моим однокашником был и Аалы Токомбаев.

Еще одна веха в моем политическом мужании — встреча с Михаилом Васильевичем Фрунзе и получение рекомендации в партию. Было это в 1924 году, шестьдесят лет назад, а помнится, будто случилось вчера. В Ташкенте, в университете, меня настигла весть о страшной утрате — смерти Владимира Ильича Ленина. Вместе с десятками других слушателей, повинувшись первому движению сердца, я отправился в Москву на похороны вождя. Но пока паровоз катил нас через Оренбургские степи и Урал, прошло более двух недель. В Москве, коротко переговорив с нами на вокзале и получив наше согласие помочь рабочим Петрограда, товарищи из Совнаркома отправили наш эшелон дальше, к берегам Невы.

Так, неожиданно для себя самого, я на целый год стал петроградским рабочим, трудился на трубном заводе. Работали, не жалея ни сил, ни своего времени, не ради хлеба насущного: два часа в день — безвозмездно в пользу безработных, которые стояли у бирж труда; еще два часа — на борьбу с разрухой в стране... Замечу, что это была прекрасная школа — общение с потомственными рабочими. Многие проблемы, связанные с моей ро-

дойной — Киргизией, отсюда из революционно-го Петрограда, стали яснее...

В числе других молодых активистов меня однажды вызвали в райком партии — на беседу с приехавшим сюда М. В. Фрунзе. Конечно, я и раньше слышал о знаменитом своем земляке, командующем Туркестанским фронтом, но только из личной беседы с ним узнал, что родом он из Пишпека.

— О, мой земляк! — сверкнул вселым взглядом Михаил Васильевич, развернув мои документы.

Доброжелательно, очень серьезно говорил он о необходимости многому учиться, что партии нужны не только преданные люди, но и грамотные специалисты, что мое место — дома, в Киргизии, там я смогу больше пользы принести стране, так как хорошо знаю нужды, быт, язык, обычаи и традиции своих земляков, соотечественников...

Недолгим был разговор, а определил всю мою дальнейшую жизнь.

Ну, а дальше — закончил учебу, был секретарем Нарынского исполкома, секретарем Токмакского райкома партии, управлял фермой совхоза имени Ильича в Рыбачьем, организовывал колхозы вокруг Токмака, раскулачивал баев, боролся с басмачами, принимал участие в электрификации Ленинполя и строил каналы. В каждом районе мы вновь созданным колхозам и совхозам давали имя Ленина, имя Ильича — самого дорогого для нас человека.

Перед самой войной стал председателем колхоза имени Ленина Калининского района. Богатый был колхоз — миллионер, племенные кони, сахарная свекла. И как нелегко было во время военного лихолетья, когда не осталось у нас ни коней, ни машин, ни мужиков, — все отняла война! Но жили и работали для фронта, для победы.

У меня была бронь, но настойчивые мои просьбы все же удовлетворили, и я в 1942 году отправился на фронт. Боевое крещение получил под станцией Лузовой, на Украине. Воевал, был контужен, с боями дошел до Берлина, видел парад Победы в Москве.

И снова вернулся домой. И снова работал там, куда посылала партия — в колхозах, заведовал МТС в Чуйском районе (всего 14 искалеченных машин было на весь район!), работал в лесосплавной конторе.

2. Я могу назвать добрый десяток имен, которые сейчас золотом высечены на мемориальных досках, стали названиями улиц, поселков, школ, вошли в учебники и энциклопедии. И все они принадлежат людям, с которыми я встречался, был лично знаком и которых считаю с благодарностью своими учителями. Богатый, счастливый я человек, не правда ли?

Ну, вот, к примеру, Джайнак Садаев — первый из встретившихся мне революционе-

ров-профессионалов. Это от него я впервые услышал слово «комсомол» и узнал его великое значение, в его руках я первый раз в жизни увидел портрет Ленина. Это у него, создателя первой коммунистической ячейки в Токмаке, учился организаторской работе.

Женишев, Жукеев-Пудовкин, Владимир Петрович Шубриков — ответственный секретарь Киргизского обкома в 1927—1929 годах, участник штурма Зимнего дворца... Какие разные люди, но как все они похожи в главном: бесстрашные, беззаветно преданные своему делу, свято верящие в победу мировой революции, ни в чем и никогда не щадившие себя.

На всю жизнь человеком самой высокой революционной пробы остался для меня и Михаил Васильевич Фрунзе. Хотя я встречался с ним всего один раз, ощущение дружеского участия сохранилось на всю жизнь.

И еще одно имя, которое не могу не назвать, — замполит полка, в котором я воевал, гвардии полковник Сагайда. Мужественный, очень серьезный, горячий человек, удивительный оратор. Как слушали его бойцы, когда он убежденно говорил, что Красное знамя нашей Победы обязательно взойдет над рейхстагом.

Всем казалось, что он уже был там, в Берлине, и вот вернулся, и рассказывает о времени, о котором все мы только тогда мечтали. Он был ранен и заправлял пустой рукав гимнастерки за пояс. Но и одной рукой замполит отлично справлялся с винтовкой-трехлинейкой, безошибочно поражал любую мишень.

При нем невозможно было соврать, схитрить, выругаться — даже если дело происходило во время короткого отдыха между боями. Казалось бы, на фронте не до уроков хорошего тона, а он безупречен и требует культуры от бойцов.

Так получилось, мне самому не довелось совершить в жизни чего-то героического. Но воспитывали, формировали мой характер настоящие герои. Может, поэтому я не чурался любой работы, не делил ее на «чистую» и «грязную».

3. Прежде всего, 60-летие республики я встречаю и своим личным юбилеем: в эти дни исполняется шесть десятков лет моего пребывания в рядах ленинской партии. Счастлив, что практически всю сознательную жизнь был самым теснейшим образом связан с ее замыслами и делами.

Мне пошел девятый десяток, но я и сейчас в меру своих сил стараюсь помогать молодым. Вхожу в группу народных контролеров, состою членом совета ветеранов, совета старейшин при Октябрьском райкоме партии. Основное партийное поручение — содействовать благоустройству в микрорайонах, относящихся к домоуправлению № 10 города Фрунзе. Вы-

полняю его с удовольствием — что может быть радостнее, приятнее, чем поить землю, превращать ее в сад?

Часто выступаю перед молодежью. На днях встречался со старшеслужащими своего района. Всегда рад, если после выступления появляются вопросы, значит, не оставляет равнодушными наших детей и внуков прошлое, история страны, республики. И пусть я не много могу прибавить к тому, что есть в книгах и учебниках, но думаю, что рассказ очевидца всегда приближает события, оживляет картины далеких, но незабываемых дней.

ЕГО СТРОКА

В. Широков

За окном тяжелым сизым облаком сгущаются сумерки, в комнате только блики уличных фонарей ходят редкой вереницей. Но свет почему-то включать не хочется. Разбуженная память не терпит суеты — это мы хорошо понимаем, и я и он. В океанские глубины памяти нельзя спускаться с кинематографическим, безжалостно ярким «юпитером». Старики это понимают лучше других. Погружаться в память надо бережно, но и всплывать из ее беспредельных глубин — осторожно, как это делают водолазы, чтобы не получить кессонную болезнь...

В распахнутое окно видно, как на тугом шелке вечернего небосвода беззвучно и торжественно восходят гирлянды звездного фейерверка. Для вечного неба и сто лет — все равно, что укол иголкой на бесконечной ленте галактического бытия, которую неспешно перематывает Вселенная. Но нам-то, людям, и полвека — это целая жизнь, в которую плотно впрессована эпоха с ее социальными катаклизмами и потрясениями, победами и восхождениями. Для нас эта «лента» летит с телетайпной скоростью, и надо суметь оставить на ней для следующих поколений свою неповторимую строку...

Я смотрю на человека в спортивном костюме, в который он переоделся после нашей поездки на дальние высокогорные выпасы, которые нынче стало модно называть «альпийскими лугами». Хотя, какие там луга — так, редкие пучки травы, склоны, разлинованные овечьими тропами. В белых, домашней вязки носках сидит он на кровати, уронив на колени тяжелые, узловатые, шероховатые, словно насечка рашпиля ладони. Невысок, худощав, даже щупловат он, батрацкий сын. Но сколько же та самая эпоха взвалила на небогатые иски эти плечи и сколько же они вынесли!

Мамат Нурбаев — это о нем я пишу, это с ним проходят мои вечера на этой неделе. И рад я этим осенним вечером, поскольку рядом человек уникальной биографии и ред-

костного духа. Мамат Нурбаев — ныне председатель профкома совхоза «Алга», что в Узгенском районе Киргизии. В этих местах он и родился. Когда мы объезжали чабанские стойбища, Мамат мог до шестого-седьмого колена назвать предков каждого, с кем разговаривал, с кем чай пили. Знание «генеалогического древа» собеседника Нурбаев считает своей прямой профсоюзной обязанностью. Впрочем, в сферу профсоюзного влияния он включает по-моему, абсолютно все — и снабжение ферм кормами, и быт чабанов, и школьные отметки детворы, и доставку почты в срок, и даже нелады в семье одного из животноводов.

Накануне вместе с секретарем парткома хозяйства Эрмаматом Джумабаевым полдня мы мотались по полям и фермам, догоняя Мамата Нурбаева. И всюду, словню знакомую пластинку, слышали уже знакомое:

— Аксакал только что был здесь, но пять минут назад уехал в соседнюю бригаду...

Джумабаев извиняюще улыбался:

— Такой уж он у нас непоседливый. Но это бы еще ничего, да ведь он еще и ершист, дотошен, настойчив. Чуть что не так — не посмотрит ни на звание, ни на должность, все в глаза выскажет. Что ж, право на это он всей своей жизнью заработал. На его замечания обижаться не принято. Впрочем, я и сам его в душе по сей день считаю своим наставником.

Наставник-то наставник, но не из самых покладистых. Так, в прошлом году Нурбаев собрал активистов, и решили они построить в селе Адыр клуб. Саманный кирпич для него частью сделали сами, частью взяли из старых, разобранных дувалов. Стены вывели, а вот с крышей дело застопорилось. Тогда Нурбаев пошел в партком к Джумабаеву:

— Я тебе прямо заявляю: плохой ты партийный работник! О подготовке ферм и кошар к зиме заботишься, а о людях забыл. Где вечером народу собираться?! Как думаешь молодежь на селе закреплять?

Сегодня Джумабаев смеется: «Поставил так-он нас с директором совхоза «в угол», пришлось за эту крышу брать самым неотложным образом!»

Но Нурбаеву мало самому задавать тон в принципиальном отношении к совхозным и партийным делам. Он и других ветеранов старается расшевелить. А их в хозяйстве — больше двухсот. Это — сила, да еще какая! После встречи в ЦК КПСС с ветеранами партии провел партком — с самой активной помощью Нурбаева — большую работу с теми, кто когда-то начинал поднимать село. Более пятидесяти пенсионеров вернулись в рабочий строй. Совет ветеранов обратился с просьбой к руководству хозяйства подобрать им работу по силам. И дело нашлось!

Главное дело ветеранов — воспитание моло-

дежи. Скажем, Айша Абдуллаева, награжденная двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, не только сама возглавляет табакотодесковую звено, но и шефствует над комсомольско-молодежной бригадой Дженайым Укуевой. Многие из ветеранов входят в руководящие органы: совхоза.

Здесь ценят большой опыт, которым владеют старые коммунисты, внимательно прислушиваются к их мыслям и советам. Так, Абдрахман Маниязов, бывший секретарь райкома партии из знаменитой когорты «тридцатитысячников», который до сих пор трудится в совхозном общепите, выступая как-то на отчетно-выборном собрании, поднял один из самых наболевших вопросов:

— Совхоз у нас молочного направления, а без концентрированных кормов, как известно, удои не поднять. А ведь эти корма мы можем производить в своем хозяйстве. Да ведь вот что странно: вначале мы выполняем план по сдаче зерна, отправляем его за тридевять земель, а потом... ведем обратно и перерабатываем на концентрированные корма. Кому нужны такие встречные перевозки? Сколько средств государство на этом теряет? Парткому, дирекции совхоза надо бы эти вопросы острее ставить перед райкомом, обкомом партии, плановыми органами, агропромышленным комплексом!

Да, ветераны умеют требовать, но в трудную минуту и выручить могут. Когда однажды из-за плохих погодных условий произошел перерасход заработной платы, Нурбаев сам отправился в банк, послал гонцов в Госплан республики, но сумел-таки «выбить» аванс. И только после этого выдал руководству хозяйства «на орехи».

Как-то я рассказал об этом случае первому секретарю Узгенского райкома партии В. Талипову. Вагинур Талипович задумался, потом сказал:

— Когда такие люди, как Нурбаев, есть в хозяйстве, мне за него спокойно. Мамат не только большой и честнейший труженик, но и очень принципиальный человек. Скажем, был случай — начал один из руководителей совхоза неумеренно прикладываться к рюмке. Многие видели его, но только Нурбаев решительно и прямо, глаза в глаза, призвал человека к порядку. Не побоялся «испортить» отношения. И, что примечательно, тот после этого разговора разительно изменился, а благодарен кому? Не тем, кто отводил глаза в сторону, а как раз Нурбаеву!..

Мне кажется, что принципиальное, боевое отношение к жизни и людям воспитывалось в нем с молодых лет, когда вместе с отцом батрачил Мамат на кулаков и баев. Жили впроголодь, в иной день лишь кусок черствой лепешки да пиала спитого чая доставались. Но и сюда, в далекие аилы и кыштаки Припамирья уже пробивалась правда о Советской

власти. Отец, и те из односельчан, что постарше, недоверчиво прислушивались к этим разговорам. Старый Нурбай хмуро ворчал: «Нет, нет, что-то не верится мне, чтобы на всех поровну хватило счастья. Счастье — птица нарядная, она и в руки идет к тем, кто лучше одет да сытно накормлен...»

А Мамату новые вести, которые летели от аила к аилу, нравились, будоражили его, несли обещание чего-то неизвестного, радостного. Всем сердцем ждал юноша перемен, всей душой ненавидел несправедливости, творимые баями и манапами. А те побаивались строптивого парнишки, который при случае не лез за словом в карман, заступался за обиженных. И народ тянулся к нему.

Однажды на дальние выпасы, где они с отцом стерегли байскую отару, прискакал верховой:

— Эй, Мамат, быстро собирайся! Приехал Боронбай Коджомуратов, тоже бывший батрак. Его назначили секретарем райкома партии в Узгене, а теперь он приехал к нам в Кара-Кочкор, собрание будет проводить. Тебя вызывает...

Старый Нурбай встревожился:

— Небось, натворил что-нибудь мой Мамат?

— Да нет, аксакал, не ругай сына преждевременно. Народ решил избрать его председателем комитета бедноты — начальником комбедла, значит. Гордись такой честью!

— Какой же из моего несмышленища начальник? Народ засмеет.

Нурбай недоверчиво покачал головой, с сомнением посмотрел на покрасневшего сына.

— Э-э, не скажи! — заулыбался посыльный. — Парень у тебя не из робкого десятка. Такие нам как раз и нужны по нынешним временам, чтобы баев поприжать!

После собрания Коджомуратов, член партии с 1919 года, наставлял семнадцатилетнего председателя комбедла:

— Подбери вокруг себя актив из бедноты. Задача такая: довести до баев и кулаков твердое задание по сдаче хлеба, мяса, шерсти и шкур. Ударим их экономикой! А будут упираться, мы их быстро приструним, поскольку до мировой революции — рукой подать!

И начал Мамат Нурбаев действовать. Молодежь тянулась к нему — такая же гольтиба, как он сам. Надежда на Советскую власть обещала многое. Но и баи не сдавались, пускали в ход все — от нелепых, злостных слухов до вредительства и террора. Однажды Мамат отправился в дальний аил. Конь шел неторопко, кованные копыта высекали искры из горного кремня. Вечер был тихий, медленный, неспешный. Откуда-то тянуло запах кизяка, туман стлался над архевником, словно дым близких костров. Вдруг Мамат очнулся от раздумий — в недалеком саду мелькнули какие-то тени. Что-то неладно показалось Мамату — что за люди. Едва подумал об этом — засвис-

тели пули. Хлестнул лошадь крепкой сыромятной камчой, пригнулся к гриве. Ветер рванул старенький чапан холодным обжигающим вихрем.

А следом уже слышался цокот многих копыт — погоня! Он не взял с собой оружия, одна была надежда — на верного коня. И тот не подвел, опередил преследователей. На берегу речки Мамат прыгнул, еще раз ударил камчой скакуна, а сам спрыгнул под кручу. Басмачи в горячке поскакали за его лошадью, а он, выждав, берегом ушел в аил, где стоял отряд кызыл-аскеров — красноармейцев.

А потом его призвали в Красную Армию. Четыре года отслужил родной Советской власти верой и правдой, да так, что в порядке поощрения послали его в отпуск в Москву. Обошел белокаменную пешком, побывал на Красной площади, поклонился в Мавзолее Ильичу, прокатился в метро. А чтобы товарищи поверили в его великое счастье, прихватил с собой билет метро. И разглядывали его они, кстати, как величайшую диковину...

Решил он остаться в Красной Армии на сверхсрочную. И служил бы, но тут односельчане решили его выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР первого созыва — не забыли его героическую работу по установлению Советской власти в аилах Узгена.

Когда он ехал в родные аилы на встречу с избирателями, на мосту перед селом его встречали колхозники. Кумачовые флаги реяли над ними, и было в этом для Мамата, солдата партии, столько символического и дорогого, что он чуть не расплакался. И после выборов, во время вручения удостоверения депутата, он так волновался, что едва смог произнести:

— До последней капли крови, до последнего дыхания буду служить народу!

По возвращению в столицу Киргизии полк выстроился встречать своего солдатского депутата, и командир, печатая шаг, взяв под козырек, отдал ему рапорт...

Но кадровым военным стать ему так и не довелось. Партийная организация Киргизии обратилась к командованию с просьбой направить Мамата Нурбаева в ее распоряжение. Он был назначен народным комиссаром социального обеспечения Киргизии.

Батрак, красноармеец, помкомвзвода, и сразу после этого — нарком республики. По-нынешнему — министр. Естественно, сначала очень растерялся. Но и тут ему помогли — специалисты разъясняли инструкции, втолковывали бюджетные статьи, порядок назначения пенсий. Кстати, членом комиссии по назначению пенсий был и генерал И. В. Панфилов. Человек открытый, простой, приветливый, он не жалел времени для бесед с молодым наркомом, во многом поддерживал Нурбаева.

Шло время, работа шла и уже налаживалась, но Мамат все больше понимая, что ему

надо учиться. Подал документы в комвуз. Но поучиться не довелось. Началась война. Подал заявление в военкомат, но на фронт его не отпустили. Направили в Пржевальск, где он был избран вторым секретарем райкома. Первая зимняя зима выдалась трудная, ударил джуг — гололед на пастбищах и бескормица, начался падеж скота. Мотался по урочищам, зивозиком организуя спасение отар. Порой даже ночевать приходилось в снегу. Почернел, осунулся. Но из района беспрерывно шли для фронта мясо, шерсть, хлеб, шкуры для полушубков...

Потом перебросили в родные края — в Ош, в Кара-Су и Узген. И снова — работа, на последнем дыхании, на всю катушку, на износ, без жалости к себе. Он был награжден орденом Отечественной войны — наградой, по сути, боевой. Награжден более, чем справедливо. Были у Нурбаева потом и другие награды — три ордена «Знак Почета», ордена Трудового Красного Знамени, Октябрьской революции. Но тот — он считает, что фронтовой — памятей и дорожее других...

После войны давнее желание сбылось — послали его учиться в партшколу. Затем трудился председателем райисполкома, первым секретарем райкома партии. С 1965 по 1976 год возглавлял парткомы совхозов «Алга» и «Узген». А теперь вот — на профсоюзной работе. Можно бы вроде и отдыхать персональному пенсионеру. Но нет, не дописал еще своей строки отважный аксакал, принципиальный коммунист. Потому и поднимается чуть свет, отправляясь на самые дальние становища, на высокогорные выпасы, на фермы и строительные площадки хозяйства.

...Нурбаев включает свет и, прищурившись, смотрит на лампочку. Не о том ли вспоминает, как будучи депутатом самого первого созыва Верховного Совета СССР, ездил к Михаилу Ивановичу Калининскому добиваться оборудования для первых районных электростанций, а потом сам разрезал ленты на их открытии? Завтра, после очередной поездки к чабанам в дальние бригады увидит, возвращаясь поздним вечером, разливы электрического света в долинах. И, наверное, вспомнит о том, что у истоков первого электрического ручья в родных местах стояли он и его товарищи, которых ныне с уважением зовут ветеранами, золотым фондом партии.

Я. САМУЭЛЬ-САБО: «МОЯ ВТОРАЯ РОДИНА — КИРГИЗИЯ...»

Он говорит, что прожил очень долгую жизнь — почти девяносто лет. За спиной две мировые войны, две революции. С детства он привык к преодолению трудностей, к борьбе, потому что родился в семье, которая была богата детьми, но достатком никогда не от-

личалась: порой родители не имели денег даже на кусок черного хлеба.

В десять лет он был вынужден оставить школу и пойти учеником в слесарные мастерские при железной дороге. Здесь с помощью старших товарищей он постигал суть революционного учения. За активное участие в рабочем движении был взят в армию, хотя к тому времени ему не исполнилось и восемнадцати лет, и направлен на фронт — в Италию.

Осенью 1917 года по всему миру разнеслась весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции в России. На солдат и рабочих она оказала решающее влияние — именно под их нажимом начался распад австро-венгерской монархии, именно они оказали существенное влияние на ход событий, которые привели к свержению ненавистного народу режима. Он шел вместе с теми, кто встал на путь социалистической революции, с оружием в руках отстаивал завоевания Коммуны...

В начале 20-х годов В. И. Ленин обратился к пролетариату всего мира с просьбой оказать помощь молодой Республике Советов. Совместно с чехословацкими рабочими мы решили создать промысловый кооператив, на паевые взносы приобрести машины, оборудование и вместе с семьями переселиться в СССР. С первых же шагов появились препятствия: буржуазные правительственные органы мешали закупкам, тянули с разрешением на выезд.

Но все же пролетарская, интернациональная солидарность победила: в первой половине 1925 года во Фрунзе прибыли первые шлоны интергельповцев. На окраине Пишпека нам были выделены 230 гектаров земли... Трудились мы не покладая рук, и в степи вырос целый городок — кожевенный завод, мебельная и суконная фабрики, литейные мастерские, добrotные жилые дома, детские сады, столовая, школа, магазин, медицинский пункт и клуб на тысячу мест.

Юлиус Фучик писал: «Представьте себе: там, в далекой Киргизии, бывшие чехословацкие рабочие подводят итоги еще одного полугодия своего труда, как это и подобает настоящим хозяевам. Они созвали собрание, и товарищ Самуэль выступает с отчетом. Кто такой товарищ Самуэль? Один из вас. Он родился в Новых Замках в Словакии, ходил в школу, и учитель говорил, что у него большие способности, советовал, чтобы мальчика отдали в гимназию. Мать уже представляла сына священником, но в семье было одиннадцать детей, а отец — всего-навсего бедный сапожник. И вот Ян Самуэль стал слесарем. У себя на родине он мог сменить это ремесло только на профессию безработного. Сейчас — в Советском Союзе — Ян Самуэль — председатель одного из прославленных производственных кооперативов, о котором с гордостью мог говорить и он сам и все его товарищи.

В минувшем полугодии (1935 г. — сост.) Интергельпо праздновало десятилетие своего существования. В юбилейные дни выяснилось, каких больших успехов добился кооператив в работе, как много было им построено и как выросли люди, руками которых все это создавалось. Юбилей отмечался в мае. С тех пор прошло каких-нибудь два месяца — и опять новые успехи. «Как и весь Советский Союз,— сказал товарищ Самуэль на собрании,— Интергельпо быстрыми темпами идет к зажиточной жизни»...

И без того прекрасное финансовое положение Интергельпо в этом полугодии еще более укрепилось. Снова увеличилась социалистическая прибыль во всех интергельповских предприятиях. Некоторый дефицит имеется только в столовой, которой кооператив дает дотацию для улучшения питания своих членов и рабочих. Но и этот дефицит может быть и будет устранен, причем качество обедов повысится, так как на склонах Александровского хребта создано специальное подсобное хозяйство.

Сегодня Интергельпо — это целый городок, выросший в степи. Но строительство все время продолжается. В этом полугодии были построены детские ясли, лучшие в Киргизии (Интергельпо принадлежит также рабочий клуб, самый большой и самый красивый во всей республике), почти закончено строительство мебельной фабрики, и полным ходом идут работы по генеральной реконструкции кожевенного завода. Созданный десять лет назад как первое большое предприятие Интергельпо, он теперь слишком несвоевременен для такого крупного кооператива. Строительные работы развернулись так широко, что кооператив должен был организовывать новые вспомогательные предприятия, например, по производству черепицы...

Далее Юлиус Фучик пишет, что ему очень приятно получать такие письма от рабочих, которые приехали из Чехословакии свободно трудиться в свободной советской стране. Писатель говорит и о некоторых недочетах в работе кооператива. К примеру, о том, что кожевенный завод не выполнил свой план из-за перебоев в снабжении сырьем, что еще мала прослойка местного населения среди рабочих, что многие из работников плохо знают математику, без овладения которой нельзя повысить свой профессионально-технический уровень, и теперь в Интергельпо создаются кружки основ математики.

Ян Самуэль говорит, что были и другие трудности. Когда кооператив набирал силу, не хватало средств на все нужды. На помощь пришли советские органы Киргизии, которые субсидировали кооператоров. Настолько велик был энтузиазм, желание помочь молодой советской республике, что интергельповцы обходились самым минимальным, недоедали, не-

досыпали первое время — торопились сдать в строй предприятия.

На земляков Самуэля-Сабо влияли и неприятные для жителей Европы климатические условия. Однако и это не сломило духа рабочих. Несмотря на все тяжести и невзгоды, спустя несколько лет, опираясь на помощь партийных и советских органов Киргизии, коммуна демонстрировала плоды своего труда.

Они напрасляют приглашение, и в Киргизию из Чехословакии прибывает рабочая делегация во главе с Юлиусом Фучиком. Почти месяц она гостила в Интергельпо, с восхищением и гордостью знакомилась с его достижениями. В связи с переходом от кооператива к коммуне Юлиус Фучик писал: «Ваш кооператив будет первой коммуной пролетариев Чехословакии. Далеко от нас — в Средней Азии — вы, уехавшие из Средней Европы, создаете мощный фундамент социалистического общества. Вы превратили степь в белый городок и утвердили жизнь там, где царил мертвый покой. Из труб ваших цехов и фабрик идет дым — вы работаете, творите, вы, которые умирали бы здесь голодной смертью безработных. Над вашими белыми домиками развеваются красные флаги, вы свободны. Мы видели ваш труд, приглашенные вами и посланные чехословацкими рабочими и крестьянами. И многие десятки тысяч рабочих и крестьян Чехословакии, которым мы уже рассказали о вас, уполномочили нас передать вам революционный привет пролетариата Чехословакии, революционный привет первой чехословацкой коммуне, которая служит чехословацкому пролетариату примером и поддержкой в его борьбе за то, чтобы она недолго оставалась единственной».

Юлиус Фучик написал об интергельповцах книгу, назвав ее многозначительно и символично «В стране, где наше завтра стало вчерашним днем» — гимн свободному труду в Советском Союзе.

...Пришел урочный час, и с грустью в сердце пришлось покидать добросердечную Киргизию, которая стала для нас второй родиной,— говорит Ян Самуэль Сабо,— и где прожил много лет. Когда поезд дал прощальный гудок, он вспомнил слова своего знаменитого земляка. Горы, горы, горы, писал Юлиус Фучик в октябре 1935 года,— такова Киргизия. Горы — главная причина бедности Киргизии и в то же время в них заключено все ее богатство. Не только потому, что среди гор расположены большие долины, словно специально созданные для посевов сахарной свеклы и других технических культур, не только потому, что здесь находятся великолепные пастбища, на которых могут пастись сотни тысяч овец, коров и лошадей, но и потому, что в недрах этих гор скрываются сказочные богатства: уголь, нефть, медь, золото.

Только с того момента, как Киргизия стала свободной советской республикой, она при-

ступила к изучению своих богатств. И оказалось, что эта страна вовсе не бедна, а наоборот — богата, безгранично богата, что скоро она станет одной из богатейших республик. Штольни проникнут в недра ее гор, быстрые горные реки дадут энергию мощным электростанциям, рядом с которыми возникнут гигантские заводы; в прекрасных долинах тьянь-шаньской Швейцарии вырастут современные города, там, где сейчас выются тропинки, по которым могут пройти лишь серны да горные бараны, возникнут санатории, школы, клубы, театры; сегодняшние кочевники станут инженерами, врачами, профессорами...

Предвидение Юлиуса Фучика базировалось на вере в силу революционных идей и тех преобразований, которые ему довелось увидеть на киргизской земле, связь с которой Самуэль не теряет до сего времени, переплывается со своими старыми и новыми друзьями, неизменно получая в ответ искренние, идущие от самого сердца письма.

Четверть века жил и работал наш добрый друг в Киргизстане, и он от души благодарит работников партийных и советских органов республики, которые не только помогали в свое время становлению кооператива и коммуны Интергельпо, но и в настоящее время проявляют большую заботу об укреплении дружбы между советским, чехословацким и венгерским народами.

Ян Самуэль-Сабо выражает искреннюю благодарность тем товарищам, с которыми ему довелось вместе работать, за то, что накопленный ими опыт помогал ему в практической работе как на посту министра местной промышленности и коммунального хозяйства ВНР, так и сейчас — в роли активного общественного-пенснера.

Записал А. Иванов.

СВЕКЛОВИЧНИЦА СУРАКАН КАЙНАЗАРОВА

В. Виткович

Год 1942-й, Чуйская долина, осень, селение Белек. В дом Суракан Кайназаровой, знатной свекловичницы, стучится русская девочка лет восьми. На ней лишь легкое платьице, ноги босы, голова не покрыта. Девочка просит хлеба. Хозяйка выносит ей белую булку. На следующий день девочка снова стучится и говорит Кайназаровой: «Возьми меня в дочки!»

Слово за слово выясняется: зовут девочку Таня, живет она в Канте, отец ушел на фронт, мамочка выгнала из дому. В поисках родственников девочка добралась сюда. И здесь посоветовали добрые люди: «Иди к Кайназаровой, она берет детей, воспитывает, кормит». Вот и пришла!

Мы не будем описывать чувств Кайназаро-

вой. Скажем только, что киргизская женщина взяла «в дочки» русскую девочку, умыла ее, накормила, одела и отправила в школу. Русское имя Татьяна зазвучало в устах Кайназаровой по-киргизски — Татына. То ли выговорить не смогла, а может, на первых порах так легче было почувствовать девочку своей? Кто знает.

Прошло полтора года. Однажды к дому Кайназаровой, опираясь на костыль, подошел человек в шинели: «Я пришел за дочкой, говорят, она у вас живет». Кайназарова ввела гостя в дом, разыскала девочку, где-то игравшую с подругами, привела ее за руку к отцу и сказала с гордостью: «Вот твоя дочка, в третий класс перешла, обутая, одетая!»

Радужные хозяева, Кайназарова и ее муж, оставили гостя ночевать. А там уговорили погостить день. И еще день. На третий, прощаясь, отец девочки сказал: «Пусть моя Таня пока останется у вас...» Он не договорил, но было понятно: он опять уходил на фронт, и ему было спокойней оставить дочь не дома, а здесь, у доброй киргизской женщины.

С фронта отец Тани не вернулся, погиб. Татьяна продолжала жить у Кайназаровой, окончила восемь классов школы, потом овладела мастерством приемной матери: тоже сделалась свекловичницей. Если рассказать о жизненном пути самой Кайназаровой, история эта обретет для нас совсем особый, волнующий смысл.

В детстве Суракан помогала отцу пасти скот. Он работал пастухом у русских кулаков в селе Сокулук. Четырнадцати лет Суракан продали за двух баранов и старую клячу пятидесятилетнему пастуху. В то время этому никто не удивился: подобные сделки были обычны. Женщин и девушек продавали, как скот, меняли на овец и охотничьих беркутов, дарили друзьям, проигрывали на скачках.

После революции были обнаружены старые счета о цене киргизских девушек, которые шли в рабство — в хорошие годы «за цену сивого мерина», а в годы массового падежа скота от бескормицы — «за одно лукошко лука». В одной песне о судьбе женщины были такие строки: «Если растелить ее горе по дороге, не хватит элечка, чтобы измерить его! Если собрать ее слезы, не хватит элечка, чтобы их осушить!» Элечек — невероятной длины широкая лента из тонкого белого полотна, которой киргизки обматывали себе голову.

До 1928 года бедствовала Суракан вместе с мужем, батрачила у баев и кулаков. Как-то раз Суракан принесла воду из пруда, а в ней оказалась лягушка. Жена хозяина, озлившись, ударила молодую женщину ногой в живот. Суракан была беременна, от удара у ней случился выкидыш, она долго болела. И больше никогда не имела детей.

Хоть с мужем у Суракан были хорошие

отношения, жить приходилось по старым обычаям: мужу не перечь, знай свое место в юрте — у двери, обходи старших сзади, убегай от родичей мужа (до первого ребенка каждая киргизка должна была так делать), не называй по имени мужчину родню. Да мало ли было диких обычаев! — всего не перечислить.

Наступили годы 1927—1930-й — годы революции в жизни киргизских женщин. Это было время, когда киргизки приходили в женотдел и спрашивали: «Можно ли мне назвать мужа по имени? Можно ли посмотреть тестю в лицо?» Услышав утвердительный ответ, они смеялись, как будто им сказали что-то забавное. Но глаза их светились счастьем. Это было время, когда женщины-дунганки уже участвовали в собраниях, но сидели спиной к президиуму и голосовали не поворачиваясь. Это было время, когда в юрту работавшей в женотделе киргизки Курбанджан Зандубаевой ворвался подосланный баями убийца и с криком: «Ты здесь, переступившая законы аллаха!.. Комиссаром стала!..» — вонзил в спину нож. Суракан работала в те годы в инкубатории птицевосхода. Однажды она получила премию за высокие выходы цыплят, и это сильно подняло ее в собственных глазах.

В 1930 году Суракан вступила в колхоз, который организовался в ее собственном урочище. Работа в колхозе, уравнившая женщин с мужчинами, еще больше поднимала киргизских женщин в собственных глазах. Я помню, как в 1930 году одна киргизка-колхозница, выступая на собрании, говорила: «Еду в конном строю с мужчинами и чувствую, как у меня растут крылья от гордости и веселья!»

Никто поэтому не удивился, когда в 1935 году на районном совещании свекловичниц, где обсуждали обращение Марии Демченко, на трибуну вышла Суракан Кайназарова, простая киргизка, и заявила, что будет соревноваться с прославленной украинской свекловичницей. И осень принесла ей победу: звено Кайназаровой собрало с каждого гектара 550 центнеров сахарной свеклы (столько же, сколько звено Демченко). Так к Кайназаровой пришла слава.

По железной дороге (ее она увидела впервые) поехала Суракан в Москву на совещание. В Кремле из рук М. И. Калинина получила Кайназарова орден Ленина. А дома, в родной Чуйской долине, ее встретили с таким почетом, который никогда не снился киргизской женщине. На заработанные деньги Кайназарова построила дом — первый дом в своей жизни (раньше в юрте жила). И когда Суракан въехала в него, с особой остротой почувствовала: пуст дом, не слышно в нем ни детского смеха, ни плача, обделила ее судьба.

Тогда-то вместе с мужем они решили взять сироту и усыновить. С тех пор детский гомон не утихал в доме Суракан. Подросток первый сын, взявший второго... Всего они воспитали во-

семь детей, и среди них русскую девочку Таню...

В течение нескольких десятков лет не умолкала слава Кайназаровой: каждый год она выращивала высокие урожаи свеклы, о ней писали газеты, ее посылали читать лекции другим свекловичницам. Всюду в Чуйской долине знали эту краснощекую богатырского сложения спокойную, веселую женщину.

Суракан Кайназарова любила говорить: «Солнце — это сахар!» «Поймать» солнце и превратить его в сахар было не так просто, это требовало искусства, знаний, труда. Кайназарова училась у Марии Демченко искусству помогать растениям «ловить» солнце, извлекать из него сахар: была у нее в гостях на Украине. Училась на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, где личному опыту Кайназаровой в 1939—1940 годах был посвящен целый раздел. Она встречалась с видными учеными и извлекала много знаний из бесед с ними. Удивительно ли (нет, все-таки удивительно!), что простая киргизская женщина, проданная когда-то за двух баранов и клячу, читала русским и киргизам лекции по свекловодству, а ее звено стало школой звеньевых: многие ученицы Кайназаровой в свое время сами возглавляли звенья в ее родном колхозе.

«Высокие башни измеряются длиной тени, людская слава — числом завистников», — говорят в Средней Азии. С каждым годом все больше завистников становилось и у Кайназаровой. Они говорили: «На жирной земле и хозяин жиреет». Тогда Суракан решила взять под свое поле каменистый участок, где сняли самый плохой урожай. «Не бойтесь», — сказала она членам своего звена, — мы получим два урожая: урожай свеклы и урожай гордости за свой труд!»

Писатель Баялинов, свидетель событий, интересно рассказывал, как Кайназарова принялась обрабатывать новое поле:

«Суракан знала, что взяла на свои плечи немалую тяжесть. Выиграть это еще невиданное в колхозе сражение с самой землей значило потрясти до самого основания представления о возможностях человека, еще раз доказать могущество коллективного труда...

Она поехала к пастухам и уговорила их перегнать на ее участок отары овец. Суракан сама участвовала в перекочевке, ведя стадо вместе со старым чабаном. «Чтобы не спутать адрес», — пошутила она. Всю зиму Суракан возила на участок навоз, старательно смешивала его со снегом, жадно копила золу.

Как только сошел с полей снег, она стала разбрасывать весь навоз так, чтобы каждый клочек земли не был обижен. И когда тракторный плуг отвалил первые пласты земли, они заблестели на солнце, точно смазанные маслом. А Суракан шла за плугом и, как говорили работники МТС, «пела свою песню»:

— Бери, голубчик, поглубже... Не оставляй орехов. Окажи внимание земле.

И тракторист вспахал поле ровными, как линейка, бороздами, пласт к пласту, без единого ореха и на полную глубину. Да и можно ли было быть небрежным, если женщина, идущая за плугом, собирала с борозды в бутылочку жучков и червячков с такой тщательностью и строгостью, словно это хищные звери, угрожающие ее жизни.

Когда участок был вспахан, Суракан снова заботливо накормила землю: разбросала по ней золу и птичий помет — с щедростью, равной жадности, с которой она копила удобрения. Еще и еще раз звено прошло по участку, выбирая спрессованные тысячелетиями голыши: оставь их, и летом, под палящим солнцем они нагреются, как раскаленное железо, превратятся в сушилки, вокруг которых сохнет земля, расползается щелями, открывая солнцу доступ к корням.

Так Кайназарова превратила плохую землю в хорошую. И осенью собрала с двух гектаров, которые обрабатывала сама, почти по тысяче центнеров! И ей присвоили звание Героя Социалистического Труда. И портрет ее был выставлен в Третьяковской галерее в Москве на Всесоюзной художественной выставке. Это ли не слава!

В стихотворении А. Осмонова «Той, которая копает свеклу» есть такие строки поэтического диалога:

— Значит, раньше ошибалась наша бедная земля?

— Да, по тысяче с гектара дали нынче мне поля!

— Тысяча?.. Вот это славно! Руку дай поцеловать!

— Руки у меня в мозолях, землю долго отмыывать...

Этот диалог киргизского поэта и киргизской колхозницы, Осмонова и Кайназаровой, зазвучит для вас со всей торжествующей силой, если вспомните вой, что Кайназарова вырастила и воспитала русскую девочку Таню, а Алыкула Осмонова, оставшегося в детстве сиротой, воспитанника Токмакского детского дома, выступавшая русская женщина, которой он посвятил стихотворение «Груне Савельевне», начинающееся так: «Из рук меня кормила ты, бывало, сладостями, словно сына, баловала. — Пусть поправляется, — твердила ты, — он слаб... И на рассвете для меня вставала...» В чем же еще дружба народов, населяющих Чуйскую долину, может проявиться сильнее, чем в материнстве!..

ГАЗЕТА «ЭРКИН-ТОО», СЫДЫК КАРАЧЕВ И ДРУГИЕ

С. С а с ы к б а е в

Помню, как первый номер киргизской газеты «Эркин-Тоо», набранный арабским шриф-

том, взял в руки с огромным волнением. Скажу откровенно, что жгучее любопытство вызывало у меня не содержание информации, статей и стихотворений, которые были опубликованы в этом выпуске, хотя все в нем я прочитал очень внимательно, не торопясь, а подписи под ними: Мираж, Пришелец, Гнев, Кудайберген — сын Кошой, Акмат — сын Кантая, Садык — сын Толегена. Под номером, в самом низу, стояло: «Ответственный редактор О., сын Аалы».

Что за люди скрывались под псевдонимами? Почему они не ставят свои полные имена? Кто это — Дорожный родник или Черный источник? Иногда газета подписывалась так: временно исполняющий обязанности редактора Т. Аалы (или Р. Калим), и я опять задумывался: «Кто же они, эти люди?»

Меня не покидала мечта навестить редакцию газеты и познакомиться с журналистами.

Осенью 1925 года, прочитав в одном из номеров «Эркин-Тоо», что открывающийся в нашей столице педагогический техникум будет принимать молодежь из сел, я загорелся желанием поехать во Фрунзе. Даже то, что школа в нашем селе Уч-Урук стала готовиться к новому учебному году, не вызвало у меня прежнего взволнованного интереса.

Мой одноклассник сказал со значением: «Ремонт школы идет хорошо. Скоро учителя привезут из столицы новые учебники. Однако я не обратил внимания на эти слова, потому что мыслями был уже в техникуме. Мне надоело из года в год повторять одно и то же.

Вдобавок к этому ребята, с которыми я вместе учился в Токмакском интернате оказывается, еще летом уехали в Алма-Ату и Ташкент. Подобно птице, отбившейся от стаи, я горько переживал свое одиночество. «Были бы живы родители, — думалось про себя, — и я давно бы отправился в путь...»

От досады хотелось плакать. В эти дни в «Эркин-Тоо» было напечатано стихотворение Мукая Элебаева, в котором поэт делился своей давней мечтой о продолжении образования, и я был огорчен во сто крат: «Ото всей души рвусь я к учению, оно не дает мне покоя...»

Повторяя эти строки, я с удивлением поймал себя на желании написать в газету, поделиться с читателями своими горестями и печалью. С тех самых пор я стал приглядываться к тому, как пишет Сыдык Карачев, потому что своеобразие его языка, простота стиля, конкретность и доходчивость изложения мыслей в его материалах меня подкупали.

Откуда мне тогда было знать, что Сыдык Карачев окончил татарскую школу в Караколе, хорошо читал по-арабски, учился в русской школе, был знаком с русской художественной литературой, писателями и поэтами Востока,

сочинял стихотворения на татарском языке и еще до Великой Октябрьской социалистической революции печатался в книгах.

После решения правительства об издании газеты «Эркин-Тоо» Сыдык Карачева приглашают в Ташкент как одного из широко образованных интеллигентов того времени. Приехали в Ташкент другие люди, умевшие писать по-киргизски на основе арабского алфавита. Редактором газеты назначается Осмонкул Алиев, который еще раньше, в 1916 году, окончил русско-туземную школу, а позднее учился в Ташкентском институте просвещения и работал в столичном горкоме комсомола Узбекистана.

Осмонкул Алиев, великолепно владеющий родным и русским языками, был человеком высокообразованным, деятельным, задорным и громкоголосым. Он осуществлял в газете общее руководство, ведал вопросами политики, экономики, хозяйственными делами. Карачев, ответственный секретарь, взял на себя литературу, внутриредакционные дела и типографию. Он также являлся редактором журнала «Коммунист», отдавал много сил воспитанию подрастающего поколения.

Сыдык Карачев был большой любитель литературы. Ему в то время исполнилось только 26 лет, но он ясно представлял себе всю сложность работы в совсем недавно созданной республиканской газете, в редакции, где, как он сам говорил, не было даже потника для езды.

Сыдык работал, не жалея сил, вникая буквально в каждую мелочь редакционной жизни. В октябре 1926 года Осмонкула Алиева переводят на другую работу, и чередой начинают меняться редакторы «Эркин-Тоо» (позже газеты «Кызыл Кыргызстан»), лишь только Карачев неумоимо продолжал тянуть лямку ответственного секретаря.

Как-то я задумал написать в газету о своей собственной судьбе. Материал сложился быстро, и я, озаглавив свою небольшую статью «Сироты без присмотра», отправил ее в редакцию, подумав при этом, что если она будет опубликована, то я без помех поступлю в новый педагогический техникум.

Адрес на конверте написал такой: «Редакции газеты «Эркин-Тоо», что в столице Киргизской автономной области городе Пишпеке, ее ответредктору Осмонкулу Алиеву!» Мне тогда казалось, не направь я свое письмо на имя редактора, оно обязательно затеряется по пути. Я тогда не знал, что корреспондентской сетью в редакции ведал Сыдык Карачев, ответственный секретарь.

Бросив письмо в почтовый ящик, я с надеждой заглядывал в каждый номер «Эркин-Тоо». Даже иногда гадал на камешках и неизменно получал благоприятный расклад. «Если,— думал я,— мою заметку опубликуют, начинаю сотрудничать в газете. Если нет, я са-

мый несчастный человек изо всех несчастных людей...»

В те дни я настойчиво искал встречи со знакомым почтальоном по имени Адигине. Тогда газеты и журналы из Пишпека до моего села шли очень долго. «Эркин-Тоо» попадала в сельсовет на пятый—шестой день. С большим трудом удавалось выпросить газету у почтальона, поскольку, как помнится, был он человеком сварливым и скупым.

Бывало, часами сидел в ожидании, а он, заметив меня издали, прищипывал своего гнедого, стараясь побыстрее проскочить мимо. Я загораживал ему дорогу, и он угрюмо брызжал:

— Все сидишь, упрямец? Газету не дам, не надейся и не жди. Подписчикам нехватает...

— Дядя Адигине, дядя Адигине! — кричал я со слезами на глазах, но на мои мольбы не обращали никакого внимания.

Однажды меня поймали при попытке стащить номер «Эркин-Тоо» в Красной избе. После этого случая строго предупредили: «Прочитай, оставь газету в избе, парень!» Как-то раз, опять встретив почтальона, попросил:

— Дядюшка Адигине, дай только взглянуть одним глазком! Я тут же верну газету.

Почтальон пробурчал недовольно:

— Настырный какой. На, да быстрее смотри, ждешь некогда.

Я торопливо зашелестел бумагой и вдруг замер: моя статья «Сироты без присмотра» стояла в номере. Я невольно, еще не веря своим глазам, воскликнул:

— Вот это да!..

— Что случилось? Твоя заметка опубликована? — спросил дядюшка Адигине, пристально глядя на меня.

— Да-да, дорогой дядюшка, опубликовали мою статью!

— Неужели? — удивился почтальон. — Выходит, ты теперь наш сельский корреспондент. Чего же ты раньше не сказал, что написал в редакцию? Раз так, бери этот номер. И впредь чаще пиши! — сказал почтальон поучительно и пустил гнедого рысцой, чтобы поделиться новостью с сельчанами.

* * *

Осенью 1925 года я был принят в педагогический техникум. Я от души радовался, приписывая этот счастливый поворот судьбы публикации моей статьи в «Эркин-Тоо». На самом же деле большой подмогой для меня стало то, что в интернате для сирот нас обучали на татарском языке, что там я научился читать по-русски.

Поступление в столичный техникум успокоило мою душу. Пока завершали строительство общежития, столовой, нас, учащихся, не обременяли заботами. На питание нам ежедневно

выдавали по сорок копеек. О других судить не могу, но для меня эта сумма была приличной: в осеннюю пору всего было много, а буханка хлеба стоила всего пять копеек, небольшой арбуз — семь — восемь копеек. Горячей пищей баловались раз в день, в обед, а утром и вечером обходились арбузами, хлебом с айраном.

Я чуть не каждый день собирался пойти в редакцию «Эркин-Тоо», познакомиться с ее сотрудниками, своими глазами увидеть, как рождается газета, да все как-то не решался. Молдоакунов, мой знакомый по интернату, подсмеивался надо мной, и я, в конце концов, собрался нанести визит журналистам.

Когда мы проходили мимо частной фотографии, которая стояла в районе нынешнего Киргизского государственного музея изобразительных искусств, мой спутник остановился и принялся внимательно рассматривать рекламные фотокарточки в рамках. Потом повернулся ко мне:

— Не знаешь этого старика? — И он показал на фотографию человека в белой шубе, с бородой и в тибетейке.

— Лицо как будто знакомое, но кто он, не знаю, — ответил я.

— Это и есть знаменитый манасчи Сагынбай — сын Орозбака. А теперь взгляни вот на этот снимок... Знакомых не заметил?

— Знакомых? — с сомнением переспросил я и стал внимательно рассматривать лица на фотокарточке. Первым узнал юношу, которому на снимке было лет пятнадцать — шестнадцать. Я уверенно ткнул пальцем в витрину, сказал с улыбкой:

— Этого знаю. Это наш кичиеминский парень, мой земляк, в одних местах мы с ним росли. Мы с ним учились в Токмакском интернате. Слышал, что он собирался ехать учиться в Алма-Ату.

— Теперь он работает переписчиком в редакции газеты «Эркин-Тоо». Я его видел там. А вот эти все — журналисты. Вот, гляди, сидит в самой середине парень... Да, да этот самый, который важничает, будто господин какой-то. Знаешь, кто это?

— Не знаю, — был мой ответ.

— Это и есть Сыдык Карачев, самый главный человек в редакции. С Ташкента еще выпускает газету. А ребята вокруг него — сотрудники газеты. Ну, пошли! Чего ты уставился на фотографию. Всех сможешь увидеть наяву в редакции. Пошли, кому говорю!..

Редакция помещалась в одноэтажном доме, с небольшими окнами, который находится на углу улиц Советской и Баетова. На фасаде его укреплен мраморная доска с надписью о том, что здесь в 1918 году издавался «Пишпекский листок». Мы входили в дом через крытое крыльцо с перилами.

— Вот и редакция! — торжественно объявил

мой провожатый. — Мне там делать нечего, ведь я не пишу.

— Идем, — потащил я его за собой, честно говоря, для поддержки духа.

За столом, покрытым синим сукном, на котором стояла стеклянная чернильница, лежали ручки, бумага, сидел парень в белой рубашке гладко причесанный. В левой руке он небрежно держал папиросу, а правой, вооруженной ручкой, что-то писал. Он так увлекся своим делом, что даже не поднял головы, когда мы вошли. Это был «важный господин» с фотографии — Сыдык Карачев.

Другой сотрудник, сидящий за столом у самого входа, рыжеволосый, с веснушками на щеках, окинул нас равнодушным взглядом: «А это одни из завсегдатаев редакции», — и опять углубился в бумагу. Мы смущились, не зная, что делать. Молдоакунов дернул меня за руку, как бы говоря: «Пошли, им до нас нет никакого дела». В этот момент из другой комнаты вышел худощавый, с бритой головой, молодой мужчина. Он внимательным взглядом окинул нас с ног до головы, спросил:

— Заметку, что ли, принесли?

Я волнуясь, ответил:

— На этот раз пришел без заметки, просто познакомиться с вами. В газете уже печатались мои заметки.

— И ты явился за гонораром?

— За гонораром?.. Я не знаю, что это такое.

Сотрудники газеты дружно рассмеялись. Сыдык, бросив окурочку в пепельницу, приветливо произнес:

— Говоришь, уже печатался у нас?.. Как тебя зовут?

— Саткын Сасыкбаев, — ответил я не без волнения: еще бы, со мной разговаривал настоящий сотрудник газеты, журналист. Тогда бритый с усмешкой, как показалось мне, вымолвил:

— А-а, это, оказывается, один из самых плодovitых наших корреспондентов. Пишет, как воду льет из ведра. Припоминаю, что несколько твоих заметок были опубликованы.

— Ты, Майрыков, иди к себе и займись делом, — попросил бритого Сыдык. Потом я узнал, что Майрыков вел переписку с авторами, регистрировал поступающие письма, писал ответы и при этом иногда сочинял такое: «Не утруждай себя больше писаниной. От нее нет никакой пользы». Грубиян был этот Майрыков.

— Значит, ты и есть Саткын? — приветливо обратился ко мне Сыдык своим негромким голосом. — Мне помнится, что одна твоя статья была о Токмакском интернате, так?..

— Да, — смущился я.

— Для начинающего неплохо, но надо учиться.

Когда я сказал, что поступил в педагогический техникум, он одобрил этот мой шаг.

— Замечательно, молодец! Учись и пиши нам...

О чем мы еще говорили? Карачев интересовался моим житьем-бытьем, дал несколько кратких, но очень полезных советов как начинающему журналисту. Ещё раньше рассказывали мне, что Сыдык проявляет живой интерес к молодым корреспондентам, особенно из рабоче-крестьянской среды. Он сам просматривал все поступающие в редакцию письма, сам их готовил для печати. В ту пору редакционный воз тянули так: Сыдык был коренным, а все остальные сотрудники равнялись на него, торопились за ним.

* * *

После разговора с Карачевым я укрепился духом. Утвердительно отвечая на вопрос Сыдыка, своим ли именем я подписываю собственные материалы, подумал, что, вероятно, можно использовать и псевдонимы, число поклонников которых среди журналистов, авторов газеты росло изо дня в день. Иные не ломали головы, просто ставили сокращенные имена или фамилии: из Кубанычбека получался Куубек, из Кыпаева — Кып.

Это увлечение не обошло и меня. Как-то с фельетоном «Летний отдых» я пришел в редакцию. Сыдык внимательно почитал его, улыбнулся и заметил:

— «Внимательный!..» Это, пожалуй, лучше, чем Куубек или Кып. Быть внимательным, значит, быть толковым журналистом. И все-таки, как я считаю, фельетоны лучше подписывать своим именем.

Я возразил:

— Молодежь берет пример с вас, старших. Вскоре после этого разговора в «Эркин-Тоо» появилась рецензия на спектакль Молдогазы Токобаева «Бедная Какей», под которой стояла подпись Веселый. В то время у киргизов еще не было в обиходе слов «спектакль», «концерт». Говорили так: «увеселение», «игры-развлечения», «вечер забав». Прочитал рецензию и заключил — стиль Сыдыка. В тот же день отправился в редакцию. Там находились Молдогазы, Сыдык, еще кто-то, не помню, и обсуждали «Бедную Какей». Говорилось, в частности, о том, что эта постановка — большое событие в культурной жизни народа. Видимо, Молдогазы был доволен теплым откликом Сыдыка, сидел он сияющий, с румянцем на лице, не спеша затягиваясь папироской.

Когда старшие замолчали, я заметил:

— Дядюшка Сыдык, вы написали хорошую рецензию, но не понимаю, почему подписались не своим именем? Веселыми, по-моему, можно пруд прудить, так их много расплодилось.

Кто-то поддержал меня:

— Верно. Лучше бы своим именем подпи-

саться.

Сыдык, рассмеявшись, поинтересовался:

— Откуда ты узнал, что Веселый — это я?

— Узнал по вашему стилю.

Молдогазы заключил так:

— Все, что ты, Сыдык, пишешь, этот парень очень внимательно читает, иные шедевры даже переписывает.

— Зачем это? — обратился Сыдык ко мне.

— Учусь, на старших глядя...

Когда в редакции еще не было машинок, мне не раз приходилось переписывать материалы для набора. Сыдык понял, что я человек дисциплинированный, исполнительный, но, как кажется, больше ему нравился мой хороший почерк. Однако учил он не простому копированию материала, а вдумчивому отношению к подбору слов, к построению фраз. Только через годы я понял, что он хотел привлечь меня к работе в редакции, надеялся сделать своим помощником.

Однажды, уже не по делу, а по привычке, я пришел в редакцию. Сыдык улыбнулся:

— Хорошо, что ты заглянул к нам. Помогите мне. Я закончил правку этой статьи. Быстрее переписи, пожалуйста, а то наборщики требуют материал.

Переписывать материалы от руки было мученической работой. А ведь среди них некоторые насчитывали ни много ни мало по две тысячи строк. Штатные переписчики не успевали, и поэтому за помощью обращались к наиболее активным авторам.

— Дядюшка Сыдык, у нас скоро начинаются уроки. Вон, вижу, идет Мукай Элебаев, попросите его.

До сих пор помню ответ Сыдыка:

— Почерк у Мукай страшный, он переписывает так, что не только наборщики, а даже я с трудом разбираю. Буквы Мукай, как следы пьяного муллы — вкривь да вкось.

Хотя Мукай и Сыдык были родом из Прииссыкуля, очно познакомились они только в 1926 году в редакции газеты «Эркин-Тоо». В педагогический техникум Мукай поступил годом позже нас, а Джантошев, Байджиев, Бектосунов, Соронбаев, Джакишев, Майтукин и я учились на одном курсе.

Как-то мы спросили Мукай, почему он опоздал на занятия, он ответил:

— Опоздал потому, ребята, что надеялся получить должность начальника милиции Каракольского кантона.

В этом ответе был Мукай. Человек добродушный, он любил шутку, смех, розыгрыш.

В один из дней мы с Мукаем вышли из техникума с намерением побывать в редакции «Эркин-Тоо». На Элебаеве были старая-престарая шинель, полинявший колпак, напоминавший шляпу. Кожаные желтые штаны закрывали видавшие виды, огромные, не по размеру, ботинки. Он затянулся самокруткой, выпустил густой клуб дыма и сказал:

— Саткын, ты, оказывается, табаком не балуешься, а я давно курю... Кха-кха... — Он закашлялся. Отдышался и продолжил: — В казенной одежде ты выглядишь на все сто. Я же похож на солдата, бежавшего из плена. Как бы меня из редакции не прогнали. «Что это за оборванец пришел, скажут?»

— Не только в этой шинели, а в рубище ничего тебя примут как поэта Мукая Элебаева, — подбодрил я товарища. Он благодарно взглянул на меня, облегченно вздохнул и ускорил шаг, по привычке широко взмахивая правой рукой.

Он не любил разговаривать на ходу, а обожал неторопливые прогулки, напевая про себя. Если получались стихи, останавливался, доставал из кармана выдавший виды блокнот, весь в махорке, с растрепанными углами, и прикусив кончик папиросы, выводил коротким карандашом кривые строчки.

— Ну, чего ты застрял, пошли, — бывало, возмущался. Он же, не спеша, засунет блокнот и карандаш в карман, несколько раз занытит табачным дымом и только после этого суетливо засеменил вслед.

Наконец пришли в редакцию. Поздоровались. Кто-то, узнав Мукая, назвал его по имени. Только тогда Сыдык, оторвался от бумаг и пристально посмотрел на него. Пожимая руку смущенному поэту, сказал:

— Значит, ты и есть тот самый знаменитый Мукай. — Глаза Сыдыка восхищенно заблестели. Элебаев сконфуженно потупился, пряча худые, обожженные махоркой пальцы в карман шинели. Кивнул головой:

— Да, я Мукай...

— Хорошо, очень хорошо! Второй год печатаем Щедрого в нашей газете, а еще ни разу не видели. Чего раньше не приходил? — Мукай неопределенно пожал плечами, а Сыдык вновь спросил: — Ты еще не поступил в техникум? Или тебя просто не успели обмундировать?

Лицо Мукая посветлело, он ответил:

— Только приехал, опоздал, а одежду обещали скоро выдать.

— Ты же должен был поступить в техникум одним из первых. Почему задержался?

— Не всегда выходит так, как хотелось бы, но, слава аллаху, в техникум все же поступил. Сыдык одобрил:

— Верно говоришь, Мукай. Со временем возьмешь свое. Учись хорошо, но не забывая о стихах...

С той поры Мукай Элебаев стал частым гостем в редакции.

М. Алексеев

Когда газета «Эркин-Тоо» стала издаваться в Пишпекке, то тиражировалась она на простейшей печатной машине и укладывалась вруч-

ную. Нашим укладчиком был старик Бокен, с которым я подружился. Весь тираж из типографии он доставлял в редакцию на своих плечах и разбирал по номерам.

В день выхода газеты я обязательно приходил в редакцию в надежде увидеть в номере что-нибудь свое и первым делом спрашивал, где аксакал Бокен. Если его не было на месте, то торопился ему навстречу. Как-то я увидел его на Ташкентской улице с большой кипой газет на плече. Поздоровавшись, взял половину тиража. Следуя за мной, старик недовольно бурчал:

— Саткын, ты знаешь, что мне часто приходится таскать газету. Нет у меня ни лошади, ни телеги.

Осеню мы предпочитали ходить по улицам босиком. Бокен как-то с грустью спросил:

— Саткын, верблюжонок мой, ты, видно, сын бедняка? Взгляни на свои пятки: они напоминают мне копыта коня. — Старик горестно поджал губы. — Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— А где родители?

— Родителей нет, — ответил я. Тогда старик хрипло произнес:

— Не горюй. Теперь государство заботится о таких, как ты. Это дала нам Советская власть и Ленин. Об этом я узнал через нашу «Эркин-Тоо», — с гордостью заключил старый Бокен.

Кажется, году в двадцать шестом я узнал, что возле станции Пишпек обосновалась чехословацкая коммуна «Интергельпо»: Давлетша Шамгунов организовал туда экскурсию. Мы побывали на строительстве предприятий и других объектов, познакомились с жизнью коммунаров. Машины и оборудование, которые нам до этого не приходилось видеть, аккумуляторные дома, окруженные — штакетником, организованный быт произвели на нас огромное впечатление. Я делал короткие заметки в блокноте, и Шамгунов, довольный, заметил:

— Записывай, сынок, записывай, сынок! Эти машины чехи привезли с собой, но скоро и у нас появятся свои заводы и фабрики...

После экскурсии я написал очерк под заголовком «Чехословакия в Киргизии» и передал его Сыдыку Карачеву. Тот сказал:

— Это нужный материал. Чаще пиши на промышленные темы.

Вскоре мой очерк появился на первой странице газеты, в подвале. Я был рад несказанно: в редакции оценили важность материала, и хотелось верить, что по заслугам. Сыдык приободрил меня:

— Очерк «Чехословакия в Киргизии» сделан удачно, пошел почти без правки. Ждем новый материал на промышленную тему.

Вскоре после этого важного для меня события Сыдык попросил меня принести свою фотографию. Когда я принес, он объявил, что меня считают одним из активных авторов, по-

этому назначают специальным корреспондентом газеты по Пишпекскому округу. Я не верил своим ушам, но Сыдык тут же торжественно вручил мне документ с угловым штампом: «Саткын Сасыкбаев является специальным корреспондентом газеты «Эркин-Тоо» по Пишпекскому округу, что и удостоверяется подлинными подписями и печатью. Заместитель редактора газеты «Эркин-Тоо» С. Карачев. Управляющий делами конторы газеты «Эркин-Тоо» А. Тереников. Город Пишпек. 30 января 1926 года».

— А зачем понадобилась моя фотография?
— Об этом узнаешь позже,— сказал загадочно Сыдык.

Однажды решил я попробовать свои силы в рассказе. Тему подсказала жизнь: мою знакомую девушку обидел парень. Об этом я и написал, назвав рассказ «Ненаглядная» — так величали девушку родители. Рассказ писался быстро, потому, вероятно, что героиню и всех других персонажей я прекрасно знал. Писал, как говорят художники, с натуры, но не ограничивал перо, когда начинала работать фантазия. Отнес рассказ в редакцию и уехал на каникулы, не питая особой надежды на то, что его опубликуют.

Когда осенью вернулся, то в общежитии встретил Касымалы Джонтошева, который задуманно поздоровался со мной и с неясным намеком спросил:

— Хорошо отдохнул? Видно, привез большие новости?

— Отдохнул хорошо, только что вернулся из родного аила. Новостей нет, а что у вас нового?

— Новостей у нас полно. Если ты пообещаешь мне суйунчу-подарок за хорошую весть, расскажу,— вымолвил Касымалы с довольным видом.

— Ладно, получишь, говори,— пообещал я.

— В «Эркин-Тоо» была литературная страница с твоим рассказом. Еще не видел?

— Не видел. Случайно нет у тебя этого номера?

— Есть, но получишь ты его только после, тогда, когда вручишь мне подарок,— отрезал мой мучитель.

— Считай, что подарок у тебя в руках. Давай газету, истязатель!

В общежитии Касымалы, не торопясь, открыл деревянный сундучок, достал газету и предупредил:

— Даю с условием: прочитаешь — сразу верни.

В то время мы хранили «Эркин-Тоо» в чемоданах, под подушками, носили за пазухой. Я с трепещущим сердцем развернул газету. Вся третья страница была отведена литературе. Это целых шесть колонок сверху донизу.

В самом низу, в подвале, на всю ширину газетного листа стоял мой рассказ.

Круглый сирота, хвативший с самого детства горя по горло, я сильно обрадовался, услышав, что принят в педагогический техникум. А вот теперь публикация моего первого рассказа расстрогала меня до слез.

Первая в истории газеты «Эркин-Тоо» литературная страница открывалась вступительной статьей Сыдыка Карачева «Нашим молодым поэтам и писателям». В номере были напечатаны стихотворения Молдогазы Токобаева «Другу» и Касымалы Баялинова «Ала-Тоо, не забудь о прошлом!», фельетон Кубанычбека Маликова «Коса на камень», портрет знаменитого писателя-коммуниста Анри Барбюса и картина художника Абрамцева «Народ, поднимающий знамя».

Карачев в своей статье писал: «С сегодняшнего дня мы открываем «Литературную страницу», которая будет знакомить читателей с творчеством молодых поэтов и писателей, привлекать к литературе новые талантливые силы, предоставляя возможность для их творческой закалки. Художественной литературы у нас почти нет, нет у нас книг и учебников, которые бы показывали пути развития молодых талантов. Для публикации художественных произведений нет у нас и журнала. Поэтому нашей творческой молодежи негде показать свое творческое лицо. Учитывая это, редакция открывает «Литературную страницу», которая будет выходить один раз в неделю. На этой странице будут публиковаться стихотворения, фельетоны и другие произведения новых талантов, молодых писателей и поэтов...»

Чтобы узнать мнение о своем рассказе и выпросить номер с «Литературной страницей», я пришел в редакцию, поздоровался с Сыдыком, который с улыбкой одобрения сказал:

— А, ненаглядный,ходи,ходи. Видел свой рассказ?

Я ответил, что видел только мельком. Он без слов достал из выдвижного ящика стола несколько номеров и протянул мне со словами:

— Вот тебе три экземпляра, читай, сколько душе угодно.

— Огромное спасибо, дядюшка Сыдык,— поблагодарил я и отвернулся, чтобы он не увидел слез благодарности на моих глазах: я понял, что эти газеты хранились именно для меня.

Выход в свет пятитысячного номера «Эркин-Тоо» был отмечен специальным выпуском газеты. На второй и третьей страницах красовались фотографии рабочих, батрацких и сельских корреспондентов, писателей: Мукая

Элебаева, Хусейина Карасаева, Султана Орозбаева, Джумакасыма Кыпаева и других.

В этом же номере напечатали воспоминания Сыдыка Карачева о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться при выпуске первых номеров. Организаторы не имели даже бумаги, чтобы печатать ее, не было квалифицированных журналистов из числа киргизов, наборщиков, издательских работников. Но все невзгоды удалось победить, и вот мы — свидетели рождения пятидесяти тысяч номера газеты «Эркин-Тоо» на киргизском языке.

В 1930 году, после окончания техникума, меня направили работать в редакцию газеты «Кызыл Кыргызстан» (так теперь называлась моя родная «Эркин-Тоо»).

— Это мы просили, чтобы тебя и Элебаева оставили в нашей газете. Приступай к работе. Пока будешь литературным сотрудником при секретариате, а дальше видно будет.

— Опять переписывать материалы, бегать с ними в типографию, ругаться с наборщиками?

Сыдык от души рассмеялся:

— Теперь в редакции есть машинистки, которые печатают на киргизском языке. В типографию вернулись с учебы наши наборщики. Так что у тебя время будет и для совершенствования литературного мастерства. Скоро собираемся издать сборник произведений молодых писателей под названием «Взлет». Ты принеси свои стихи...

В 1931 году было решено в Караколе выпускать газету. На должность ответственного секретаря и — временно — редактором газеты назначили меня. Для новой редакции были определены наборщик, корректор, заведующий хозяйством. Вскоре «Джаны айыл» («Новый аил») стала выходить.

Первый номер я послал в редакцию «Кызыл Кыргызстана», и вскоре получил письмо от Сыдыка Карачева с поздравлениями и теплыми пожеланиями новых творческих успехов. «Я, — заканчивал он письмо, — душевно удовлетворен тем, что теперь в Прииссыккулье есть свой печатный орган — районная газета «Джаны айыл».

Сыдык Карачев до конца своих дней был отзывчивым, добрым человеком...

Перевод с киргизского.

ВРЕМЕНИ НЕ ПОДВЛАСТНЫ

М. Алексеев

Город Фрунзе — в сиянии кумачевых полотен, и кажется мне теперь, что тот сентябрьский день 1965 года весь — от рассвета до

заката — был окрашен в розовые тона: юность Киргизстана торжественно отмечала сорокалетие своего комсомола. Мы, участники праздничного пленума ЦК ЛКСМ Киргизии, испытывали необычайное волнение.

Нам казалось, что из глубины четырех десятилетий до нас доносились голоса соратников по комсомолу, мы ощущали тесную связь, взаимотяготение времен — прошлого и настоящего: для нас и этот наш праздник и то событие — первый съезд РЛКСМ Киргизии, — которое безжалостное время пыталось отдалить, были оправлены в очень живое — дела тех первых барабанщиков, священный пепел которых стучал в наши сердца, в сердца их продолжателей, потомков.

Это ощущение было реальностью, той самой великой силой, которая бросала молодую великую на кронштадтский лед, в непримиримых схватках с врагами революции вела борьбу за Советскую власть, за индустриализацию и коллективизацию, против фашистов, звала на освоение казахстанской целины и строительство мощных гидроэлектростанций Нарынско-го каскада, первой из которых была Уч-Кульганская...

История не может жить только в книгах, прежде всего, она живет в наших сердцах, без этого память не может существовать. В самом деле, только горячее сыновнее чувство может оживать музейную реликвию или обелиск над братской могилой воинов, без этого они — просто камень или металл, старая ткань или ничего не говорящая бумага.

Разве не так? Прошлое может жить только людской памятью, благодарной или неблагодарной — это уже другое дело, но лишь памятью, ничем иным...

Учредительный съезд киргизского комсомола состоялся 25 мая 1925 года. Он и открыл первую страницу единого Союза молодежи республики, организационно оформил его в одну семью. Что обсуждали делегаты? Съезд принял шефство Тверской комсомольской организации над комсомолом Киргизии, внимательно рассмотрел положение в области и поставленные партией задачи текущего момента, заслушал доклады и сообщения о деятельности Средазбюро РЛКСМ, своего организационного бюро, обсудил очередные задачи, стоящие перед комсомольцами, юношами и девушками, другие актуальные вопросы.

Съезд открыл ответственный секретарь организационного бюро, секретарь Киргизского обкома комсомола Осмонкул Алиев. Он сказал:

— Товарищи! День открытия первого Учредительного съезда РЛКСМ Киргизстана имеет историческое значение для нашей организации, лучшие представители которой собрались впервые после проведения национально-государственного размежевания. В этот день,

день торжества Ленинского комсомола Киргизстана, в рядах нашей партии отсутствует тот, чье имя мы носим, отсутствует тот, во имя выполнения заветов которого дали мы клятву, отсутствует тот, кто всю жизнь посвящал интересам рабочего класса, отсутствует вождь его и организатор РКП(б) — авангарда рабочего класса Владимир Ильич Ленин. Память о нем я предлагаю почтить вставанием...

Теперь я хочу сказать о том, что мы сделали после национального размежевания Средней Азии. Прежде всего необходимо отметить, что во время всей нашей работы было много препятствий: отсутствовали подготовленные работники из числа коренной национальности, с одной стороны, и с другой, — это было время байско-манаповского наступления, направленного на разложение советского аппарата и затухания роли батрачества и бедноты.

Съезд партии все это устранил, и выступление баев и манапов было отбито. Много такого рода препятствий пришлось преодолеть органам Советской власти, и от преодоления этих препятствий и от общих условий зависела работа комсомола. Но, несмотря на это, мы все основные задачи, выдвигаемые перед нами партией, выполнили.

Были и другие основные задачи, которые мы не могли выполнить до настоящего съезда, потому что переживали период организационного оформления. Областная организация теперь оформлена, батрацко-бедняцкая молодежь усиленно вовлекалась в комсомол, и сейчас также идет в организации. Наша организация насчитывает в своих рядах теперь шестьдесят — семьдесят процентов киргизов. Но все это не говорит о том, что нам нечего делать.

Основной нашей задачей сейчас является ликвидация безграмотности и политическое воспитание вновь принятых. Мы вовлекли батрачество в свои ряды, теперь нужно эту молодежь воспитывать в ленинском духе.

Подготовка актива из числа киргизской молодежи в силу необходимости усиления руководства и перенесения внимания в аил и деревню и проведения воспитательной работы, усиления экономической работы в силу скверных материальных условий батрака и в силу его правовой зависимости — также самая актуальная наша задача. Под знаком заботы о выполнении этих лозунгов первый Учредительный съезд РЛКСМ Киргизстана объявляю открытым!..

В едином порыве делегаты и гости съезда поднялись и запели «Интернационал». Решимость и твердая воля выполнить все ленинские заветы слышались в молодых голосах. Было трудное время, страна первый год жила без своего учителя и вождя, но юные его сыны дали слово партии, народу, что будут

достойными строителями социализма, что они не свернут с пути, указанного Владимиром Ильичем Лениным.

Вчитайтесь в строки постановления Каракольского угоркома комсомола, и вы сразу ощутите горячий накал чувств киргизской молодежи: «По случай утери мирового вождя В. И. Ленина, под руководством которого российский пролетариат создал свой мощный Союз ССР в угрозу международной буржуазии, и мы сумели поднять на должную высоту разоренное экономически хозяйство нашей страны, чем заставили признать нас крупную антанту Англии, Италии и др. Дабы эта великая утеря из рядов Коммунистической партии не отразилась на партийном строительстве и организационном укреплении Коммунистического Союза Молодежи в целом а в частности, на дальней окраине Туркестана, мы как сыны Коммунистической партии — Союз Коммолодежи Туркестана — сплотимся своими юными рядами вокруг Коммунистической партии и безукоризненно будем строить великое здание коммунизма, фундамент которого заложил незабвенный вождь и учитель В. И. Ленин».

А вот строки из письма участников торжественного пленума ЦК ЛКСМ в адрес ЦК КПСС: «Для каждого из нас нет больше ответственности, чем выполнять поручения партии, нет выше чести, чем работать под ее руководством. Комсомол Киргизии клянется всегда быть верным помощником Коммунистической партии в борьбе за коммунизм... Участники торжественного пленума Центрального Комитета ЛКСМ Киргизии, посвященного 40-летию комсомола Киргизии, от имени комсомольцев, всей молодежи заверяют Коммунистическую партию в том, что юноши и девушки республики под знаменем партии Ленина будут и впредь высоко нести Красные знамена Великого Октября, все свои силы, знания, свою энергию отдадут великому делу строительства коммунистического общества, делу наших отцов, старших братьев и сестер».

Единая кровь бьется в наших сердцах, единая воля сплывается все без исключения комсомольские поколения: делегаты первого Учредительного съезда и участники торжественного пленума ЦК ЛКСМ Киргизии, несмотря на то, что их разделяли целых сорок лет, учились жить и работать у своих старших товарищей-коммунистов, у Ленина. Как видно, это стало лучшей традицией молодых энтузиастов строительства новой жизни.

Делегаты первого съезда комсомола Киргизии минутой молчания почтили память Гани Муратбаева и других верных сынов партии и комсомола.

Гани Муратбаев... На перекличках среднеазиатского комсомола его имя называется в ряду первых. Весть о Великой Октябрьской социалистической революции заставляет его в

одной из школ города Казалинска Сыр-Дарьинской области. Ему было всего пятнадцать лет, он еще не был ни комсомольцем, ни членом партии, но сердцем поняв глубинную суть революции, Гани становится на путь борьбы за улучшение быта и просвещение крестьянских детей, агитирует казахскую молодежь в ряды Красной гвардии.

Стремление как можно быстрее увидеть плоды преобразований, отсутствие революционного опыта иногда приводят к ошибкам, и однажды, к примеру, члены казалинского молодежного кружка решают осуществить декрет Советского правительства об отделении церкви от государства и школы — от церкви явочным порядком: Гани с товарищами вырасывают из учебных заведений города всю церковную утварь, насильно изгоняют попов, преподавателей «закона божьего». Противники нового строя натравили на юношей религиозных фанатиков, и чтобы спасти Гани от самосуда, городской комитет партии направляет его на краткосрочные курсы учителей в Ташкент.

В Ташкенте Гани и его единомышленники становятся свидетелями контрреволюционного кровавого мятежа, после подавления которого, весной 1919 года, Муратбаев становится комсомольцем. Совсем еще парнишка, он учится, работает в цейхгаузе Казахско-киргизского педагогического училища, ведет большую общественно-политическую деятельность, вовлекает будущих учителей в комсомол.

Именно он создает первую комсомольскую ячейку из молодежи коренных народов Средней Азии. Это он, Гани Муратбаев, вместе с комсомольцами активно борется с голодом в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях, создает питательные пункты, амбулатории, строит бараки для голодающих, организует детские приюты для сирот.

В начале сентября 1919 года в Ташкент приезжают члены созданной по инициативе В. И. Ленина Туркестанской комиссии, которые доставляют известное ленинское письмо товарищам коммунистам Туркестана, в котором подчеркивалось, в частности, что установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для РСФСР огромное значение.

Гани вместе с тысячами других партийных и комсомольских пропагандистов читал это письмо жителям Ташкента, которое сыграло огромнейшую роль не только в агитации за новую жизнь среди населения, но и в идейной закалке самого Муратбаева — интернационалиста, пламенного проповедника дружбы народов нашей страны.

Решающее значение для него имела встреча с В. В. Куйбышевым, замечательным революционером и сподвижником Владимира Ильича, который в те годы руководил Политическим управлением Реввоенсовета Турк-

фронта и одновременно возглавлял борьбу с голодом и беспризорностью. Зоркий взгляд его точно угадал в широкой натуре юного бойца революционную страсть и поручил Гани вести политико-массовую работу среди представителей коренного населения, которые призывались в ряды регулярной Красной Армии.

Муратбаеву можно позавидовать, так ему везло на знакомства. В середине 1920 года в Верном он создавал областные казахско-киргизские педагогические подготовительные курсы. А в это время в Семиречье находился Д. Фурманов, под руководством которого — уполномоченного Реввоенсовета Туркестанского фронта, верного ленинца, Муратбаев прошел замечательную политическую школу. Крепкую закалку получил он, участвуя в подавлении верненского бело-кулацкого мятежа в 1920 году.

Осенью этого же года Муратбаев начинает работать над переводом речи В. И. Ленина на III съезде комсомола «О задачах Союзов молодежи», однако обнаружилось, что знаний для этого маловато, и он садится за парту в русскую школу, где много внимания уделялось изучению политической обстановки и экономики.

Затем Муратбаев учится на факультете общественных наук в Среднеазиатском государственном университете, который был открыт по инициативе Владимира Ильича, а также руководит первым подотделом ЦК по казахско-киргизской и узбекской юношеской печати, становится ответственным редактором первой казахской молодежной газеты и председателем бюро при ЦК КСМТ по работе среди казахско-киргизской молодежи.

В апреле 1925 года «Правда» писала о нем: «В начале 1921 года Гани привлекается к непосредственно массовой организационной работе комсомола Туркестана, который начинает с 1921 года принимать действительно интернациональный характер и по составу, и по направлению, и по содержанию, вбирая в себя и воспитывая до 50 тысяч молодых рабочих, крестьян, ремесленников, пастухов из казахов, киргизов, узбеков, туркмен и т. д.

В деле привлечения широкой туземной массы в комсомол Гани играет крупнейшую роль в качестве председателя Киргизского бюро при ЦК КСМТ и редактора массово-популярной газеты молодежи «Жас алаш» («Молодой киргиз»), а также в качестве лучшего массового агитатора, организатора, публициста».

На III съезде КСМТ, в сентябре 1921 года, Муратбаев избирается членом ЦК и ответственным секретарем ЦК КСМТ. Его, не признающего кабинетную тишь, постоянно видели на самых ответственных участках строительства новой жизни. Огромный объем работы все же не мешает ему заниматься переводом ленинской речи на III съезде комсомола страны.

И. Ишанходжаев, который был близким товарищем Гани, вспоминал: «Никогда не забуду, как наш вожак вручил мне небольшую брошюру и сказал:

— Вот тебе настольная книжка, с ней ты никогда не сойдешь с правильного пути, она всегда поможет тебе в комсомольской работе среди трудящейся молодежи.

Эта книжка была речью В. И. Ленина на III съезде РКСМ в переводе на узбекский язык».

О нем говорили, что он всю жизнь учился. Тяжело больной, в тайне от врачей, Гани часами просиживал над «Капиталом» Маркса. Надо было много знать, чтобы привлекать местную молодежь в комсомол, превращать его в мощную массовую организацию интернационалистов в то трудное время, когда часть юношей и девушек находилась в тенетах пережитков прошлого.

Но комсомольский вожак умело сочетал принципиальность и требовательность с поистине отцовским вниманием к запросам молодежи, человечностью, тактом, гибкостью в решении сложнейших воспитательных проблем, что находило живейший отклик в сердцах юношей и девушек.

«Гани Муратбаев,— писала «Правда» в апреле 1925 года,— принадлежал к новому поколению Востока, рожденному в огне революционной борьбы, не знающему национальной ограниченности, свободному от проклятых националистических пережитков прошлого... Всегда и везде в трудной и сложной обстановке Туркестана он проводил в жизнь выдержанную пролетарскую линию, укрепляя союз трудящихся Туркестана с Российским пролетариатом».

Гани Муратбаева не стало 15 апреля 1925 года. Он похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве. Соратник В. И. Ленина Н. И. Подвойский сказал на траурном митинге: «Смерть не щадит и тех, кто должен идти на смену старших. Мы лишились крупной фигуры Советского Востока, лучшего побегу большевизма, умеющего не только умереть, но и победить. Товарищ Муратбаев сгорел от непосильного труда, от которого он не мог и не хотел отказать».

По свидетельству лауреата премии Союза журналистов СССР С. Аскарова, который в свое время собрал большой материал о жизни Гани Муратбаева, он был связан тесными товарищескими узами со многими представителями киргизской молодежи. Гани вступил в комсомол вместе с теми людьми, которые во второй половине 20-х годов стали видными учеными, партийными и советскими работниками молодой Киргизской автономной республики. Муратбаев не раз бывал в Киргизии — во Фрунзе, Оше, Сулюкте и других местах.

«Вот уже три — четыре года тому, как организация коммунистической молодежи рас-

правила свои крылья в Семиречье,— писал в областной газете «Тилши» батрак Т. Сулейменов. — Раньше мы знали только название этой организации, но не знали, что она из себя представляет, потому что в нее влезли байские сынки, и в организации молодежи до осени текущего года не чувствовалась ее классовая сущность.

Мы и раньше слышали, что у нас есть руководители, которые заботятся об интересах и нуждах батрацкой молодежи, и что они организуют бедняцко-батрацкую молодежь вокруг комсомола. Мы же, все еще находясь в бесправном состоянии, думали идти к ним с жалобой на нашу горькую долю.

В начале августа 1923 года в Пишпекском уезде побывали прибывшие из Ташкента Муратбаев и Амиров. Они проверили ряды союза. Они подолгу беседовали с членами союза. Они же разъясняли нам необходимость сплочения бедняцкой молодежи вокруг комсомола. Батрацкая молодежь, услышав их, так обрадовалась, что казалось, будто воскресли их покойные родители.

Батрацко-бедняцкая молодежь становится сознательной, она войдет в союз и будет стремиться к утверждению классового сознания. Принимается за дело батрацкая молодежь и других местностей».

Теперь во многих городах и селах Средней Азии и Казахстана именем Гани Муратбаева названы колхозы и совхозы, учебные заведения, улицы и школы, клубы, Дворцы культуры и пионерские дружины. Это дань уважения нашему комсомольскому вожаку, память которого почтили делегаты первого Учредительного съезда комсомола Киргизии...

В зале долго не смолкали аплодисменты, когда из президиума съезда объявили, что слово для приветствия предоставляется работнику Тверского губкома комсомола товарищу Толмачевскому. Многие делегаты уже успели познакомиться с ним, Бутиным и Гавриловым, которые привезли с собой не только горячие приветия от молодых тверичан, но и портрет любимого Ильича и Красное знамя — дорогие подарки от комсомольцев Тверской (теперь Калининской) организации первому Учредительному съезду комсомола Киргизии.

Наконец зал утихомирился, все уселись на свои места, и Толмачевский с подъемом начал:

— Двадцать пять тысяч членов Тверской комсомольской организации шлют свой привет молодежи Киргизии. Нашей задачей является оказание поддержки аильно-деревенским ячеекам. Нашей основной связью является связь с аилом. Так как большинство ячеек, имея свой актив, но не имея литературы, недостаточно работает. Тверская организация также ставит своей задачей оказание помощи литературой.

Нам также думается, что следует установить прочную связь с девушками и пионерами. Девушка-киргизка должна побывать в России, познакомиться с бытом и положением русской девушки. Факт дружбы рабочего района с аграрной Киргизией очень важен. Если будет налажена хорошая связь, то мы можем заранее с уверенностью сказать, что наше дело пойдет вперед!

А теперь товарищ Гаврилов вручит киргизской комсомольской организации портрет Владимира Ильича Ленина — нашего учителя и вождя...

Представитель Тверской организации под бурные аплодисменты вручает Осмонкулу Алиеву портрет Ленина со словами:

— Этот портрет любимого вождя сделан комсомольскими руками, и мы дарим его комсомолу Киргизии!

Осмонкулов принимает подарок, обнимает и крепко целует Гаврилова. Зал вновь взрывается могучими овациями, но Толмачевский поднимает руку, просит внимания.

— Дорогие товарищи! — чуть не кричит он. — Сейчас товарищ Бутин передаст вам памятное Красное знамя нашей организации.

— Передавая это скромное знамя от нас, тверяков, юным ленинцам Киргизстана, — заметно волнуясь начал Бутин, — мы заявляем, что пролетарская и крестьянская молодежь в Тверской губернии твердо спаяна под красным знаменем ленинизма. Тверяки уверены, что лозунг, написанный на знамени: «Комсомольцы всех наций, сплоченные под знаменем ленинизма, доведут до конца заветы своего учителя и вождя товарища Ленина!» — благодаря дружной работе, большевистскому единству и твердости будет неуклонно проведен в жизнь комсомольцами Киргизии...

В ответ прозвучали слова благодарности за дорогие подарки и заверения в том, что комсомольцы Киргизстана будут и впредь высоко нести знамя ленинизма и с честью выполнять заветы великого Ленина. История подтвердила, что это были не просто слова. В годы первых пятилеток молодежь строила промышленные предприятия, ирригационные сооружения, участвовала в укреплении колхозов и совхозов. Киргизские комсомольцы, вместе со своими братьями-русскими и другими народами Советского Союза — выступили у Москвы и Ленинграда громили ненавистного врага под Сталинградом и Севастополем, Киевом и Одессой. 25 воспитанников комсомола республики стали Героями Советского Союза. После войны, на строительстве Уч-Курганской и Токтогульской ГЭС, на высокогорных пастбищах и бескрайних просторах долин, — всюду комсомол показывал образцы самоотверженного труда. Имена киргизских комсомольцев есть в списках первоцелинников Казахстана, строителей Братского гидроузла, Байкало-Амурской магистрали...

Первый учредительный съезд, помимо других важных документов, принял резолюцию, в которой шефство Тверской комсомольской организации над киргизским комсомолом рассматривалось как большое «достижение в деле интернационального воспитания комсомола и установления большевистского единства в нем через дружную совместную работу...»

Богатой была уже к тому времени биография комсомольской организации Твери: молодежь участвовала в революционных событиях, в гражданской войне, громила белых мятежников в Ярославле и белогвардейцев под Казанью. Шли годы — крепла комсомольская дружба. На учебу в Тверь направлялись посланцы комсомола Киргизии. Тверской губком направлял к нам лучших своих организаторов и пропагандистов. Внимательно следили тверяки за жизнью киргизской комсомольской организации, часто обращались к комсомольцам Киргизии со словами приветия, давали практические советы по работе с молодежью.

Вот лишь одно из писем, которое было отправлено в феврале 1926 года в Джалал-Абад: «XII Ржевский уездный съезд РЛКСМ, собравшийся накануне открытия съезда Всесоюзного Ленинского Комсомола, призванного объединить все коммунистические организации под лозунгом единого Всесоюзного Ленинского Комсомола, приветствует братскую национальную подшефную Джалал-Абадскую организацию ЛКСМ. Разрешая, наряду с другими практическими вопросами, стоящими на очереди дня, и вопрос о выполнении своих шефских обязанностей, съезд заявляет, что добьется еще большей, еще лучшей, не на словах, а на деле, систематической товарищеской помощи своему подшефу, что только при союзе, трудовой солидарности, братской взаимной поддержке трудящихся всех национальностей, входящих в Советский Союз, возможно процветание каждой национальной государственной единицы в отдельности и всего государства в целом

Да здравствует Джалал-Абадская организация Киргизского Коммунистического Союза Молодежи, крепнущая и развивающаяся при братской помощи своего шефа — Ржевской организации РЛКСМ!

Да здравствует основа этой мощи — ленинское единство трудящейся молодежи Запада и Востока в едином Всесоюзном Ленинском Комсомоле!»

А вот это письмо пришло в комитет комсомола Киргизского камвольно-суконного комбината в феврале 1968 года: «Дорогие друзья! Ваше письмо нас очень обрадовало. Весть о нем в течение нескольких часов разлетелась буквально по всему комбинату... Наш камвольный комбинат так же, как и ваш, еще очень молодой. Он вступил в строй действующих в октябре 1963 года. Наша комсомольская орга-

низация насчитывает 800 юношей и девушек. На счету ее много интересных дел...» Молодые калининские текстильщики предлагали возродить лучшие традиции дружбы, обмениваться делегациями, опытом, укреплять связи между низовыми комсомольскими организациями, создавать уголки комсомольской дружбы.

Секретарь комитета комсомола Калининско-го комбината был почетным гостем XVI съезда комсомола Киргизии. Во Фрунзе он привез приветствие от ветеранов Калининского комсомола. «Дорогие друзья! — обращались к молодежи республики В. П. Гусев, председатель Совета ветеранов комсомола при Калининском обкоме комсомола, А. А. Дурнидин, член комсомола с 1918 года, и ряд других комсомольских ветеранов. — Поздравляя вас со знаменательным событием, мы желаем молодежи Киргизии постоянного творческого горения, настоящей революционной страстности в деле воспитания подрастающего поколения Страны Советов. Будьте всегда достойными свершений первых комсомольцев, старых коммунистов!»

Дружба, начало которой было положено на первом Учредительном съезде комсомола Киргизии, крепнет изо дня в день. Никогда не погаснуть огню, который зажгли отцы и старшие братья.

На съезде, кроме делегаций Казахстана, Узбекистана, Тверской губернии, присутствовали и представители кооператива переселенцев из Чехословакии Интергельпо. Приветствуя делегатов, член коммуны Ягода рассказал о возникновении Коммунистического союза молодежи в Чехословакии, доложил о той работе, которую ведут его члены в Киргизии.

В чем заключалась она, эта работа? Забывав несколько вперед, приведем небольшую выдержку из репортажа Юлиуса Фучика, в котором он рассказывает, как на пустыре неподалеку от города Фрунзе возник целый городок: «Ровные, широкие улицы, высокие тополя вдоль арыков... и в их тени, среди богатых садов, белые односемейные домики. Вон то большое здание — школа. А возле нее — новостройка, на которой уже сверкает жестяная крыша, — это новый клуб. За ним гудит сирена текстильной фабрики, а неподалеку от нее — кожевенный завод...» Это все и было результатом работы чехословацких переселенцев, прибывших в нашу страну по призыву Ленина, людей, которые помогали индустриализировать Киргизию.

Первый съезд комсомола Киргизии приветствовали партийные и профсоюзные деятели республики. Участников торжественного пленума, посвященного его сорокалетию, приветствовали ЦК Компартии Киргизии, ЦК ВЛКСМ,

руководители комсомольских организаций Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Грузии, Литвы, Латвии, Молдавии, Таджикистана, Армении, Туркменистана, Якутии, Калининской области...

Это выражение братских чувств стало уже привычной, традиционной приметой нашего времени, но согласитесь, что выступление на нашем пленуме космонавта — 2 Германа Титова стало настоящей сенсацией. Горячими, долгими рукоплесканиями встретили его выступление. Он сказал:

— Дорогие друзья! Примите сердечные поздравления от советских космонавтов с вашим праздником. Многие сделал комсомол Киргизии, и сорок лет его не состарили. Наоборот, он обрел силу и твердо идет дорогой отцов, старших братьев, дорогой подвигов. Хочется пожелать, чтобы комсомол всегда был молодым, чтобы его дела умножали богатства Родины...

Хорошо, не правда ли, что комсомол с годами не стареет.

А. Баршай

КОГДА ДИРИЖЕР СНИМАЕТ ШЛЯПУ

I. СЦЕНА

Есть в жизни всякого человека день, каждое мгновение которого врезается в память глубоко и навечно. И сколько бы ни было потом событий, волнующих и важных, всегда первой и живой струной откликается на зов памяти именно этот день.

Сайра Кизизбаева: Это было 10 февраля 1937 года. Отмечалось 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина. Торжественный вечер во Фрунзе проходил в кинотеатре «Ала-Тоо», там был тогда самый большой и нарядный зал. Я должна была петь здесь романсы на слова Пушкина «Ворон к ворону летит» и «Старый муж, грозный муж». Впервые в жизни мне предстояло петь в сопровождении симфонического оркестра, впервые в жизни — на русском языке. Стою за кулисами, волнуясь страшно, но виду не подаю. Около меня — московский педагог по вокалу Татьяна Николаевна Романова. Ободряет, дает последние наставления, платье на мне поправляет. Платье я это до сих пор помню. Черное, бархатное, с белыми пуговицами на боку. А туфель у меня своих не было, пришлось на концерт одолжить у кого-то...

И вот выхожу на сцену. Дирижер — Василий Васильевич Целиковский — улыбнулся ласково, взмахнул палочкой, и я запела. Пою, а у самой тревожно на сердце: почему в зале так тихо? Непривычно тихо. Никто не разговаривает, не подкикивает, не смеется. Мертвая

тишина. А когда кончила петь, и оркестр умолк, зал как-будто взорвался, несколько минут не отпускал меня со сцены. Когда ушла, Сайра, а музыканты аплодировали, постукивая смычками по скрипкам и виолончелям.

Много у меня было потом забываемого. И Большой театр, и концерты на фронте, и поездки за границу. Но тот концерт в «Ала-Тоо» крепче всего засел в памяти. Может быть, потому, что я впервые осязала почувствовала, что такое сцена, какое это огромное и волшебное счастье — петь для людей...

* * *

Когда проснулась в этой простой девчонке из пригородного аила Токолдош неумная тяга к сцене, к театру, к музыке? Может быть, в 1934 году, когда Сайра училась в женском педтехникуме и впервые пришла в театр, на спектакль «Карачак» по пьесе К. Джантошева? Уж больно заворожала ее тогда игра артистов и особенно запали в душу лирические песни Болота и девушки Карачак.

Петь-то она любила с детства. Немало ей доставалось от отца за это. Старый Киизбай считал пение недостойным занятием для девочки-киргизки. Впрочем, тогда многие так считали. А ей хотелось петь, и она не понимала, что в том плохого: ведь поют же птицы, когда им хочется петь. Голос у нее был звонкий и сильный, а песни простые. Как горы, как степь, как журчание арыка. Казалось, будто природа пожелала оправдать имя этой девчонки — ведь Сайра по-киргизски означает «пой, соловей».

И она пела. Пела везде: на свекловичном поле, в саду, дома, в школе, в педтехникуме, и позже — в художественной самодеятельности, которую организовал в Токолдоше ее старший брат Казакбай. (В этом самодеятельном коллективе, кстати, занимались в то время Б. Кыдыкеева, Д. Куюкова, С. Кумушалиева и другие молодые люди, ставшие впоследствии известными деятелями киргизской культуры). В 1936 году Сайра стала победителем первой Всекиргизской олимпиады народного творчества. Она пела лирические народные песни «Кыз бурак», «Ой, тобо», «Таныры», «Кыздар ыры» и другие. Члены жюри — В. Власов, В. Фере, В. Целиковский — были поражены ее природной вокальной одаренностью, музыкальностью, артистичностью. Одной из первых Сайра была принята в студию киргизского музыкально-драматического театра. А через два года Киизбаева вновь заставила говорить о себе всех музыкантов.

Светлана Мнацаканова, концертмейстер, заслуженный деятель искусств Киргизской ССР.

Я приехала во Фрунзе в 1938 году. Сайра была тогда артисткой хора. Помню молодую женщину, угловатую, застенчивую, и просто

одетую — платок, черные чулки. Голос у нее был сильный, большого диапазона, красивый, чистый и от природы поставленный. Занимаясь с ней было одно удовольствие: очень музыкальная она все схватывала на лету, пела чисто — нотка в нотку. И все на слух. Я играю — она повторяет. Тогда она еще не знала нотной грамоты, не владела инструментом.

Но что больше всего поражало в ней — удивительное трудолюбие, полная самоотдача в работе, жажда постигнуть новое и идти дальше. Она не пропускала ни одного замечания, ни одного совета, и требовательна к себе была до жестокости. С утра до вечера она пропадала в театре, не пропускала ни одной репетиции, ни одной спевки, даже если не была занята в них.

Помню, у нее тогда родилась дезочка, и она приходила в театр с ребенком. Театр готовился к первой декаде киргизского искусства в Москве. Начались работы над постановкой оперы Власова, Малдыбаева и Фере «Айчурек» — первой национальной киргизской оперы. Исполнителями главной роли — красавицы Айчурек, невесты Семетей — были утверждены артистка М. Мустаева, выпускница ГИТИСа, и певица из Алма-Аты Р. Берикова. Киизбаезой вначале поручили роль злой, коварной и властной Чачикей — первой жены Семетей. Но эта партия не увлекала Сайру. Ее властно манил к себе образ Айчурек, лирический, нежный и глубокий. Она попросила меня разучить с ней партию «Лунной красавицы». После спектаклей или репетиций в театре (а они кончались в 10—11 часов вечера) Сайра приходила ко мне домой (у меня в доме стоял рояль, что по тем временам было редкостью), и мы занимались с ней до двух, до трех часов ночи. А утром ведь надо было снова бежать в театр. Но вы знаете, мы не чувствовали усталости. Сайра работала увлеченно и увлекала меня своим упорством, целеустремленностью, вдохновенным и страстным желанием петь. Она пела удивительно точно, и не просто выпевала каждую ноту, но одновременно искала те, единственно верные интонации, краски, движения, необходимые для создания образа. Каждое занятие с ней озарялось мгновениями высокого творчества, в которые она неуверенно увлекала и меня.

Меньше чем за месяц Сайра выучила партию Айчурек и выучила блестяще. Но она долго не решалась сказать об этом кому-либо из руководства театра. Наконец, однажды мы попросили главного дирижера В. Целиковского послушать Киизбаеву в роли Айчурек.

— Вы что, шутите, какая там еще Айчурек, — сердито сказал Василий Васильевич, — три недели осталось до сдачи. Есть у нас целых две Айчурек. Не сочиняйте.

Но мы настаивали.

— Ладно, — согласился, наконец, Целиковский, — есть у меня пять минут, пойдемте, по-

слушаем, что вы там наработали. И, не снимая пальто и шляпы, он приготовился слушать. Я села за инструмент, и Сайра запела первую арию Айчурек. Глядя: Целиковский снял сначала шляпу, потом пальто и изумление все отчетливее читалось на его лице. Прошло пять минут. Киизбаева остановилась, вопросительно глядя на Василь Васильича.

— Продолжайте, продолжайте — нетерпеливо кивнул головой Целиковский, и Сайра спела всю партию до конца.

— Приходи завтра на репетицию. Попробуешь спеть с оркестром, — сказал дирижер и вышел.

На следующий день на репетиции присутствовали члены художественного совета — Власов, Малдыбаев, Фере, главный художник Штоффер, драматург Винников и другие. Появление Киизбаевой в роли Айчурек было для них полной неожиданностью. Но Сайра держалась так уверенно, голос звучал ее так красиво и сильно, а игра была настолько проникновенной и взволнованной, что все были просто ошеломлены. Мы поняли, что это победа. Через день вышел приказ об утверждении Киизбаевой на роль Айчурек. Вскоре ей присвоили звание заслуженной артистки Киргизской ССР, а потом мы поехали в Москву на декаду. И 22-летняя Сайра покорила москвичей своей «лунной красавицей»...

* * *

И так будет потом всегда. Какие бы высоты в жизни и в искусстве не вставали перед Сайрой Киизбаевой, она преодолевала их самозабвенной, без усталости работой, упорством и целеустремленностью, железной самодисциплиной. И никогда при этом ее не покидало радостное чувство творческих исканий, стремление к совершенствованию и просто огромное желание петь.

Так было, когда она училась в Московской консерватории, пока война не прервала ее учебу. Так было, когда в составе фронтовой бригады киргизских артистов «Орлы Тянь-Шаня» она пела перед бойцами, уходящими в бой. Так было в 43-м году, когда с небольшой инициативной группой она за два месяца поставила во Фрунзе «Чио-Чио-Сан» Пуччини — первую в Киргизии оперу на русском языке. И блестяще спела в ней центральную партию мадам Баттерфляй. Так было и через десять лет, когда первой из оперных певцов Средней Азии и Казахстана Сайра Киизбаева удостоилась чести выступать на прославленной сцене Большого театра Союза ССР. Пять месяцев проработала она в главном театре страны рядом с такими корифеями оперной сцены, как Н. Шпиллер, М. Максакова, В. Лемешев, И. Козловский, дирижер Н. Голованов и многие другие. Она стала одной из лучших Чио-Чио-Сан в истории Большого театра, и руководство его даже предложило Киизбаевой

остаться в Москве, но Сайра вернулась во Фрунзе и продолжала работать с прежней требовательностью к себе и с той же неиссякаемой жаждой создавать новые образы, разучивать новые партии и петь, петь, петь.

Большие возможности голоса позволили Киизбаевой исполнять оперные партии и глубоко лирического, и драматического характера. И каждая из сыгранных ею ролей становилась событием в музыкальной жизни республики. Вот она — целая галерея женских образов — таких разных, но всегда глубоких и рельефных, запоминающихся — воплощенных певицей на сцене — Татьяна Ларина в «Евгении Онегине» и Каныкей в «Манасе», Ярославна в «Князе Игоре» и Кулайым в «Кокуле», Маргарита в «Фаусте» и Флория Тоска в «Тоске», Джамия в опере «На берегах Иссык-Куля» и Лиза в «Пиковой даме», Наташа в «Русалке» и Наталья в «Опричнике».

Светлана Мнацаканова: Многие после Сайры с успехом пели партию Чио-Чио-Сан. И Деркимбаева, и Бекмуратова, и Мартиросова. А молодая Кайиргуль Сартбаева повторила достижение Киизбаевой — с блеском исполнила в Большом театре роль мадам Баттерфляй. Но Сайра была первой, она проторила тропинку для своих младших подруг, она щедро отдавала найденное и выстраданное ею самой всем последующим исполнительницам роли Чио-Чио-Сан, да и других ролей.

А дирижеры до сих вспоминают ее Каныкей из оперы «Манас». Никому пока не удалось создать такой запоминающийся образ жены Манаса, какой вылепила Сайра. Никто из молодых не решается после Киизбаевой спеть отличную песню А. Тулеева «Аке-Джан»...

II. КАФЕДРА

У Самуила Яковлевича Маршака есть такие строки:

Для ближнего добра ты не щади.
Кто отдает, тот больше получает.
Нет молока у матери в груди,
Когда она ребенка отлучает.

Очень подходят эти слова к Сайре Киизбаевой.

Мне рассказывали, как однажды она, не задумываясь, отдала дорогой отрез своей ученице, у которой не было концертного платья для выступления. Но что там отрез, когда ежедневно, ежечасно она отдает свою энергию, сердце, нервы ученикам, любимому делу, искусству!

...С 1957 года Сайра Киизбаева преподает вокал в музыкально-хореографическом училище имени Куренкеева. Со дня образования Киргизского государственного института искусств возглавляет в нем кафедру сольного пения. Ставить, растить голоса, воспитывать новых певцов стало для нее делом таким же

любимым и увлекательным, как и петь самой. Она ставит голоса и одновременно ставит на ноги кафедру. Приглашает к себе лучших, опытных педагогов, отыскивает по всей республики талантливых «голосистых» юношей и девушек, радуется каждой победе своего коллектива. И вот уже первые выпускники института пополняют труппу оперного театра, работают в филармонии, на телевидении и радио. Созданная несколько лет назад женская хоровая капелла почти целиком состоит из выпускников и студентов вокальной кафедры института искусств. Первой в республике С. Киизбаевой присваивают звание доцента, первой — звание профессора пения.

По праву гордится сегодня Сайра Киизбаева своей лучшей ученицей и тезкой — Сайрой Чоткараевой, в чем-то повторившей одно из творческих достижений своего педагога. Молодая солистка киргизской оперы, вчерашняя выпускница института искусств, она была приглашена на стажировку в Большой театр Союза ССР. Целый год ученица Киизбаевой совершенствовала свое мастерство в «компаниях» ведущих звезд советского оперного искусства. И вот большой успех — молодой певице из Киргизии доверено выступить в спектакле главного театра страны. Чоткараева блестяще спела в Москве партию Татьяны Лариной в опере «Евгений Онегин» Чайковского. Вспомним: та же Татьяна Ларина, первой исполнительницей которой на киргизской сцене была 40 лет назад Сайра Киизбаева, Сайра — старшая.

Сегодня ее ученица — С. Чоткараева — заслуженная артистка Киргизской ССР, одна из ведущих исполнительниц оперных партий на сцене академического театра оперы и балета во Фрунзе...

Я спросил Сайру Киизбаевну, можно ли сравнить чувства певца на сцене с тем, что испытывает педагог, когда поет его ученик.

— Сравнить можно, да только волнение педагога неизмеримо сильнее, глубже, тревожнее. Ведь когда поешь сам, знаешь свои возможности, надеешься на себя, думаешь только о себе. А вот когда твой ученик на сцене, а ты в зале, да еще между вами суровое жюри, тут уж всерьез лихорадка тебя затрясет. Ты выпустил птенца и ты уже не властен над ним: ни помочь, ни подсказать, ни поправить его уже не можешь. Все, что ты вложил в него, все, чего вместе с ним достиг тяжелой, кропотливой работой, должно сейчас проявиться, обнаружить себя.

А вдруг он сейчас возьмет ноту чуть выше или чуть ниже, вдруг не вовремя вступит, забудет слова или просто даст «петуха»? О, как сжимаешь ручки кресел в такие минуты!

Зато как легко душе, как радостно, когда споет питомец твой чисто, грамотно, культурно, да если еще и артистично, в стиле пьесы, в образе ее!

• • •

Летят дни, летят годы. Но неизменен стиль работы народной артистки СССР, коммунистки с тридцатилетним стажем С. К. Киизбаевой: принципиальность, требовательность, полная самоотдача. Такой она была, когда несколько лет руководила коллективом Киргизского государственного академического театра оперы и балета, такой знали Киизбаеву избиратели, двадцать лет кряду направляя ее своим депутатом в Верховный Совет республики. Принципиальным и справедливым председателем жюри была она на всех Среднеазиатских и республиканских конкурсах вокалистов. Неизменно входит Киизбаева и в состав жюри Всесоюзных вокальных конкурсов имени Глинки.

...Три раза в неделю ровно в десять утра строгая и подтянутая появляется она в 26-м классе института искусств. Один студент сменяет другого, и каждый уносит с урока Киизбаевой частицу ее таланта, ее темперамента, ее умения бескорыстно служить искусству. Песня Сайры, зазвучавшая больше 40 лет назад, разлилась звонким многоголосьем в песнях ее учеников. И она будет звучать всегда.

И. АБДРАИМОВ: «СКАЗКА СТАЛА БЫЛЬЮ!..»

Четыре страницы из жизни первого киргизского летчика.

Страница первая. Эту грамоту он бережно хранит. «Ср. Аз. крайком ВЛКСМ награждает т. Абдраимова почетным званием ударника 2-го года второй пятилетки, активно проявившего себя в борьбе за упорную учебу в области изучения теории и практики авиационного мастерства. В день Вашего выпуска 1-й Ср. Аз. краевой нац. школы награждает Вас Почетной грамотой Краевого комитета ВЛКСМ.

Крайком ВЛКСМ выражает уверенность, что Вы и на практической работе оправдаете звание пилота-комсомольца».

Он рассказывает, что два года в авиационной школе пролетели очень быстро, и в 1934 году ему было присвоено звание «пилот пятого класса». В те годы комсомол шефствовал над Военно-Воздушным Флотом СССР. Призыв IX съезда ВЛКСМ «Комсомолец, на самолет!» всколыхнул всю молодежь нашей страны. Комсомольские организации посылали своих лучших воспитанников в авиационные училища, аэроклубы, планерные школы, на работу в авиационную промышленность. Тысячи ребят и девчат без отрыва от производства овладевали искусством вождения воздушных аппаратов, прыгали с парашютами в аэроклубах Осоавиахима (ныне ДОСААФ).

Комсомол ставил задачу подготовить из числа юношей и девушек 150 тысяч летчиков.

Вместе с молодыми рабочими и колхозниками воздушными профессиями овладевали студенты, учащиеся техникумов, служащие. Каждый считал за большую честь носить голубые петлички со значком — крылышки с пропеллером и белый купол парашютика на синем фоне неба.

Комсомольские организации нашей республики тоже создавали комиссии по комплектованию авиационных школ, вместе с Осоавиахимом готовили молодежь для них, создавались курсы мотористов, организовывались кружки авиамоделизма и планерные школы — первые ступени подготовки пилотов и механиков. Общество «Друзья радио» вело обучение радистов для авиации.

Общий порыв энтузиазма подхватил и молодого рабочего Кантского завода по переработке сахарной свеклы Ишембай Абдраймова.

Он уже видел самолеты над городом Шебекиным, где овладевал рабочей профессией, над Москвой, Саратовом и другими городами, в которых ему удалось побывать во время каникул. Это казалось естественным: большие города, большие заводы, большие дома и — самолеты в небе. Где же им летать, как не над ними?

Но чтобы увидеть самолеты над родным Басбелтеком, который и аилом-то можно было назвать с большой натяжкой, потому что было в нем всего-навсего три небогатых юрты, в которых жили родственники отца и матери Ишембая? Нет, его воображения не хватало, чтобы нарисовать такую, к примеру, картину: три заброшенные в сером от пыли предгорье юрты и кружащие над ними самолеты. Патриархальность, убожество аила не совмещались со свободно парящими в воздухе машинами.

Сейчас, когда Ишембай Абдраймович с высоты своего возраста окидывает свой жизненный путь, то говорит, что в детстве не смел даже помышлять о том, что человек может вознестись в небо, как легкрылая птица. А тем более он — сын бедняка, еле сводившего концы с концами.

Он, как и все киргизские мальчишки, с завистью поглядывал на охотников-беркутчи, которые с независимым и гордым видом гарцевали на легких конях со своими дрессированными птицами, которые спокойно сидели на руках своих хозяев: порывы их свободного нрава сдерживали специальные колпачки на глазах.

Но стоило охотнику сорвать колпачок, как беркут свечой взмывал в небо, а затем, высмотрев добычу, молнией бросался вниз. От него не спрятаться ни хитрой лисе, ни быстрому волку. Ишембай знал, что беркуты гнездятся на неприступных скалах, и, чтобы достать птенца, охотники иной раз подвергали себя смертельному риску. Но так уж повелось издревле: только тот становится настоящим

беркутчи, кто, карабаясь по скалам, принесет птенца, сам воспитает, обучит его. В те времена беркута можно было обменять на хорошего рысака, однако охотники редко шли на такие сделки, потому что птицы являлись не только прекрасными добытчиками, но и были членами семьи.

Часто наблюдая за птицами, Ишембай от всей души завидовал их свободному полету. По рассказам охотников он знал, что существует много пород беркутов, но самый сильный из них — ак-кюз. Размах крыльев у него больше двух метров, а своими белыми, как кислое молоко, глазами он видит все до мельчайшей подробности с огромных высот.

Мог ли мальчишка сравниться с этой могучей птицей в силе и ловкости? Он даже не мог мечтать о том, что когда-нибудь ему придется парить на такой высоте, на которую не смог бы подняться даже самый сильный горный орел — ак-кюз, если бы не залп легендарной «Авроры».

Ишембай в детстве мечтал о кусочке чучука — колбасы из конского мяса, о пиале айрана, кусочке лепешки. Мечтал пожить в тепле, а не в ветхой юрте. Мечтал о том, чтобы иметь сапоги из сыромятной кожи на каблучках. Однако отец не мог позволить такую роскошь, потому что, к примеру, за кожаный пояс с пряжкой в то время отдавали двух овец.

Но вот пришла Великая Октябрьская социалистическая революция, и Ишембай Абдраймов стал ходить в школу, получил рабочую специальность, окончил летную школу и стал соперничать с ак-кюзом, который летал выше гор. Ветеран авиации вспоминает, что по разнарядке обкома комсомола он был направлен в Ташкент, что в обком он усомнился: примут ли в школу, где обучали на летчиков.

Но ему сказали: «Если пройдешь медицинскую комиссию, примут. Образование у тебя есть. С техникой знаком, седьмой рабочий разряд это — не шутка». Он сказал, что ему жалко бросать завод. Ему сказали: «Человеку всегда приходится о чем-нибудь жалеть. Мать жалеет сына, который уезжает в далекие края, сын горюет, что покидает мать и родные края. Если бы люди никогда не покидали отчий дом, то Колумб никогда не открыл бы Америку, а Семенов-Тянь-Шанский не познакомил бы весь мир с нашей Киргизией...»

Только семь из семидесяти желающих отобрала медицинская комиссия в летную школу, и среди этих семи оказался Ишембай Абдраймов, а из них полный курс обучения прошел лишь он: программа была напряженной, очень трудно осваивались незнакомая терминология, такие предметы, как радио- и электрооборудование самолетов. Ему помогла определенная общеобразовательная и техническая подготовка.

Кроме того, не каждый мог собраться в так называемом ознакомительном полете — пер-

вом курсантском полете, когда инструктор, наблюдая за своими подопечными в специальное зеркало, определял, есть ли у них летные качества. Конечно, ни о какой научной методике тогда не могло быть и речи, но опытные пилоты знали: если курсант жмурится от страха, если он сжимается в комок, цепляется руками за что попало, летчика из него не получится, его надо списывать из авиации.

Ишембаю Абдраимову очень повезло: его первый инструктор Петр Кириченко был смелым человеком, опытным авиатором, добрым и отзывчивым. Он первым среди пилотов Средней Азии получил высокую награду — орден Красной Звезды. Он первым совершил рейс на самолете «Дуглас» из Москвы в Берлин. Петр Кириченко героически погиб во время Великой Отечественной войны.

Мужественный человек, он своим личным примером, убеждением помог своему ученику преодолеть естественную робость человека перед высотой, и в ознакомительном полете Ишембаю Абдраимову удалось побороть чувство страха. Он рассказывает, что даже отважился глянуть с высоты вниз, а взглянув, уже почти не отводил глаз от земли: до того интересной, захватывающей оказалась открывшаяся ему панорама. Люди, дома, деревья — все было маленьким, игрушечным, и будущий летчик подумал: не сон, не сказка ли он, этот первый в жизни полет? Он встряхнул головой, ушибнул себя за ногу. Нет, не сон. Ровно, спокойно гудел мотор, самолет уверенно врзался в воздух, впереди сидел инструктор и улыбался в зеркальце перед собой: «Все, мол, в порядке, салага. Так держаться!»

Когда Ишембай Абдраимов в строю ждал разрешения на первый самостоятельный вылет, то смотрел на У-2 с любопытством и удивлением: «Всю жизнь ходил по земле, а вот через несколько минут подниму эту машину в воздух и буду делать все, что положено по программе полета. Не подведи меня, мой воздушный конь-тулпар...»

В восторге молодой летчик радовался тому, как машина легко, без принуждения выполняла команды, даже показалось ему, что она предугадывала его мысли. На земле, после первого самостоятельного полета, Ишембай Абдраимов испытывал огромную гордость: «Умею, могу летать!»

После окончания школы он стал пилотом Киргизской авиационной группы.

Страница вторая. Ишембай Абдраимович вспоминает...

Раньше, к примеру, для определения толщины и характера снежного покрова мы прибегали к такому «точному» прибору, как булыжник. Три — четыре камня брали с собой в самолет, а перед посадкой бросали на землю и по тому, как отскакивала снежная простина на вторжение булыжника, принимали решение садиться или нет.

Однажды к нам, в звено санитарной авиации, поступила тревожная телеграмма из далекого Казармана: понадобилась срочная медицинская помощь женщине. Вылетели я, авиатехник Савелий Тищенко и хирург, на самолете Р-5. Из Фрунзе через Ташкент и Ош в Казарман — путь не близкий, но летать напрямую через горные перевалы тогда еще не решались: моторы самолетов, пожалуй, не подвели бы, пилотам хватило бы мастерства и выдержки, да, к сожалению, не было у нас тогда никаких радионавигационных средств, а без них в горах как без рук.

Сейчас трудно поверить, что иногда в срочных ночных полетах радио и другие средства воздушной навигации нам порой заменяли тажики, в которых горел керосин. Они ставились вдоль самой трудной части трассы и указывали путь летчикам, а порой и отводили от неминуемой беды.

В настоящее время служба движения Киргизского управления гражданской авиации оснащена радиолокационными и другими современными средствами безопасности полетов, которые помогают людям руководить движением самолетов на воздушных линиях и даже вне линий. На современных самолетах есть оборудование, в котором воплощены новейшие достижения всех отраслей авиационной науки и техники.

А тогда мы от души радовались, что погода сопутствовала нашему полету. Солнечная, ясная, она сопровождала нас до самого Оша, где мы решили переночевать. Шел ноябрь, а этот месяц даже у нас, в Киргизии, выкидывает такие штуки, что диву даешься.

Прилетели в Ош, поужинали и уснули. Едва начало светать, я стал будить своих товарищей — техника и хирурга. Савелий вскочил с кровати, отдернул занавеску и выглянул в окно.

— Командир, зима! — воскликнул он с огорчением.

Да, на улице во всю праздновала зима, снегу навалило много, но небо, к счастью, было чистое, а солнце такое яркое, что каждый из нас невольно прищурил глаза. Стоим на крыльце, поглядываем друг на друга, молчим. Наконец наш пассажир — хирург — не выдерживает:

— Что будем предпринимать?

— Надо подумать, а потом решать, что делать, — отвечаю, а сам прикидываю: «Синоптика здесь нет, пока запросим Ташкент о погоде, пройдет не меньше суток. С Казарманом нет ни телефонной, ни радиосвязи...» Мои раздумья прервал Савелий Тищенко:

— Тебе, командир, решать. Ни я, ни тем более хирург тебе в этом деле не советчики. Да, Саша был прав: решать лететь или не лететь, только мне, пилоту.

— Давай, Саша, будем искать булыжники, — сказал я после недолгого раздумья.

— Все ясно,— улыбнулся Тищенко. — Есть искать булыжники!

Пока мы копались в снегу и тащили к самолету два увесистых булыжника, хирург с молчаливым удивлением следил за нами. Когда положили их возле Сашиного сиденья, я пригласил хирурга.

— Садитесь, доктор! Сейчас полетим...

Решили сделать так: над площадкой, куда, по прикидке с воздуха, можно будет сесть, я поведу машину в брющем полете, в 50—60 метрах от земли. Поднимаю руку—Саша швыряет булыжник. Если снег мягкий, от удара он взлетит, как пух. Если же наст успел затвердеть, камень просто провалится. Это похуже, значит, садиться нельзя: перевернемся через нос, по-нашему, скалотируемся.

На всякий случай уточнили и ряд других деталей, потому что в полете-то не особенно разговоришься: гул мотора заглушает все звуки. Условились так: если будем заходить на посадку, то я покажу ладонью вниз, если нет, скрещиваю ладони.

До Казармана шли хорошо, без приключений.

Подлетели. Внимательно оглядываю местность и вижу невдалеке от поселка пологую в сторону обрыва площадку. Думаю: «если я зайду на посадку со стороны обрыва, то уклон послужит естественным тормозом. Зато потом, при взлете, мы будем иметь запас высоты. Обрыв-то глубокий...»

Делаю один заход над площадкой. Саша бросает булыжник, и через секунду-другую мы видим белый взрыв: это взметнулся мягкий снег. С легким сердцем иду на второй заход. Результат тот же. Тищенко с улыбкой показывает большой палец: «Отлично, можно садиться!..» Я опускаю вниз ладонь: «Иду на посадку».

Самолет приземлился хорошо. Как я и рассчитал, уклон сдержал бег машины, а мягкий снег не помешал посадке. Оборачиваюсь, чтобы поздравить своего товарища с благополучным приземлением. Гляжу, а его нет на привычном месте. Что за фокус?.. С недоумением и тревогой размышляю: «Куда девался?.. Была бы болтанка, можно ненароком вывалиться. Но самолет шел ровно, без толчков...»

Машинально тронул рули—не поддаются.

— Саша,— кричу,— куда ты запропастился?

— Я здесь!— слышу крик, доносившийся от хвоста самолета. Тут же выскакиваю из машины и вижу—Саша, греясь, пританцовывает у хвостового оперения.

— Что случилось?— все не понимаю я.

А мой Саша только улыбается посиневшими губами. Оказывается, он в момент посадки сполз по фюзеляжу к хвосту самолета и сел верхом на стабилизатор.

— Что это за шутки?— сержусь я.

— Чтобы машина на нос не встала,— пояс-

няет коллега. — Снежок-то,— он кивнул в сторону гор,— все-таки глубоковат.

Я расцеловал своего бесстрашного товарища, а восхищенный хирург долго тряс его руку.

В этот день он отличился еще раз: ассистировал хирургу. Женщина была спасена. А утром провожать нас вышла вся деревня—от малого до старого. Стоял крепкий мороз, но никто из жителей поселка не ушел до тех пор, пока наш самолет не скрылся из глаз.

Пилоты старшего поколения работали в других условиях, приходилось иногда (подчеркиваю—приходилось) сознательно идти на риск, нарушать инструкции только лишь потому, что мы в воздухе не имели радиосвязи с землей, прогнозов погоды, нормальных аэродромов,— всего того, чем обеспечивается сейчас безопасность на воздушных трассах.

Да, так было. На заре авиации летчик мог рассчитывать только на силу мотора, прочность самолета и свою выносливость. Случалось всякое. Вспоминаю, в мае 1941 года мы с Тищенко возвращались из Оша во Фрунзе и совершили обычную промежуточную посадку в Ташкенте. Солнце палило во всю мощь, и пока дозавраляли наш самолет, я и Тищенко не находили места, чтобы спрятаться от жары.

— Может, зайдем в диспетчерскую?— предложил Тищенко. Мне было все равно, куда идти, лишь бы укрыться от солнца, и я ответил:

— Пошли.

Чуть ли не бегом преодолели мы расстояние от самолета до аэродромных служб. Влетели в коридор и едва не столкнулись с начальником политического отдела нашего управления.

— Что случилось?— встревожился он.

Мы с Тищенко переглянулись, засмеялись. Я сказал:

— Ничего не случилось.

— Жарко,— добавил Тищенко, вытирая платком мокрый лоб.

— Да, жарковато,— согласился начальник политотдела. — А самолет скоро будет готов?— помолчав, спросил он.

— Видно, уже заправили,— предположил Тищенко.

— Послушай, Абдраимов, слетаешь в Новосибирск, а?— Начальник политотдела с надеждой посмотрел на меня. — Приказывать не могу, знаю, устали, да дело не терпит отлагательства. Надо срочно доставить оттуда хирурга.

Я повернулся к Тищенко и спросил одними глазами: «Как, полетим?» Объясняться без слов мы привыкли в полетах. Мой товарищ сразу понял меня, ответил:

— Слетаем, товарищ начальник политотдела.

— Почему бы не слетать?— добавил я.

— Вылет через час. Пока отдыхайте.

Какой тут отдых? Надо было поспрашивать

бывалых летунов о трассе полета, метеоусловиях, но как на зло, никого из тех, кому приходилось летать в тех краях, в Ташкенте не оказалось: работы было много — лето.

Вскоре наш Р-5 взял курс на Фрунзе, откуда мы собирались через Балхаш и Семипалатинск лететь в Новосибирск. Сели, вместе с техниками внимательно «прощупали» все узлы самолета и двинулись на Балхаш. Вести машину иногда приходилось на бреющем полете, так как в некоторых местах облачность была очень низкой. Из Балхаша благополучно добрались в Семипалатинск. Ну, а оттуда, казалось, рукой подать до Новосибирска...

Но где-то в середине пути нас захватил причинный снегопад. Представляете картину: самолет открытый, густо валит снег, а мы с Тищенко в тюбетейках, в летних рубашках, на ногах у него и у меня босоножки. «Знать бы прогноз по трассе хотя бы на сутки вперед, могли бы во Фрунзе потеплее одетая. Модники, елки зеленые!..» — со злостью подумал я, с трудом шевеля голыми по локоты руками: машиной-то надо было управлять.

Тищенко стукнул меня по спине. Я обернулся, он что-то крикнул. Слов не понять, но догадаться можно было, что торопил меня верный товарищ. Мороз, говорят, шутить не любит. Я подмигнул ему, попытался бодро улыбнуться, да не смог: губы свело от холода.

Наконец показался аэропорт. Приземлились, с трудом выбрались из самолета. Встречающие, одетые в пальто, шубы, в теплых шапках, с удивлением уставились на нас. Картина и впрямь была очень впечатляющая: два чудака в тюбетейках, в легоньких рубашенках топчут снег босоножками. Как тут не удержаться от смеха?

Потом нас укутали в шубы. А утром на своем Р-5 мы везли знаменитого профессора в Ташкент. Он тоже от души посмеялся над нашим путешествием.

Вот какие случаи бывали, когда отсутствовала служба погоды. В 1942 году во Фрунзенском аэропорту было уже четыре синоптика. Инженер В. Крючкова рассказывала мне: «В семнадцать лет пришла я на станцию погоды. Помнится, дала летчику хорошую погоду. Подала ему сводку, а он смеется: «Посмотри, дочка, в окно, на улице дождь идет». Так случалось, потому что не было тогда чуткой техники, приборов, оперативной радиосвязи...» Сейчас на Фрунзенской авиаметеорологической станции каждодневно обрабатываются данные высотных разрезов погоды радиозондов Фрунзе, Джамбула, Ташкента, других городов. В радиоаппаратной не смолкают пулеметные очереди телетайпов, фототелеграфов. Здесь знают о погоде в любом из аэропортов страны. Более ста экипажей получают предполетную консультацию о метеоусловиях на трассах и в пунктах посадки.

Когда глядишь на изумительные приборы, которыми, к примеру, пользуются работники стартового диспетчерского пункта или других служб движения, невольно вспоминаешь таински-ориентир и ловишь себя на мысли: а уж не сказка ли — наше время?

Огромные, поистине сказочные преобразования произошли в отечественной авиации всего за несколько десятилетий — меньше, чем за одну человеческую жизнь. Как точно угадал поэт, написав: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор...»

На наших глазах сказка и впрямь стала былью, былью яркой и неповторимой.

Страница третья. Во время Великой Отечественной войны Ишембай Абдраимович совершил 155 боевых вылетов.

Воевал он в составе 62-го отдельного полка гражданской авиации, который входил в 16-ю Воздушную армию, бывший командующий которой маршал С. И. Руденко пишет, что этот полк был одной из лучших частей в армии. Ему первому в ГВФ присвоили наименование гвардейского.

Маршал авиации сообщает, что 62-й полк проявлял немало мужества, мастерства и смекалки во время обслуживания частей и подразделений. За успешные действия при освобождении Польши он получил почетное наименование Лодзинского, а за участие в Берлинской операции весь его личный состав был награжден медалями «За взятие Берлина».

И. Абдраимов выполнял задания командования по обеспечению связи с партизанами в районе Смоленска и Брянских лесов. 400 часов прозел он в воздухе, и редкое задание не было связано с риском. К примеру, на двухместном самолете летчики вывозили по шесть раненых. По два человека размещали в двух люльках под крыльями, двух на — заднем сидении. Такая была военная арифметика: когда шла речь о человеческих жизнях, даже у машин прибавлялись силы.

Каждый день на фронте полон неожиданностей. Однажды в их двухмоторный самолет ударила пуля. Мотор заглох, отлетел один из винтов, и машина стала резко снижаться. Механик В. Евдокимов закричал:

— Командир, тормози! По курсу окоп...

Абдраимов посадил машину буквально в нескольких метрах от окопов, сохранив самолет и жизнь пассажиров.

В другой раз они чуть-чуть не угодили к фрицам: получили неточные данные о расположении войск противника. Когда на малой высоте шли на Данциг, то за Кенигсбергом, на побережье Балтийского моря, попали под густой обстрел с земли. Пришлось резко бросить машину в пике. Немцы, испугавшись, разбежались, а самолет «блинчиком», с разворотом на юг, ушел к своим. На земле подсчи-

тали пробойны. Их оказалось одиннадцать, а одна пуля прошла между первым и вторым пилотом...

Но было и другое, говорит Ишембай Абдраимович. В мае 1978 года скончался известный советский кинематографист Роман Кармен. «Умер, как птица в полете», — сказал о нем народный артист СССР Сергей Герасимов. А ветеран киргизской авиации вспомнил встречу с талантливым кинохудожником на дорогах войны.

— Советские войска уже перешли границу с Польшей, и мы базировались где-то западнее города Брест. Прибегает посыльный.

— Срочно к командиру эскадрильи! — крикнул он и исчез прежде, чем я успел спросить о причине вызова. Быстро оделся и бегом направился к командирской землянке.

— Вылетишь завтра утром, — приказали мне. — Нужно вывезти с линии фронта и доставить в Москву одного человека. Полетишь на самолете ПР-5.

— Слушаюсь, — ответил я и спросил: — Можно задать вопрос? — Получив согласие, продолжил: — На таких самолетах мне не приходилось летать...

Но меня тут же перебили:

— На П-5 летал и на этом полетишь. Ясно? Армейский порядок есть армейский порядок: вопросов больше у меня не было. Командир эскадрильи А. Неклюдов напутствовал:

— Лететь надо в направлении Варшавы, только на бреющем. Время приземления... Курс... Сядешь на поле, мотор не выключаю. Подъедет «виллисо», офицер в чине майора назовет пароль. Дальше — по обстановке. Понял?

— Так точно! Разрешите идти?

— Иди...

Утром я поднялся в воздух, развернул машину по курсу, рассчитал время посадки. Летел я на малой высоте, земля, как на ладони: зигзаги окопов, воронки от взрывов, черные пепелища с печными трубами, — все видно очень хорошо. Летел и думал: «Сколько же горя принес проклятый фашист людям. И нам, и вот полякам тоже...» Но настроение в те дни было приподнятое: еще бы, восстановлена граница нашей страны, фрицы ходко драпают в свое логово.

Вдалеке послышались, правда, не очень ясно, артиллерийские выстрелы. Приближался фронт. Взглянул на часы — по времени, скоро посадка. Подо мной плыло широкое, раздольное поле. А вон и озерцо за ним блеснуло — ориентир, который был отмечен командиром эскадрильи.

Сел. Жду. Мотор не выключаю.

Через несколько минут на поле появился юркий «виллисок» с брезентовым тентом. Подрулил к самолету. Из него выскочил молодой майор.

— Вы Абдраимов? — спрашивает.

Я не отвечаю на вопрос, а тоже спрашиваю:

— Пароль?

Майор назвал пароль, я — отзыв.

— Давай сюда пассажира да побыстрей, — говорю.

Пассажир оказался гражданским мужчиной, среднего роста, с быстрым хватким взглядом умных глаз. Кто он — начальству виднее, подумал я и обратил внимание на то, что уж больно много на нем было наведено всяких кожаных сумок. Конечно, заинтересовался: что же в них может быть, но спросить не решился, может, что-нибудь секретное.

Прилетели в Минск, подзаправились бензином и снова поднялись. На подлете к Смоленску нас прижал густой туман. Сели на полевой военный аэродром.

Это была вынужденная и неожиданная для пассажира посадка.

— В чем дело? — спрашивает пассажир.

— Туман, — отвечаю я коротко.

— Послушайте, уважаемый товарищ, я не раз летал не в таком тумане — погуще.

— На таком самолете?

— На таком?.. — Пассажир изучающим взглядом окинул мою машину. — Нет, по-моему, не на таком. Но какая, скажите, разница: этот или другой самолет?

— Есть разница, — говорю.

— Какая же, если не секрет?

— Какой тут секрет. Нет приборов для таких полетов, а лететь без них — большой риск: заблудимся, разобьемся.

— А туман-то надолго?

— Не могу знать.

— Не будем огорчаться, — сам себя успокоил мой пассажир, — подождем. А пока... Он открыл один из чемоданчиков. А пока давайте перекусим.

Предложение было как нельзя кстати: я успел сильно проголодаться. Однако была война, и мы знали, что гражданские, люди тыловые, питались по строгому карточному rationу, и поэтому я стал решительно отказываться:

— Спасибо! Пойду поищу армейскую столовую...

— Не смейте этого делать! Я вам приказываю обедать со мной, — пострадал пассажир, но голос у него был не командирский. И все же я подумал: «Кто его знает, может, он генерал, седой весь... Нет, пожалуй, для генерала еще молод, хоть и поседел. Война...»

Голод — не тетка, и я принялся уплетать угощение за обе щеки. А пассажир, мне показалось, и не ел совсем. Все меня расспрашивал: откуда родом, что за человек, давно на фронте, чем хороша Киргизия?

К вечеру туман рассеялся, и мы прилетели в Смоленск. Роман Лазаревич спросил:

— Не устали?.. Тогда сходите к синоптикам

и узнайте насчет погоды. Попросите, чтобы не подвела нас. — Он с улыбкой хлопнул меня по плечу.

Прогноз, к сожалению, был неутешительный: туман, фронтальная облачность, дожди. Мой пассажир оставил мне большую часть своих сумок и сказал:

— Спасибо. Ждать больше не могу, махну поездом. Прилетите в Москву, звоните по этому телефону...

Сказал и уехал, а буквально на следующий день установилась прекрасная погода, солнечная, безветренная. Прилетел в Москву, отдал сумки, попрощались и больше не виделись. Когда я вернулся в родную эскадрилью и рассказал командиру о пассажире, тот чуть не подпрыгнул.

— С Романом Карменом, говоришь, летал? — удивленно переспросил он. — Да ты хоть знаешь, кто он такой?

Я пожал плечами:

— В армии не положено расспрашивать.

— Голова ты садовая! — с сожалением произнес командир. — Фильм об Испании видел?

— Об интербригадах?

— О них самых. Его снимал твой пассажир...

Позже Роман Кармен снимал последние бои за рейхстаг, церемонию подписания акта о капитуляции гитлеровской Германии, совместно с Константином Симоновым поставил фильм «Гренада, Гренада, Гренада моя...» Он был автором документальных полотен, которые рассказывали о пылающем континенте — Латинской Америке, Чили. А за фильмом «Повесть о нефтяниках Каспия» и «Покорители моря» Роман Кармен был удостоен Ленинской премии.

Страница четвертая. В 1973 году Агентство Печати Новости Советского Союза выпустило книгу «День Аэрофлота» — своеобразную летопись всего одних суток гражданской авиации нашей страны. Созданная пилотами и авиатехниками, рабочими и инженерами, журналистами и пассажирами, она посвящалась 50-летию гражданской авиации СССР.

Среди множества заметок, интервью, воспоминаний и другой информации в эту книгу был помещен очерк «В трех книгах», который рассказывал о трех встречах с первым киргизским авиатором, первом заслуженном пилоте СССР Ишембаем Абдраимовым.

Впервые познакомились читатели с ним 17 сентября 1935 года — именно этот день нашей планеты отразила на своих страницах книга «День мира», созданная по инициативе А. М. Горького.

«В этот день, — сообщалось в одной из заметок, — Ишембай Абдраимов вместе с русским летчиком Валерием Ивановым собирал приобретенный Наркомздравом Киргизской ССР трехместный санитарный самолет...» Люди за десятки километров ехали к аэропорту,

чтобы взглянуть на смельчака-джигита, оседлавшего самого «горного духа».

Комсомолец, первый летчик-киргиз, Ишембай Абдраимов стал желанным гостем в каждой юрте, хотя муллы пророчили, что не пройдет и одной луны, как отступника поразят молнии.

Вторая встреча состоялась 27 сентября 1960 года. В книге «День планеты», выпущенной ровно 25 лет спустя после первой, рассказывалось о командире Киргизской авиагруппы Ишембае Абдраимове. Теперь у него было много учеников, ставших командирами воздушных кораблей и, в свою очередь, обучающих молодежь.

Третья встреча произошла 30 сентября 1971 года. Редакционная коллегия книги «День Аэрофлота», которая готовилась по примеру книги «День планеты», заинтересовалась дальнейшей судьбой пилота. И вот с журналистами снова беседовал Ишембай Абдраимов — начальник Киргизского управления гражданской авиации, слушатель пятого курса Академии гражданской авиации.

Да, действительно, у Ишембая Абдраимова завидная судьба: закончив в 1934 году первую национальную школу пилотов в Ташкенте, он стал первым летчиком среди киргизов. За полвека им пройден путь от пилота санитарной авиации до начальника Киргизского управления гражданской авиации. Несмотря на занятость он налетал более 17 тысяч часов без летных происшествий и аварий.

За время авиационной службы ветеран летал и принимал непосредственное участие в освоении многих типов самолетов, в частности, У-2, С-2, Р-5, ПР-5, АИР-6, Як-12 (одномоторный и двухмоторный), Ю-52, Г-2, Ут-1, Ут-2, Ан-2, Ли-2, Си-47, Ил-14, Ил-18, Ан-24, Як-40, Ту-154 и вертолетов Ми-1, Ми-2, Ми-4, Ми-8.

Ишембай Абдраимов награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, двумя орденами «Знак Почета», орденом Дружбы народов, многими медалями. Он заслуженный работник транспорта Киргизской ССР. За особые заслуги в освоении и внедрении современной авиационной техники и многолетнюю безаварийную работу, а также подготовку летных кадров инженеру-пилоту первого класса Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 августа 1966 года присваивается почетное звание «Заслуженный пилот СССР» с вручением наградного знака № 000001.

Как и все мальчишки, мечтал о крыльях и Ишембай. Советская власть, ленинская национальная политика сделали его мечту явью. Через свои книги он стал известен не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Военный летчик, заместитель редактора отдела боевой подготовки газеты «Народная Армия» В. Стоянов из Болгарии пишет: «С большим интересом прочитал выпущенную из-

дательством «Кыргызстан» книгу «Стальные птицы над Ала-Тоо». Кроме того, несколько советских друзей во время моих командировок в Москве очень тепло отзывались и добавили интересные штрихи к портрету заслуженного пилота СССР Ишембая Абдраимова. К сожалению, я не успел лично познакомиться с ним, но мне хочется в одном из номеров нашей армейской газеты рассказать об этом замечательном человеке и на конкретном примере показать животворную силу ленинской национальной политики для развития способностей каждого советского человека».

Да, в жизни ветерана гражданской авиации, как в капле воды, отражается история гражданской авиации Киргизии. Человека, который вплотную соприкасается с нашей действительностью на самых решающих участках, можно назвать счастливым. К таким счастливым людям принадлежит и Ишембай Абдраимович. Находясь на пенсии, он и сейчас — в самой гуще авиационной жизни, ему не надо специально искать материал для своих книг. Ветеран практически участвует в решении задач, поставленных партией перед авиаторами, занимаясь теоретической подготовкой молодых пилотов.

Примечательно, что и сейчас Ишембай Абдраимов, человек, который работал в авиации половину века, большую и, конечно же, самую лучшую часть своей жизни (хотя почему часть — всю свою жизнь) отдал летному делу, и сейчас он с величайшей благодарностью вспоминает своих наставников: замечательных пилотов Петрова, Михайлова, Глушкова, Иванова, Лебедева, Краснова, Ширяева, Серпицкого, Зинченко и Ахонского.

Да, сказка стала былью, повторяет Ишембай Абдраимович. И не только в небе, а прежде всего на земле. Когда в начале 30-х годов случалось выполнять полет в ночное время. Говорю: случалось, потому что ночью в то время летали в экстренных случаях. Так вот, когда мы летали ночью, то, бывало, на земле не увидишь ни одного огонька. Летишь час, летишь другой, а под тобой сплошная темнота, только изредка блестит под лунной речка или заблестит пятанок небольшого озера, и опять ничего не видно, тьма без просвета.

Сегодня в ночных полетах живо ощущаешь трудовое дыхание земли. Под крылом самолета ярко сияют, переливаются огни новых поселков и городов, электростанций, заводов и фабрик. А во время страды на колхозных и совхозных полях видны светлячки комбайновых, тракторных и автомобильных фар.

Четко отражаются в темной, ночной воде Торт-Гульского, Найманского и других водохранилищ прибрежные фонари. Особенно яркие они над рукотворными морями, которые подпирают плотины Уч-Курганской, Токтогульской и других гидроэлектростанций Нарынского гидроэнергетического каскада. Уникальная

ЛЭП-500, начало которой положила Токтогулка, уже перешагнула через семь горных хребтов и соединила ее со столицей.

А подножия крутых берегов реки Нарын тоже в огнях. Здесь раскинулся самый молодой город в Киргизии — Кара-Куль, в котором живут гидростроители. Теперь они строят еще одну гидроэлектростанцию — Таш-Кумырскую. Всего же на Нарыне их будет двадцать.

А вон, взгляните, целый букет огней. Это Кадамжайский сурьмяной комбинат — предприятие, которое выпускает очень необходимую народному хозяйству металлическую сурьму и ее соединения. Вот уже несколько десятков лет киргизская сурьма является эталоном чистоты на международном рынке.

Сейчас под крылом нашего лайнера целое море электрического света. В городе Майли-Сай, который сейчас мы пролетаем, находится один из крупнейших в стране электроламповых заводов. Ежедневно с его конвейеров в самые различные уголки нашей страны отправляются миллионы электролампочек.

Давайте изменим курс нашего воображаемого лайнера и перенесемся на север республики, в Чуйскую долину. Невдалеке от нового аэропорта «Манас» светятся окна Киргизского камвольного-суконного комбината, дальше, по трассе, которая ведет на озеро Иссык-Куль, мы видим крупнейший в Средней Азии Кантский цементно-шиферный комбинат.

Пройдет несколько десятков минут, и перед нашими взорами появятся огни многочисленных здравниц, которые буквально опоясали озеро Иссык-Куль электрическим ожерельем. Здесь на протяжении 400 километров создается курортная зона. Десятки тысяч людей проводят свой отпуск в санаториях, пансионатах, домах отдыха и туристических базах, расположенных в прекрасных уголках природы, рядом с лечебными горными источниками...

Авиаторы особенно остро чувствуют перемены, происходящие на родной земле, потому что, как поется в хорошей песне про летчиков, им сверху видно все, и честное слово, я от всей души завидую тем, кто теперь летает над возрожденной киргизской землей. Нам же, ветеранам, пилотам старшего поколения, ее горы и долины, как писали путешественники, являли собой патриархальные картины, но мы знали: будущее Советской Киргизии прекрасно, и замечательно, что нам, седебородым, удалось стать не только свидетелями грандиознейших революционных преобразований, но и активными строителями социализма.

Материал подготовил С. Антонов.

В. Б о б ы л е в

Когда в 1975 году автору этих строк довелось составлять публицистический сборник-альманах «Один день Киргизии», то, перелистывая подшивки газет, он наткнулся на небольшую информацию под заголовком «Отчитывается бургомистр». В ней говорилось о том, что тридцать лет назад первым комендантом освобожденного от фашистов немецкого города Иккермюнде был советский гвардии капитан Махмудбек Гафаров, который в мае 1975 года ездил в ГДР на торжества, посвященные тридцатилетию Победы над гитлеровской Германией. Тогда бургомистр города Курт Френц вручил первому советскому коменданту Иккермюнде грамоту почетного гражданина города, символический ключ и герб.

А на днях, сообщалось дальше в информации, бургомистр Иккермюнде прислал в Киргизию, на имя бывшего коменданта, отчет о хозяйственной и культурной деятельности города за пять месяцев 1975 года. Дело в том, что, как гласит один из пунктов положения о почетном гражданине города Иккермюнде, бургомистр обязан систематически отчитываться перед ним по основным вопросам развития города.

Курт Френц писал, что производственная программа выполнена всеми предприятиями города. В соревновании в честь тридцатилетия Победы советского народа над фашизмом первой стала бригада завода фонарей для морского флота, поездов и самолетов, которую возглавляет Эрнст Хоннеягер.

Эта бригада носит имя Махмудбека Гафарова, коллектив которой включил его в свой состав. Рабочие выполняют производственную норму за Гафарова, а заработанные деньги отправляются в Фонд мира. Бургомистр сообщил также, что местный туристический теплоход «Махмудбек Гафаров» вышел в очередной рейс, а его команда встала на трудовую вахту в честь XXV съезда КПСС.

Советский гражданин Махмудбек Гафаров, с интересом читалось дальше, награжденный за активную деятельность по укреплению германо-советской дружбы Почетным знаком трудовой доблести, послал своему далекому другу — бургомистру Иккермюнде Курту Френцу ответное письмо, в котором рассказывал, как работали трудящиеся Киргизии в завершающем году пятилетки, о трудовых достижениях в честь XXV съезда КПСС. Гафаров отправил в адрес своей бригады и капитану туристического теплохода письма с поздравлениями по поводу высоких производственных показателей.

Понятное дело, такая информация не могла не заинтересовать меня, журналиста, и я вско-

ре ближе познакомился с тем, о ком шла речь в ней. Махмудбек Гафаров оказался очень приятным собеседником, человеком добродушным, отзывчивым, остроумным. С застенчивой улыбкой рассказывал он о том, что пришлось пережить на войне...

* * *

В ту долгую от бессонницы июньскую ночь младший лейтенант Гафаров мог бы, пожалуй, быть доволен раскладкой своей пока еще не очень сложной жизненной арифметики. Позади — полных девятнадцать лет, ускоренный курс Московского артиллерийского училища имени Красина. Впереди — вся жизнь, и первый ее волшебный подарок — месячный отпуск, который был предоставлен молодому командиру в качестве поощрения за отличную учебу.

Скажем прямо: никогда, даже в мыслях, Махмудбек не видел себя всенным. Он собирался стать учителем, и, кажется, был не очень далек от своей заветной мечты, так как перед войной изучал географию во Фрунзенском педагогическом институте. Отличный студент, комсомольский секретарь факультетского бюро, он, бывший редактор районной газеты «Большевиктик жол», все же находил время брать корректуру в газете «Советтик Кыргызстан».

Короче, радел заботами, очень далекими от военных дел, однако когда ему прямо, без обиняков сказали, что международная обстановка требует, чтобы он, человек грамотный, идейно закаленный, стал ксмандиром-артиллеристом, коммунист Гафаров без лишних слов отправился в артиллерийское училище.

Через шесть месяцев Гафаров возвращается в свою родную часть, куда был призван для прохождения действительной службы, и командование дает ему месячный отпуск. Билеты до самого Фрунзе и отпускное свидетельство уже лежат в кармане новехонькой командирской гимнастерки, в большом чемодане — подарки отцу, матери, сестренке. Его поезд уходит в шестнадцать часов следующего дня...

Еще ранним утром 22 июня 1941 года, по подъему, молодой командир артиллерийского взвода жил предстоящей встрече с родными и земляками. Утром он поднялся вместе со всеми, но умываться пошел один на озеро с каким-то трудно запоминающимся литовским названием. Озеро находилось километрах в двух от военного лагеря.

Когда Махмудбек, не торопясь, возвратился, то увидел, что часть поднята по тревоге. Младший лейтенант встал в строй и, придирчиво оглядывая подчиненных, посетовал про себя, как бы не помешала эта тревога проходам: было воскресенье, и накануне командир части разрешил товарищам сопроводить Махмудбека до ближайшего городка.

Гафаров взглянул на командира: лицо у него было необычайно сурово, даже, пожалуй, зло, но он не придавал этому значения, потому как радость от предстоящей поездки в родные края буквально переполняла душу. Не верилось, не думалось, не гадалось, что найдется черная сила, способная перечеркнуть все: и этот солнечный день, и праздничное настроение, и улыбки однополчан...

Однако не пройдет и часа, как в небе зловеще загудят фашистские бомбардировщики. Вот они-то и покажутся Гафарову черными крестами, которые безжалостно в одночасье перечеркнут просторы родного неба. Вот на соседнем аэродроме уже горят несколько краснозвездных самолетов, в медсанбат уже доставили первых раненых, а Махмудбек все еще не может поверить в случившееся, то и дело поглядывает на часы, прикидывает, сколько осталось времени до отхода поезда, на который уже куплен билет...

Но рядом гибли боевые товарищи, пылали города и села, казалось порой, что не хлеба в полях — сама земля горела, настолько плотными были бомбовые удары и артиллерийские залпы противника. Первый бой в первый день войны, которую вскоре назовут Великой Отечественной войной против немецко-фашистских захватчиков, навсегда останется в памяти Махмудбека Гафарова.

Его батарея заняла позицию на опушке леса, перед золотым пшеничным полем. Прилечь бы да прислушаться к тому, о чем шепчутся литые колосья, да все равно ничего не услышишь, кроме грозного рева моторов гитлеровских танков, которые, изрыгая огонь и сталь, упрямо лезут на боевые порядки батарей. Раздалась долгожданная команда открыть огонь...

Долго и упорно стояли на своем рубеже артиллеристы. Многие из них так и остались лежать на краю изуродованного гусеницами хлебного поля, а те, кто выжил, по приказу оставил позиции, потому что слишком неравны были силы. Горькие чувства испытали бойцы, но командир, несмотря на свою молодость, всем своим видом как бы говорил: «Мы еще вернемся на эту землю победителями, прогоним ненавистного врага, который забыл уроки прошлого: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!...»

Есть множество свидетельств жестокости беспрерывных кровопролитных боев с превосходящими силами противника. Вот еще одно, из военной судьбы Махмудбека Гафарова: 8 сентября 1941 года батарея младшего лейтенанта отразила несколько танковых атак, но затем была накрыта прямым бомбовым ударом.

Глубокая воронка разверзлась на месте орудия, возле которого находился Гафаров, и в село Кировское, его родителям, ушло скорбное письмо. Гибель его подтвердили очевид-

цы — командир дивизиона капитан Измайлов и старший политрук Коровин: «Смелый артиллерист, наш боевой друг Махмудбек Гафаров пал смертью героя...»

Но он оказался живым. Раненым, контуженым, но живым.

Взрывной волной Гафарова оглушило, отбросило далеко в сторону. Когда вернулось сознание, понял, что вражеское кольцо сжалось, и предстоят жестокие схватки с оккупантами. Обстановка была невыносимо тяжелой, положение — самое критическое.

Каждый командир и каждый красноармеец делали все возможное, а может быть, даже невозможное по представлениям мирного времени, чтобы день за днем сдерживать атаки ошалевшего от успехов врага. Было трудно, тяжело, невыносимо тяжело, но уже к концу второго месяца войны всему миру стало ясно: гитлеровский молниеносный «план Барбаросса» потерпел полный крах, лопнул, как мыльный пузырь. Наиболее дальновидные фашистские вояки уже тогда в этом увидели начало своего бесславного конца.

Махмудбек Гафаров, как и миллионы других советских воинов, свято верил в победу, потому что судьба его была прочно связана с судьбой всей Отчизны. Мы не считали себя жертвами обстоятельств, подчеркивает он, а бойцами, защитниками родной земли. Ослабленные, измученные, мы стояли насмерть, сковывали, отвлекали вражеские силы, в результате оккупанты не могли развивать наступление на других направлениях, на других фронтах.

Так вот, когда Гафаров очнулся, то сразу же понял: попали в окружение. Что делать? Бороться!.. Другого мнения не было: только бороться, хотя активных штыков — горстка, люди устали. Тридцать два дня во вражеском кольце прошли как один сплошной бой — ни привала, ни передышки.

Что же было самым страшным в окружении? Смерть?.. Нет. В иные дни ее ждали, чтобы сразу, в один миг избавиться от страшных мучений. Голод?.. И да и нет. Окруженцам помогали жители оккупированных районов. Собирали и ели ягоды и другие дары природы. Бывало, приходилось жевать отвратительные сыромятные ремни, но терпели. Страшнее страшного — это оторванность от регулярного войска, но четырежды страшнее было отсутствие оружия и боеприпасов, что исключало возможность встречи врага на равных.

Мы порой слышали, вспоминает Гафаров, как гитлеровцы орали: «Рус, сдавайся!» — но сражались до последнего патрона, а многие — и до последней капли крови. Пробивались сквозь, казалось бы, железные кольца окружения, ломали вражеские заслоны ценой громадных жертв: многие бойцы и командиры, которые сражались рядом с нами, лег-

ли костями, прокладывая путь своим боевым товарищам.

Война, подчеркивает ветеран,— это и величайшее торжество дружбы народов нашей страны. Сколько было сборных отрядов в первые месяцы боев! Рождаясь из разных частей, они мгновенно цементировались в боевой единстве. Гафаров утверждает, что не помнит случая, чтобы большой или не очень большой начальник заводил с фашистами переговоры о сдаче в плен.

Конечно, были падашие духом, струсившие, но большинство бойцов и командиров думали не о себе, а о судьбе любимой Родины. Не спали, не ели, но мечтали о победе, несмотря на огромный урон. Не было и нет людей, равных по духу советским людям!..

Когда гвардии майор запаса рассказывает о своем боевом пути (а он, этот путь, надо отметить, не мал: на запад начинался от Москвы, продолжался на Западном, Калининском, Карельском и Ленинградском, Юго-Западном, 4-м Украинском, 1-м и 2-м Белорусских фронтах), то обязательно вспоминает однопольчан и при этом от души сожалеет, что память не сохранила имени одного из них, того, кому он обязан своей жизнью.

— Этот человек спас меня,— говорит Махмудбек Гафаров. — Очень хочется по-братски обнять его. Несколько раз пытался разыскать, но, к сожалению, ничего не вышло. Что я знаю о своем боевом брате? Родился и жил он в Алма-Ате, называл себя Иваном. Старшина, коммунист, так он представился мне. Показал себя храбрым воином, был хорошим, добрым товарищем. Вот, пожалуй, и все, что мне известно о своем спасителе.

Случилось это в районе Великих Лук. После боя меня, раненого и контуженного, отнесли в безопасное место. Когда я очнулся, сержант Арон Ворона доложил, что старший начальник приказал рассредоточиться и пробыть к своим небольшими группами и что он, сержант Ворона, не пошел вместе со всеми, ждал, пока я приду в сознание. «Недалеко, вон там, в кустах,— сообщил он,— находятся ребята из соседней части. Предлагаю присоединиться к ним, потому что одному мне вас не унести...»

Я попросил Ворону пригласить старшего группы, и через минуту передо мной стоял измученный человек в обгоревшей гимнастерке, весь в ссадинах и кровоподтеках. Он сказал: «Я старшина, член партии. Со мной шесть человек, пять винтовок и автомат. Да вас двое, вижу, с пистолетами. Целый отряд!.. Нужна дисциплина, нужен командир. Берите меня в заместители. А пока не поднимаетесь на ноги, командовать буду от вашего имени. Идет!.. Зовите меня Иваном...»

Я назвал свое имя и сказал, что я тоже коммунист.

Несколько дней меня несли на носилках из

двух жердей и плащпалатки. Потом я начал передвигаться самостоятельно. Когда наш небольшой отряд отдыхал, я и старшина Иван устраивали «военные советы», на одном из которых было решено предпринять несколько засад на лесных дорогах.

В одной из них нам удалось раздобыть карту, так необходимую для ориентировки в лесистой местности. Вместе с ней прихватили и важные документы. Помнятся дерзкая атака на обоз противника, бой с мотоциклистами. В стычках с немцами, как ни береглись, все же потеряли трех человек. Очень было жалко оставлять захваченные оружие и боеприпасы, но нести их не было сил, поэтому прятали их в надежде затем передать партизанам.

Однажды в глухой чаще заметили отблески огня. Притаились с радостной мыслью: «Вдруг партизаны!..» Но на сближение пошли осторожно, используя много раз испытанный прием. Старшина пополз вперед, а я взял его на мушку автомата. Уговор был такой: если нападут гитлеровцы — стрелять! Такие минуты были хуже самой страшной пытки. Но что же делать? Живым в руки врага попадать не хотелось. Меня утешало лишь то, что в следующий раз я поползу под прицелом своего боевого товарища...

Вот старшина замер. Стиснув зубы в страшном напряжении я изготавился к стрельбе, но в тот момент, к своей неопишуемой радости, услышал спокойный голос: «Витька, принеси охапку сена. Лыска мычит...» А старшина поднялся с земли, поманил меня пальцем и, когда я подошел, промолвил: «По-моему, беженцы. Целая семья...»

Мы вышли на поляну, где стояла повозка, возле которой сидели старик со старухой и трое ребятишек — мал мала меньше. Старик оказался словоохотливым после того, конечно, как убедился в нашей непричастности к полицаям и оккупантам. Он и старуха вместе с внуками убежали из родного села, в котором бесчинствовали немцы, и схоронились в лесу.

Мы развернули карту, наметили маршрут. — Как речушку переплывете,— наказывал старик,— ищите просеку, а за ней — стожок сена. Возле него двачата-комсомолки дежурят. Дальше идите осторожно — кругом мины. Ночью вам не пройти. Как разведывает, шуруете прямо по моим следам, не ошибетесь...»

— С восходом солнца мы были у своих,— заключил свой рассказ Гафаров. — Обнимались, даже плакали. А увидели хлеб, чуть в обморок не упали: слишком сладок был его запах. Меня увезли в родную дивизию, а старшина подался в свою часть, и не пришло мне в голову, что видимся в последний раз. Даже адреса не спросил...

Это было вначале октября 1941 года. Группа младшего лейтенанта Махмудбека Гафа-

рова в составе пяти человек, сохранив документы и оружие, с важными трофеями prorвалась к своим в районе станции Бологое. Изможденный, израненный, с немецким автоматом в руках вернулся в свой родной дивизион Гафаров. Доложил:

— Товарищ капитан, вышел из окружения. Оружие уничтожено, партийный билет при мне. Зверски устал, но готов выполнить любое задание...

За находчивость и умелое руководство подразделением в исключительно трудных условиях молодой командир был награжден медалью «За боевые заслуги», а потом его грудь украсили ордена Отечественной войны I и II степеней, два ордена Красной Звезды, многие медали. Это за бои под Москвой, Ленинградом, на Карельском, Калининском, Западном фронтах, за участие в Сталинградском прорыве.

В освобождении Севастополя Гафаров участвовал уже в звании капитана, в должности заместителя командира дивизиона. Затем — Белорусский фронт, бои за Минск, Бобруйск, участие в освобождении Польши, осаде Кенигсберга, сражениях в Померании.

Мог ли он, боевой артиллерийский офицер, предполагать, что станет первым советским комендантом Иккермюнде, что военная судьба навсегда соединит его с тихим городком на самом берегу Балтийского моря и что придет день, когда он с гордостью воскликнет: — Мой Иккермюнде!..

* * *

Конец войны застал гвардии капитана Гафарова под Ростоком. Как и многие его боевые товарищи, в мыслях он был уже у порога родного дома, с нетерпением ожидал увольнения в запас, горюя о тех, кому не привелось увидеть светлый час Победы, вместе с живыми удивляясь и радуясь солнцу, голубому небу, зеленому наряду земли, всему тому, что понимаем мы под одним-единственным словом «жизнь».

Однажды в штабе дивизиона раздался телефонный звонок:

— Гвардии капитана Гафарова к командиру дивизии!

Вскоре Гафаров был у большого начальства. Генерал, ответив на его приветствие, довольно улыбнулся, глядя на подтянутого молодого офицера, спросил:

— Сколько вам лет?

— Двадцать три, товарищ генерал.

— Давно воюете?

— С 22 июня 1941 года.

— Значит, есть хороший жизненный опыт. Война, она многому не только молодых, но и нас, стариков, научила... — Генерал тяжело вздохнул, помолчал немного, а затем поинтересовался: — Какие языки знаете? — спро-

сил, как показалось Гафарову, совсем невпопад: при чем тут языки, когда война кончилась, а там, на родной земле, на каком бы языке ни говорил, все равно примут, поймут, обогреют. Так подумал капитан, а сам насто-рожился: знал, что командир дивизии слов на ветер бросать не любит, если уж интересуется языками, значит, жди перемены. На вопрос генерала ответил четко и ясно, как положено; — Знаю киргизский, русский, татарский, узбекский, казахский, туркменский, украинский, польский...

— Прекрасно, капитан! А немецким владеете?

Гафаров бойко произнес несколько немецких расхожих слов.

— Ну что ж, на первый раз не так уж мало, — одобрил генерал и произнес строгим командирским тоном: — Вы назначаетесь комендантом города Иккермюнде!

— Меня?.. Комендантом?..

— Именно вас, товарищ гвардии капитан!

— Но...

— Вы, капитан, не забывайте, что находитесь в армии, где, как известно, приказ начальника является законом для подчиненного.

— Слушаюсь! — вытянулся в струнку Гафаров.

— Вопросы ко мне есть?.. Нет?.. Можете идти.

Гафаров привычно бросил кисть правой руки к виску, резко повернулся кругом и твердым шагом вышел из кабинета генерала. Все это он проделал автоматически, подчиняясь выработанной годами службы в армии манеры поведения, с одной-единственной мыслью: «Меня, боевого командира, в коменданты!.. Чем провинился?..»

Ничем не провинился гвардии капитан Гафаров: в те годы многие советские офицеры становились комендантами освобожденных от фашизма немецких городов. Как правило, на эти должности подбирались военные, сердца которых не ожесточили горькие потери, война не вытравила из их душ сострадания к чужой беде, к беде народа, доведенного Гитлером и им же с ним до критической точки.

Приказ есть приказ, и артиллерист капитан Гафаров стянул походную пыль с обмундирования, до зеркального блеска надраил сапоги и со своим ординарцем Петром Сидоренко в трофейной комфортабельной машине отправился в Иккермюнде. Город встретил полномочного представителя нашей страны и армии настороженной тишиной заросших травой улиц.

Многие жилые дома, деловые здания, корпуса предприятий были разрушены. Хлебопечка, молочный и рыбный заводы бездействовали. Бойкий ветер с моря раскачивал высокие сосны на песчаных дюнах, привольно разгуливал в развалинах. Редкие прохожие, заметив сверкающий черным лаком и нике-

лем автомобиль, тут же испуганно исчезали, словно сквозь землю проваливались.

От вновь назначенного бургомистра города, ветерана Коммунистической партии Германии Августа Нитца комендант узнал, что в Иккермюнде скопилось множество беженцев, в каждом доме ютились по три-четыре семьи. Товарищ Нитц докладывал:

— Постоянных жителей в городе всего шестнадцать тысяч, но сейчас в нем собралось, по нашим скромным подсчетам, около сорока тысяч человек.

— Как с питанием?

— Плохо, голодаем.

— Петр,— обратился Гафаров к ординарцу,— передай начпроду: пусть удвоит заявки на продовольствие, полевые кухни, поваров, медперсонал и медикаменты.

— Понял, товарищ гвардии капитан!

— Среди иногородних много ярых нацистов, эсэсовцев,— продолжал Нитц. — Нельзя ли выделить роту ваших солдат, чтобы выловить фашистов?

— Нет, нельзя. Это уж ваша забота, товарищ Нитц. Привлекайте коммунистов, активистов и действуйте. Давай-давай!..

— Как?... Немцы против немцев? — поразился бургомистр.

— Да, хорошие немцы против плохих немцев. Вам самим придется наводить порядок в собственном доме. — Комендант по-товарищески хлопнул бургомистра по плечу, улыбнулся поощрительно: — Давай-давай, товарищ Нитц, действуйте!

В первые дни жители еще не знали ни имени, ни фамилии советского коменданта, поэтому так и называли: «Комендант Давай!» Когда на улицах города появились полевые кухни с добродушными кашеварами, то и их тоже нарекли Давай-давалями за то, что приглашали они жителей к обеду таким манером:

— Давай-давай, подходи, наша советская каша вкусная да сытная. Только посуду свою тащи, не приготовили про вас. Бери ложку, бери бак, нету ложки — кушай так. Давай-давай, подставляй!..

Длинные очереди выстраивались у солдатских полевых кухонь, которые уютно, под домашнему дымилась, источая соблазнительные запахи, но они, эти запахи, все же не могли победить смрад, доносившийся из развалин. Но вот возле кухонь появились фанерные армейские повозки, распахивались дверцы, и ароматный запах недавно испеченного хлеба разносился далеко окрест. Он не только наполнял каждый уголок, каждую щелку разрушенного города, но и вселял в сердце местных жителей надежды на лучшую жизнь, был окончательным приговором голодной смерти.

Какой же великой ценой оплатили советские люди это!

Жителям Иккермюнде хлеб выдавался по

потребности, а в это время в нашей стране многого не хватало, и хлеба в том числе. Я хорошо помню: чтобы купить одну буханку хлеба на всю семью, приходилось подниматься затемно, часами выстаивать в очереди, и было до слез обидно, когда приходилось возвращаться домой с пустыми руками.

Но мы интернационалисты, и этим многое, если не все, сказано...

Советские воины начали в Иккермюнде восстановительные работы, взяли на себя обеспечение населения продуктами питания, медикаментами. Комендант понимал, что их усилия будут более плодотворными, если привлечь к работе тех жителей города, которые уже разобрались в сложившейся обстановке. Он и бургомистр обратились по радио к коммунистам и антифашистам, и буквально на следующий же день в ратушу явились более ста членов Коммунистической партии Германии.

Капитан Гафаров и его помощники ежедневно принимали в комендатуре гражданское население, решали самые разные вопросы, помогая налаживать мирный труд горожан. Не хватало продовольствия, и комендант хлопотал перед вышестоящим начальством о выделении продуктов. Поднимали головы фашистские вояки, которые возвращались в город под видом мирных жителей, и Гафаров вынужден был вновь браться за оружие.

Теперь его верными помощниками становились и те немцы, которые решили строить новую жизнь своими собственными, рабочими руками без содействия гитлеровских недобитков. Быстро восстанавливался город, задымили трубы предприятий, открывались мастерские, столовые, медицинские учреждения, школы, кинотеатры, спортивные площадки и даже крхи.

В одном из своих воззваний, в мае 1945 года, советский комендант писал: «Всем гражданам, временно и постоянно проживающим в городе Иккермюнде, пройти регистрацию. В противном случае...»

Жители читали эти строки и задумывались: «Что же уготовано тем, кто не прошел регистрацию?.. Расстрел? Петля?.. То есть те самые репрессивные меры, которыми гитлеровцы во множестве пользовались для устрашения населения не только оккупированных территорий, но и своей страны.

Задумывались иккермюндцы и с удивлением читали дальше: «В противном случае лица, не прошедшие регистрацию, могут оказаться без продовольственного пайка и медицинской помощи».

И люди поверили советскому коменданту, поверили новой власти и содействовали им как только могли.

Сейчас в Иккермюнде Махмудбека Гафарова знают, пожалуй, все. Многих городских жителей знает и он, хотя, конечно же, не все

лица, которые прошли перед глазами в событиях тех далеких дней, сохранились в памяти. Но есть люди, которые оставили в его душе глубокий след.

На всю жизнь сохранится в памяти бывшего коменданта молодая светловолосая женщина, которая громким стуком подняла его в одну из ночей. Едва открыли дверь комендатуры, она с отчаянным криком: «Умоляю, спасите Вилли!.. Вилли умирает!» — бросилась в ноги Гафарову. Как оказалось, сын этой женщины тяжело заболел, и она просила срочно показать его советскому врачу.

Комендант принял срочные меры. Быстро установили диагноз — острый аппендицит, и мальчика, по распоряжению Гафарова, поместили в советский военный госпиталь, стали готовить к операции. Но женщина не оставала от Гафарова, умоляя его присутствовать при этом. Напрасны были заверения, что врачи — опытные специалисты — честно сделают свое дело. Немка со слезами на глазах упрашивала коменданта поехать в госпиталь. В эту ночь ему так и не удалось заснуть...

Потом каждое утро Махмудбек Гафаров приходил на верхний ступеньке своего крыльца яркие букеты цветов — знак уважения простых немцев к Советской Армии, армии-освободительнице...

После войны Гафаров несколько раз бывал в Иккермюнде. Обычно его счель торжественно встречали на вокзале. На улицах его приветствовали совершенно незнакомые люди. Салютами встречали и провожали бывшего коменданта юные пионеры. Он не то, чтобы привык к этим идущим от души, чистосердечным знакам внимания, просто они стали традиционными, но когда он услышал знакомый с сорок пятого голос: «Вилли! Вилли!» — и увидел женщину, которая устремилась к нему в сопровождении молодого человека в мундире офицера народной армии, сердце вздрогнуло: да, это была она, та самая женщина, которая поступалась к нему поздно ночью и умоляла спасти своего сына, вот этого самого офицера, который навсегда сохранит добрую память о своем спасителе...

Когда в Иккермюнде воздвигли памятник советским воинам, павшим в боях с фашизмом, то на открытие пригласили Махмудбека Гафарова. В торжественные дни его привели на Нойенштрассе, 21, и на простенке дома, где когда-то жил, он увидел мемориальную доску, на которой золотом по-немецки и по-русски было тиснуто в мрамор: «Квартира первого советского коменданта Иккермюнде гвардии капитана Махмудбека Гафарова».

С волнением открыв дверь квартиры под номером один, он вновь пережил то, чем жил несколько десятков лет назад: здесь были собраны первые воззвания к гражданам города, документы, связанные с пуском промышленных предприятий, на которых стояла

его подпись. От души порадовала богатая экспозиция под названием «Родина капитана Гафарова».

Последний раз он вышел из этой квартиры в тот самый день, когда в начале 1946 года его родная дивизия отправлялась домой. Провожать молодого коменданта вышло много друзей, товарищей, знакомых и незнакомых людей, которые, взвесив все, что сделано им и его соратниками, навсегда уяснили, что армия Советского Союза приходила на немецкую землю не как армия-завоевательница, нет, она освободила немецкий народ от фашистских оков.

Жаль, очень жаль было жителям Иккермюнде расставаться с Махмудбеком Гафаровым. Август Нитц, человек, которому тогда было далеко за шестьдесят, коммунист, стойкий антифашист, ученик и сподвижник Эрнста Тельмана, испытывавший на своем веку многое — и радость побед, и горечь поражений, и долготлетние муки в застенках фашистских концлагерей, — от имени сограждан целовал Махмудбека, плакал, не стесняясь слез, и приговаривал: «Такого еще не знала немецкая земля, чтобы коменданта не боялись, а от всего сердца любили. Нет, такого еще не было!»

А провожающие скандировали: «Спасибо!.. Махмудбек — Иккермюнде!.. Фройншафт — дружба! Фройншафт — дружба!..» Комендант смотрел на всех с застенчивой улыбкой, охотками принимал цветы, целовал их и снова бросал в толпу. Не знал, не ведал тогда Гафаров, что его еще не раз будут встречать в этом городе...

* * *

Во второй половине 1972 года редакция «Огонька» чаще, чем обычно, вызывала по телефону Берлин, а оттуда, из редакции журнала «Фрайе вельт», часто раздавались звонки в Москве. Дело в том, что конкурс «Мой друг», в котором участвовали читатели двух братских журналов, пришел к своему логическому завершению.

Настало время победителям его — трем советским гражданам и трем гражданам ГДР — отправиться в путешествие к своим друзьям. Советские журналисты и их зарубежные коллеги, обсуждая предстоящие маршруты, сделали своеобразное открытие: путь из Фрунзе в Иккермюнде может длиться больше... четверти века! Ведь журналист из Фрунзе Махмудбек Гафаров собирался во время этой поездки отпраздновать с немецкими друзьями свое пятидесятилетие, а впервые он попал сюда в 1945 году.

Специальный корреспондент «Огонька» Новелла Цветкова и корреспондент «Фрайе вельт» Вольфан Шеель увидели Гафарова —

одного из победителей конкурса «Мой друг» — на улицах Иккермюнде. Он не спеша шел по городу, внимательно всматривался в дома, лица прохожих и вдруг услышал ликующий голос мальчишки:

— Смотри, дядя Махмудбек уже приехал!..

Гафаров остановился и улыбнулся. Двое мальчуганов лет по восьми во все глаза рассматривали его ордена и медали. Ну вот, теперь его узнают на улицах даже малыши! А когда он впервые после войны сюда приехал, его узнали только те, кто видел его в сорок пятом. Интересно, сколько лет было тогда родителям этих мальчуганов? Может, именно их первый советский комендант посадил за школьные парты в сентябре 1945 года!..

К сожалению, многих из тех, с кем он начинал строить новую жизнь, уже никогда не увидишь на этих улицах. Но он их помнит и будет помнить всегда. Не забыть ему Августа Нитца, первого бургомистра и первого близкого друга из числа немцев. В прошлый приезд они виделись в последний раз.

— Махмудбек, сынок, — попросил старый Август, который уже не поднимался с постели, — когда будешь уходить, пройди, не спеша, под окнами, я хочу хорошенько запомнить тебя...

А новый бургомистр, молодой, энергичный человек по имени Курт Френц сказал ему так, как сказал бы старина Август:

— Ты ведь помнишь, как погибли советские герои, что лежат под скромными обелисками в центре нашего города? Так вот, мы, все, кто здесь живет, решили построить в честь героев парк-музей и с почестями перенести туда их прах. Пусть внуки и правнуки наших детей помнят, с чего начиналась новая жизнь Иккермюнде!..

Старый друг Вернер Рихард, секретарь отделения Общества германо-советской дружбы, показал ему целый альбом вырезок из местной газеты «Свободная земля». Все эти годы из месяца в месяц публиковались материалы о первом советском коменданте, о его жизни сегодня, о родной Киргизии и городе Фрунзе. В последних номерах была перепечатана его собственная статья из «Огонька», которую он присылал на конкурс «Мой друг». Жители города радовались: «Наш комендант победил! Махмудбек скоро придет к нам в гости!..» Вот некоторые заголовки из «Свободной земли». «Махмудбек приезжает!», «Поезд прибывает в 9.45», «Махмудбек ходит по городу».

И вот он здесь, за тысячи километров от собственного дома, но снова в своем доме. Ведь только дома может быть так весело за столом в день рождения, который ему устроили у Рудольфа Бенна. Сколько писем, сколько подарков получил он в этот день от знакомых и незнакомых людей! Вилли Ремер, Франц Хай, Эрих Шмок, Вольдемар Колидзей,

Вернер Рихард, — да разве перечислишь всех, кого он называет своими друзьями, кого он любит всем сердцем и с кем готов разделить любую беду?..

Он так и сказал своей бригаде: «Телеграфируйте мне во Фрунзе, и я приеду и буду делать с вами самую трудную работу!» А они в ответ: «Нет, Махмудбек, мы тоже проведем у себя в округе конкурс «Мой друг», и тот, кто победит, придет к тебе во Фрунзе».

Его бригада слывет лучшей на заводе: в который раз уже подтверждает факт завоевания звания коллектива социалистического труда, ей также присвоено звание «Отличная бригада германо-советской дружбы». Нигде в Иккермюнде, да, пожалуй, во всей ГДР, не знают столько о Киргизии, как здесь, в его бригаде.

Много часов они говорили, а времени все не хватало. Расставаясь, Махмудбек Гафаров сказал: «Я видел ваш город в сорок пятом, я приезжал потом не раз, и вижу главное, и это наполняет сердце гордостью и радостью за мой Иккермюнде. Вырос и обновился не только город, главное — обновилась душа народа, которую фашизм изо всех сил старался испоганить. Это было самое трудное, но мы с этим справились. Потому что все эти годы были вместе, и мы будем теперь вместе всегда!..»

Проходит два года, и в 1974 году Новелла Цветкова вновь командирована редакцией журнала «Огонек» в ГДР, чтобы в юбилейный, двадцать пятый год этой страны рассказать о нашем земляке. Хочется надеяться, что автор этого повествования уже в достаточной степени познакомил читателей с деятельностью Махмудбека Гафарова на посту коменданта Иккермюнде, поэтому заострим внимание только на той части опубликованного в «Огоньке» очерка Цветковой, в которой она рассказывает о встрече со своей коллегой из берлинского журнала — светловолосой Карин Копп. Ее, как и Цветкову, в Иккермюнде привело редакционное задание — рассказать о том, как встретил город своего бывшего коменданта.

Карин заметила советской журналистке: «Посмотри, сколько у него здесь родственников!» Она, подмечает Цветкова, нашла очень правильное слово: не было в ту пору в Иккермюнде никаких делегаций — были только родственники, которые горячо приветствовали друг друга, обнимались и целовались.

Карин спросила у Гафарова: «Какие перемены здесь кажутся вам самыми важными?» Он ответил: «Главное — это то, что за эти годы обновилась душа народа! Я помню ее искалеченной фашизмом. Многие не верили тогда, что будет новая Германия и новые немцы. А теперь вот они — это мои «старички», стойкие антифашисты, коммунисты, которые начинали строить новую жизнь, и вы, мо-

лодое поколение, которое продолжает их дело!»

У Карин Копп примечательная и сложная судьба. Она родилась в фашистской Германии, а в школу пошла уже в ГДР. Как и все ее сверстники, была вначале пионеркой, а потом членом Союза свободной немецкой молодежи. Училась в школе, мечтала об институте, но вдруг явился человек, который заявил: «Это все тебе не нужно! Забудь все, чему тебя здесь научили, и поедem со мной в настоящую Германию...»

Это был отец Карин, который в трудную минуту убежал в Западную Германию.

Карин ответила: «Родина моя здесь, и только здесь я могу быть по-настоящему счастливой!» Отец уехал один. Он часто присылал посылки с модными вещами, которых тогда еще не было в ГДР. «Счастье, когда много денег и красивых вещей», — писал отец. «Счастье, когда ты нужен людям и люди нужны тебе!» — отвечала дочь.

— А что же дальше?

— Медики говорят о несовместимости тканей... А ведь есть несовместимость мировоззрения, психологии, образа мыслей. Я рассказывала о себе, но поверь, точно так же чувствуют себя при встрече со своими западными родственниками почти все жители нашей республики. Правильно сказал бывший комендант Иккермюнде: «Мы — новые немцы».

Известно, что будущее ГДР, как, впрочем, и любой другой страны, — дети. Одна берлинская девочка в сочинении на тему «Каким я представляю свое будущее» написала так: «Когда я стану совсем взрослая, уже не будет границ между социалистическими странами. Я хотела бы тогда жить в Киеве, а моим мужем будет русский парень. У нас будет двое детей — девочка и мальчик. Я буду врачом, буду лечить от болезней советских детей. А мой муж будет инженером и будет делать хорошие машины для ГДР».

Наивно? Чуть-чуть. Но ведь от всего сердца, правда?

Да, в новой Германии подрастают внуки и правнуки новых немцев, прародителем которых был, быть может, уже знакомый нам бургомистр Иккермюнде Август Нитц, коммунист-ельмановец, всем своим горячим сердцем ненавидевший фашизм и любое его проявление.

* * *

Окончилась война. Махмудбек Гафаров приехал в Киргизию, и вот уже почти сорок лет остается верным своим немецким друзьям из Иккермюнде, которые пишут ему об успехах в социалистическом строительстве, а он сообщает им, как из года в год хорошеет киргизский край, как трудятся его земляки. В одном из писем рассказывалось, к примеру, о семье имени 50-летия СССР Сокулукского рай-

она. В нем работают представители 23 национальностей, среди которых немало немцев. Есть в Киргизии колхоз «Труд», сообщил Махмудбек Гафаров в ГДР, где восемьдесят процентов труженников составляют немцы. Каждый год в хозяйстве производят продукции на три миллиона рублей. Солидная прибыль позволяет широким фронтом вести культурно-бытовое строительство: возведена школа, где большая часть детей обучается на немецком языке, построен клуб, в котором работают десятки кружков и секций, открыт филиал русского Государственного театра имени Н. К. Крупской.

Среди живущих в республике немцев более 1300 инженерно-технических работников, шесть руководителей колхозов, около 250 директоров предприятий, руководителейстроек и учреждений, 120 преподавателей институтов и техникумов. В 25 школах немецкий язык изучается в качестве родного языка...

Вот уже почти сорок лет Махмудбек Гафаров работает в редакции ведущей газеты республики «Советтик Кыргызстан», но какие бы должности он ни занимал, всегда одной из главных его забот было военно-патриотическое воспитание трудящихся. Регулярно, два раза в месяц, в газете появляются материалы под рубрикой «Защита Отечества — священный долг». Их пишут командующие военными округами, видные военачальники, ветераны Великой Отечественной войны, офицеры и солдаты Советской Армии.

Настойчивые розыски журналистов помогли установить имена многих воинов, героически погибших в боях за честь и независимость нашей Родины, но считавшихся пропавшими без вести. Так, с помощью красных следопытов газетчикам удалось проследить боевой путь нашего земляка Аширбая Коеенкозова. Были собраны убедительные свидетельства тому, что он вошел в состав партизан и прославил себя дерзкими операциями в тылу врага. Приведем лишь два письма, раскрывающие суть героической природы мужественного воина. Вот письмо, опубликованное в дивизионной газете 1 января 1943 года: «1942 год прошел в огне Великой Отечественной войны. Зарево пожара огвещает эту новогоднюю ночь. В руках у меня винтовка, у пояса гранаты — это все, что я хочу иметь сейчас, это все, чему я радуюсь».

138 немцев убил я из этой винтовки, 15 годов взмахом руки с гранатой я заставил поднимать грязные руки вверх. Я их хотел убить, но война имеет свои законы — командованию нужны «языки», и я привел этих «языков» в свое подразделение.

Страна говорит мне:

— Правильно действуйешь, киргиз Коеенкозов! Крепче шаг! Точнее прицел!

И я отвечаю:

— Киргиз Коеенкозов будет действовать только так, как приказывает ему Родина!

Прощай, 1942 год! Ты не прошел даром. Ты

Дубосеково. Мемориальный комплекс памяти о подвиге 28-ми героев-панфиловцев во время обороны Москвы.

Вечный огонь памяти людской.

У Красного знамени ветераны революции, войны и труда. (Генерал-майор в отставке Э. Алиев, Герой Советского Союза Д. Асанов, Герой Советского Союза П. Немцев).

Ударники труда на праздничной площади столицы республики.

●
С. Кайназарова — герой труда, знаменитая киргизская свекловичница.

Передовой чабан, Герой Социалистического Труда М. Мамбетов.

Старейший коммунист, ветеран милиции Ш. Дозоев.

Директор Узгенского лесхоза, ветеран труда и участник Великой Отечественной войны Д. Джеенбеков.

Действительный член-корреспондент Академии наук Киргизской ССР, доктор медицинских наук А. Мурзалиев.

Знатный табаковод, кавалер двух орденов Трудового Красного Знамени К. Молдобаев.

Ветеран партии М. Вахабов.

За семейным досторхоном четыре поколения.

Первый киргизский профессиональный художник Гапар Айтиев с молодыми поклонниками его таланта.

Заслуженный летчик СССР И. Г. Филатов. Сорок пять лет его жизни неразрывно связаны с авиацией Киргизии.

Молодежь республики в едином праздничном строю с друзьями из братских республик.

Отличными трудовыми подарками встречает XXVII съезд КПСС бригаду прокатчиков Фрунзенского завода сверл, которую возглавляет Г. Малецкий.

● Материнское напутствие. Молодежь республики едет на большие стройки страны.

На переднем крае борьбы за решение Продовольственной программы находятся мастера машинного доения совхоза «Джергетальский», Таласской области Д. Риянбаева, С. Суйлалиева, К. Эркалиев, Д. Акилбекова.

Избранники народа. Молодые депутаты, работницы Фрунзенской чулочной фабрики.

Их руки пахнут хлебом. Лучшая бригада Фрунзенского булочно-кондитерского объединения.

научил нас безмерно любить свою страну, свой народ и безмерно ненавидеть врага..."

А вот информация под заголовком «Народный мститель» из газеты партизанской бригады, которая действовала под Ленинградом: «Бить немца есть жизненная необходимость. Иначе все, что мы любим, будет растоптано, сожжено и уничтожено», — так говорит своим друзьям партизан Аширбай Коенкозов. Это — партизанский герой. Будучи ранен в ногу, он продолжал бой. Он стрелял и говорил: «Пусть каждая капля моей крови дорого достанется врагам!»

За время войны Аширбай уничтожил 202 фашиста, привел 13 «языков».

Партизаны, будьте такими, как наш герой Аширбай Коенкозов!»

Боевая обстановка сложилась так, что принять самолет и отправить в тыл раненого бойца не представлялось возможным. Коенкозову достали лошадь, и он сел на поперек седла, а ногу клал на луку. Конечно, тряска причиняла мучительную боль, но партизан терпел и даже воевал.

Аширбай Коенкозов был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени...

За активное участие в работе по военно-патристическому воспитанию трудящихся газете «Советтик Кыргызстан» дважды присуждалась вторая премия Правления Союза журналистов СССР и Главного Политического Управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Она награждалась почетными грамотами ЦК ДОСААФ, Министерства Обороны и Штаба Гражданской Обороны СССР.

Неоднократно на этом благородном поприще отмечалась и деятельность Махмудбека Гафарова. Журналист, заслуженный работник культуры республики, он возглавляет военно-шефскую комиссию Союза журналистов Киргизии, является членом ЦК ДОСААФ республики, секретарем Президиума Совета ветеранов комсомола Киргизии, членом Фрунзенской секции ветеранов войны.

А теперь вырос и его сын.

Офицер Тимур Гафаров, командир артиллерийского подразделения, говорит:

— Еще в детстве я часто засматривался на грудь отца, украшенную боевыми орденами и медалями. Слушая его рассказы о войне, о подвигах солдат, отстаивавших свободу и независимость нашей великой Родины, я в своем воображении ставил себя в один строй с отцом-гвардейцем — офицером-артиллеристом, прошедшим боевой путь от Москвы до Берлина.

И вот мечта моя сбылась. После окончания высшего военного училища я стал офицером. Мне выпало большое счастье служить в родной Киргизии, где я родился и вырос.

Моему поколению не довелось оборонять Москву, водружать Знамя Победы над рейхстагом. Но рядом с нами живут, трудятся и

служат ветераны войны. И мы, молодежь, смотрим на них с гордостью — они сражались за Родину. Их жизнь — вдохновенный пример для нас. Мы самоотверженным ратным трудом приумножаем боевые традиции героев Великой Отечественной войны.

Наше подразделение вот уже несколько раз признается отличным. Молодые солдаты не знают войны, но неразрывна их связь с ратными традициями тех, кто в схватке с фашизмом проявил духовную крепость и нравственное величие. Именно поэтому свой нелегкий ратный труд воины вершат под девизом: «Равнение на героев войны!» Мы гордимся земляками-героями И. В. Панфиловым, Д. Шопковым, Ч. Тулебердиевым, Г. Шемякиным и многими другими...

Тимур Гафаров говорит: мы с гордостью смотрим на ветеранов. А ветераны с надеждой глядят на своих сыновей.

Когда гвардии майор запаса Махмудбек Гафаров был приглашен командованием одной из частей Краснознаменного Среднеазиатского военного округа на торжество, посвященное вручению лучшему артиллерийскому подразделению высокой награды — переходящего Красного Знамени ЦК Компартии Киргизии и Совета Министров республики, он был безмерно взволнован: от имени личного состава награду принимал Тимур Гафаров, его сын, командир отличного подразделения.

Говорят, в ту минуту на глазах ветерана сверкнули слезы. Может быть, память вернула его в военное лихолетье, и он благодарил судьбу за то, что подарила она ему такую счастливую, несравнимую ни с чем пору увидеть своего сына, четко печатающего шаг во главе своего подразделения? А может, скрутила жгучим душой неизбывная боль, горесть за тех, кто мог бы иметь таких вот сыновей, да не дожил, не дошел — погиб на войне?..

Я должен, думал Махмудбек Гафаров, поделиться своей радостью с ними: с Анарбеком Кочербаяевым, который молодым сложил голову под Москвой, с Михаилом Яковлевым, которого свалил осколок под Сталинградом, с Алексеем Авксентьевым, который убит в Польше, с Денисом Фроловым, погибшем в Германии, — со всеми теми, кто пал в боях за Родину.

Тимур — мой сын, но в то же время он и ваш сын, мои боевые товарищи, потому что вы сделали все возможное и невозможное, чтобы он жил, любил, трудился, смеялся. Взгляните, мои дорогие, какие чудесные ребята идут за ним в строй! Все они, мои и ваши сыновья, — наследники нашей общей боевой славы. Поверьте, на таких сынов можно положиться, они не подведут.

Гляжу я на них и радуюсь: наши с вами жизни прожиты не зря!..

385-я Кричевская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия, которая формировалась в городе Фрунзе, принимала участие в освобождении от оккупантов первого белорусского города. М. В. Сорокин, председатель Совета ветеранов дивизии, был участником этих боев. Он рассказывает...

В составе нашей родной дивизии был 665-й саперный батальон, а при нем — взвод саперной инженерной разведки. Я горжусь, что мне довелось воевать именно в этом взводе. О разведчиках во время войны говорили, что это глаза и уши дивизии, а о разведчиках-саперах, что они ошибаются лишь один раз в жизни. Справедливые слова...

Чтобы не допустить ошибки в ходе боевых действий, разведчики должны были прекрасно разбираться не только в марках своих мин, но и досконально знать мины противника, системы его оборонительных сооружений, способы маскировки, противотанковые и противопехотные препятствия. Мы, разведчики, обязаны были постоянно проявлять находчивость, смекалку, разгадывать уловки врага.

Стоит потревожить память, и между днями прошедшими и сегодняшними стираются временные границы. Будто и не было между ними расстояния в несколько десятков лет. Я часто перелистываю свои фронтовые записи, небольшую тетрадь, с короткими заметками. Сколько же интересного стоит за лаконичными пометами! Считаю, вся история взвода, которым мне довелось командовать...

Старшина Большов, лейтенант Чещарин, старший сержант, а потом лейтенант Левандовский... В нашем взводе Левандовский был, пожалуй, самым смелым, самым находчивым. На него всегда можно было положиться. И такая случайная смерть... Утром нужно было взять Головиницы. Ночью наш взвод вышел на разведку района наступления: надо было сделать проходы во вражеском проволочном заграждении, разминировать полосу перед его укреплениями. Операция, казалось, была разработана до мельчайших подробностей, но... Левандовский шел первым. И кто знает, какая случайность подвела его, только подорвался на mine наш отважный разведчик. В ту ночь нам не повезло, но в следующую — все было выполнено четко, без потерь.

Летом 1943 года дивизии была поставлена задача: ночью, без артиллерийской подготовки прорвать передний край обороны противника на реке Проня, в районе города Чаусы, и обеспечить выход войск к Днепру. Командир дивизии М. Ф. Супрунов приказал командиру саперного взвода старшему лейтенанту Слюняеву разминировать передний край противника и сделать проходы в проволочном за-

раждении. Выполняя задание, Слюняев подорвался на немецкой противопехотной mine. Ему оторвало ступню. Солдаты хотели унести его в медсанбат, но он остался с ними до конца. С перевязанной жгутом ногой Слюняева доставили к командиру дивизии, и он доложил о выполнении задания. Старший лейтенант был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В августе 1943 года нам предстояло форсировать реку Сож и освободить город Кричев — первый белорусский город на пути советских войск. Действовали мы вместе с 212-й стрелковой дивизией и при поддержке 572-го пушечно-артиллерийского полка. Серьезную помощь нам оказали местные народные мстители — партизаны.

Немцы отчаянно сопротивлялись, но вскоре не выдержали и стали откатываться к станции, где находилось несколько эшелонов с живой силой и техникой, но заградительный огонь остановил их, а стрелки перекрыли все возможные пути отхода. Фрицам ничего другого не оставалось, как поднять руки. Замечательными разведчиками показали себя воины капитана Докучаева, которые точно определили наличные боевые средства и резервы противника, и они впоследствии были уничтожены артиллерийским огнем.

30 сентября 1943 года, вечером, по радио мы услышали сообщение о присвоении нашей дивизии почетного наименования «Кричевская». Мы были первыми из дивизий Красной Армии, получившими имя белорусского города...

Несколько лет назад побывал я под Чаусами и Головиницами. Долго стоял в той долине, где погиб Левандовский. Теперь это мирное поле. И небо над ним чистое. Ходил я по сельским кладбищам и слез не мог сдержать...

В последний день, уже перед самым отъездом, долго беседовал с секретарем Чаусского райкома партии. Я ему рассказывал о том, как дивизия освобождала Кричев, про своих однополчан. Вспомнил ясный летний день, когда в атаку пошли наши танки. До сих пор у меня перед глазами стоит Асташкин, офицер штаба дивизии, высокий красивый мужчина. На самом трудном участке он шел впереди танков, под градом пуль и осколков, указывая им направление в разминированном проходе. Секретарь райкома рассказывал мне о том, как работают его земляки, о людях Белоруссии, которые помнят о нас, кричевцах.

В честь 35-й годовщины освобождения города Кричев от немецко-фашистских оккупантов проводились торжества, на которых присутствовали и ветераны нашей дивизии. Мы возложили венок к обелиску на холме Славы, оставили горсть киргизской земли на братской могиле однополчан.

Ветераны побывали на цементно-шиферном заводе, в районе которого разрушились осо-

бенно сильные бои. На его территории располагался гитлеровский лагерь смерти. Бывшие воины дивизии встретились с тружениками завода и рассказали о том, как над поселком цементников поднял красный флаг командир разведовательной роты Василий Михеев.

Мы подробно познакомились с историей города Кричева — одного из древнейших белорусских городов. Упоминание о нем есть в документе XII века — в «Уставной грамоте» смоленского князя Ростислава Мстиславича. По полноводной реке Сож через город в те времена шла торговля с Прибалтикой.

В первой половине XIII века под Кричевом был разбит крупный отряд татаро-монгольских кочевников. Кричевские ратники в составе смоленских полков прославили свой город в 1410 году, во время битвы с немецкими рыцарями при Грюнвальде. Четыре года регулярные войска польских магнатов не могли подавить начавшееся здесь в 1740 году восстание крестьян под руководством Василия Вошилы.

В истории Кричева и восстание 1804 года против крепостного ига. Н. Забелло, С. Ковалики и другие кричевцы сыграли заметную роль в борьбе против царского самодержавия в 70—80-х годах прошлого столетия. В 1905 году Кричев и его окрестности охватили вооруженные выступления народа. В 1919 году город как транспортный узел стал ареной острой борьбы со ставленниками Временного правительства.

До Великой Октябрьской социалистической революции Кричев — это маленький провинциальный городок ремесленников, где не было ни больницы, ни библиотеки, ни клуба. Только в 1923 году прокладывается железнодорожная линия Орша — Унеча, а затем — Рославль — Могилев, и он становится важным железнодорожным узлом.

В Кричеве были сооружены заводы «Огнебронь», фосфоритный, льняной, по переработке сельскохозяйственного сырья, а в первой пятилетке пущен цементный завод, который поставлял свою продукцию строителям Московского метро, канала Москва — Волга и другим крупнейшим стройкам Союза.

Изменился и культурный облик города: появились школы, библиотеки, кинотеатр, Дом социалистической культуры, детская техническая станция, Дом обороны, педагогическое училище, республиканская школа механизации сельского хозяйства. В дома горожан пришли радио, а также электричество от крупной по тем временам ТЭЦ.

Нашествие гитлеровских полчищ не только приостановило рост города. Он был разрушен. Мы, ветераны дивизии, собственными глазами видели его руины и пепелища. В 1941 году у стен города были остановлены хваленые танковые и механизированные полчища Гудериана.

Тысячи жителей возвели здесь оборонительный рубеж и вместе с поредевшими, но храбро сражавшимися соединениями Красной Армии на целый месяц задержали фашистов, рвавшихся к сердцу нашей Родины — Москве. Артиллерист Николай Сиротин один со своей пушкой несколько часов отражал атаки механизированной колонны врага на Московском шоссе. Обессмертили себя мужественные десантники майора Тимченко, которые дважды выбивали захватчиков из Кричева, нанеся им большие потери в живой силе и технике...

Два года находился Кричев под оккупацией, но ни на один день здесь не прекращалась борьба с проклятыми фашистами. Партизанские отряды Татьяны Гиндиной, Игоря Раковского, Павла Шимонина, подпольщики Мария Толкачева, Татьяна Лукашук, московские артисты (бывшие узники кричевского лагеря смерти) Окоемов, Лузенин и многие другие мужественные патриоты постоянно уничтожали гитлеровских супостатов.

Когда советские воины освободили город, он стал возрождаться из пепла. На огромном пустыре между городом и железнодорожной станцией раскинулся целый микрорайон с пятиэтажными домами. В этом массиве есть парк Победы. Восстановлены старые части Кричева. Иным стал и цементный завод, производительность которого значительно выросла. Теперь это комбинат, который выпускает 150 миллионов условных шиферных плит и 400 тысяч тонн известковой муки для колхозных и совхозных полей.

В Кричеве построены новые промышленные предприятия — завод минеральных удобрений и резиновой обуви, завод железобетонных изделий, птицекомбинат, предприятия пищевой и обрабатывающей промышленности. Восстановлены или заново отстроены многие социально-культурные объекты. Среди них краеведческий музей, где можно познакомиться со многими реликвиями времен Великой Отечественной войны. Ряд из них рассказывает о подвигах наших однополчан под Кричевом.

Из года в год крепнут связи ветеранов дивизии с горожанами. Здесь не забывают своих освободителей: часто мы получаем письма и телеграммы с добрыми, теплыми пожеланиями, приглашения совместно отметить дорогие нам даты.

Свято хранят память о своих войнах-земляках и киргизстанцы. Невозможно забыть тот день, когда во Фрунзе на здании, где размещались штаб и политотдел нашей дивизии, была установлена мемориальная доска. Тысячи людей собрались сюда как на праздник.

Величаво звучат Государственные гимны Советского Союза и Киргизской ССР. И вот взорам собравшихся открываются слова, золотом высеченные на мраморной доске: «Здесь в сентябре-октябре 1941 года размещались штаб и политотдел 385-й Кричевской Краснознамен-

ной ордена Суворова II степени стрелковой дивизии, прошедшей славный боевой путь от Москвы до берегов Эльбы в Германии».

С волнением вспоминаются дни, когда отмечалось 25-летие родной дивизии. Во Фрунзе были доставлены боевые знамена ее 1266-го, 1268-го и 1270-го стрелковых полков. И в последующие дни — дни празднования 40-летия Коммунистической партии Киргизии и Киргизской ССР ветераны дивизии встретились под оваянными славой стягами с коллективами предприятий, колхозов, совхозов, учреждений и школ.

Это еще одно яркое свидетельство тесной связи воинов и трудящихся, их единства, еще одно выражение сплоченности фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны. Дзяды на фронт, в дивизию, приезжали делегации из Киргизии. Командование дивизии не раз докладывало правительству республики о боевых подвигах земляков. Из Киргизии шли сердечные письма, которые вдохновляли воинов на новые подвиги.

Одно из них мы получили в июле 1942 года: «Мы гордимся, что сыны солнечного Киргизстана дерутся, как львы, за честь и свободу нашей Родины. Бейте врага до полного его уничтожения. Не давайте ему ни днем, ни ночью ни отдыха, ни покоя, очищайте родную землю от фашистской нечисти. Ваши успехи и подвиги на фронте воодушевляют трудящихся Киргизстана на новые трудовые подвиги. Мы здесь, в глубоком тылу, ни на минуту не забываем, что каждая тонна зерна, свеклы, хлопка, каждая голова скота — это снаряд по фашизму. Мы ни на минуту не ослабляем, а, наоборот, усиливаем свою энергию в деле увеличения продукции для фронта и страны, чтобы приблизить окончательный разгром фашизма. Желаем вам крепких сил. Пишите о ваших боевых подвигах».

И сегодня нас помнят, нас знают. Среди многих примеров признательности назову лишь один. В 33-й фрунзенской школе действует музей, экспонаты которого рассказывают о боевом пути нашей дивизии. Здесь много фотографий, документов, есть личные вещи бойцов и командиров. Мы очень благодарны школьникам за их неутомимую деятельность по сбору материалов для музея, по пропаганде героического прошлого советского народа.

Ветераны нашей родной дивизии — всегда в строю. Даже те, кого уже нет среди нас, остаются пламенными борцами за наше общее дело своим примером мужества и стойкости, тем, что молодежь учится у них любить Родину, быть всегда готовой первой выступить на защиту ее рубежей.

Испытанные воины, которые прошли от Фрунзе до Эльбы, те, кто служит и по сей день, кто активно трудится в народном хозяйстве, и те, кто по возрасту и состоянию здоровья находятся на заслуженном отдыхе, — все ве-

тераны дивизии незаменимые общественники, ведущие большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

На состоявшейся в конце 1983 года встрече руководства Министерства обороны СССР с ветеранами Вооруженных Сил было много теплых слов сказано по нашему адресу. В частности, выражалась твердая уверенность, что каждый из нас и впредь будет вносить достойную лепту в дело защиты социалистического Отечества, активно участвовать в работе по воспитанию личного состава Вооруженных Сил, всех советских людей, особенно нашей молодежи, на замечательных традициях партии, народа, армии и флота.

Мы, ветераны 385-й стрелковой дивизии горды тем, что были первыми: в 1943 году дивизия в составе 10-й армии Западного фронта прорвала долговременную оборону противника и начала гнать врага с территории Белоруссии. Первый освобожденный нами город был белорусский город Кричев.

Вот почему мы — кричевцы!

Записал П. Сергиенко.

ПРОПИСКА ПОДВИГА — ЦЕЛИНА

Б. Сергеев

К Караганде мы подъезжали поздно вечером. Над городом стояла белая шапка морозного тумана, подсвеченная снизу уличными фонарями. Провода, ветки деревьев, припорошенные толстым слоем инея, выглядели очень необычно, будто были частью декораций сказочного спектакля, как, впрочем, и люди: в полушубках, больших меховых шапках, валенках и рукавицах, они казались пришельцами из чудесного мира детства, из сказок о снеговиках и снежных королевах. Однако это сравнение, едва возникнув, тут же испарилось. В самом деле, что может быть от сказки в городе, который только-только закончил свой трудовой день, и все торопятся попасть домой, в магазин, в кино, еще куда-то — мало ли забот у нас с вами? Да и морозец крепко допекал...

Стоял холодный январь 1961 года. Я возвращался от своих земляков, из целинного совхоза «Киргизия». Путь был неблизкий: почти триста километров в один конец по безбрежной снежной пустыне, которая в те времена, до полного освоения, частенько проявляла неуживчивый, жестокий характер.

В дорогу шофера обычно отваживались пускаться своеобразным тандемом в два, три, а то и четыре машины, потому что в одиночку ехать, особенно зимой, — смерть дразнить: случись поломка, поднимись пурга, и все, конец. Об этом мне рассказывал шофер колхоза Ви-

талий Боев, которому нельзя было не поверить: отслужив положенный срок в армии, он опять приехал на целину, снова сел за баранку. К тому времени это был опытный целинник...

Из Караганды в районный центр Каркаралинск, неподалеку от которого находится совхоз «Киргизия», я летел самолетом, обратно меня доставили в теплой кабине грузовика. А наши добровольцы-целинники, как они ехали? Михаил Асцатуров, один из первых, вспоминал, что первое знакомство с целиной состоялось уже в дороге. На одном из перегонов сердитый степной ветер, играючи, смахнул крышу одного вагона. Сорвали стоп-кран и бросились ловить. Поймали, с трудом водворили на положенное место под крики начальника поезда: «Судить буду, черти!..» Кого судить, за что — непонятно, а разбираться не было времени, потому что в вагоне, кроме взрослых, ехали детишки. Но все же до Караганды целинники добрались без особых происшествий, если, конечно, не считать эту историю с крышей.

А от Караганды?.. От нее до места назначения было 270 километров ветра, снега и стужи, — зима в 1955 году, как и в 1961-м, была очень суровой. Нашим землямкам выделили грузовики, но технику порой приходилось тащить буквально на руках: стальные моторы не выдерживали единоборства с погодой.

А люди выжили, не сдавались, упорно пробивались вперед. Все с нетерпением ожидали конца пути, хотя знали, что там, в самом конце, кроме столбика с досочкой, на котором было написано: «Центральная усадьба совхоза», — ничего не было.

— Разместились мы в бывшей конюшне бывшего пикета, — рассказывал комсомолец Виктор Чуркин. — Сыро, тесно, но все же под крышей. После этого стали устанавливать палатки, юрты, вагончики. Работать приходилось при больших морозах...

А печки?.. Чуркин и Асцатуров смеются. Все приходилось делать самим, в том числе и печки. Сложили одну, чтобы научиться, а потом, уже имея некоторый опыт, приняли за другие, и ничего, получалось, хорошие печки выходили. Впрочем, как и все, за что брались первоцелинники, делалось на совесть, со знаком качества, как бы сейчас сказали, несмотря на то, что многие из прибывших в Казахстан раньше не имели ни малейшего представления ни о печках, ни о том, как пахать, сеять, убирать урожай...

Трудно было, очень трудно, однако призыв партии «Молодежь, на целину!» был воспринят десятками тысяч юношей и девушек как самое прямое руководство к действию. Многие в своих заявлениях писали: «На школьной скамье мы мечтали о подвигах во имя Родины, ради советских людей. Теперь партия указала нам место, и наша мечта может быть испол-

ненной. Просим послать нас на целинные и залежные земли!..»

Хорошо помню, что в конце 1954 и начале 1955 годов в Первомайском райкоме комсомола города Фрунзе, где я работал в то время, было всегда очень многолюдно. Комиссия по отбору на целину заседала порой с утра и до поздней ночи: каждое заявление нужно было внимательно рассмотреть, сказать «да» или «нет». А их, этих заявлений, как известно, только в первые дни призыва поступило в комсомольские организации нашей республики более трех тысяч, а за два года — свыше десяти тысяч. И в каждом из них — горячее желание трудом на целинных землях проверить себя, доказать главный смысл всей своей жизни. Наш райком был в те поры самым крупным в республике по количеству комсомольцев, значит, и заявлений к нам поступало больше, чем в другие райкомы, и людской поток был погуще.

Порой народу скапливалось столько, что в коридорах негде было яблоку упасть. Все с тревогой и надеждой поглядывали на двери, где заседала комиссия по отбору: легче было, пожалуй, выдержать конкурс в институт, чем попасть на целину: каждого придирчиво рассматривали, обсуждали, спрашивали. Среди заявлений были и коллективные — от бригад и целых заводских участков, семейные, были от людей пожилых и школьников 7—8 классов.

Членам комиссии приводились разные, но очень убедительные доводы, вплоть до того, что целина не может быть освоена без такого-то и такого-то, потому что он на все руки мастер. То вдруг раздавался телефонный звонок, и встревоженный директор трикотажной фабрики просил «зарубить» заявления его работников, потому что уезжать на целину собирались самые лучшие производственники. Но в ответ было: «А кого же тогда посылать, если не лучших?..» Трубка вздыхала и смолкала: довод был убедительным. Видели мы и слезы. Это когда приходилось по каким-нибудь причинам отказывать.

А отказывать, увы, приходилось, потому, во-первых, что отбирались лучшие из лучших и потому, во-вторых, что существовали очень жестокие разрядки: из десяти тысяч желающих республика направила всего 2300 человек, которые осваивали целинные и залежные земли Актюбинской, Карагандинской, Кустанайской и Алма-Атинской областей. Много сил и смелости вложили посланцы нашего комсомола в организацию совхозов «Иртышский», «Могаджан» и других крупных хозяйств на целине.

Первый дом на центральной усадьбе совхоза «Киргизия» был поставлен 22 марта 1955 года. Собирали его под холодный ветер, который больно хлестал по лицам, пронизывал до самых костей. Прятались от него за щитами-детальками, чтобы торопливо выкурить папирос-

ку, погреть руки в дымном пламени костра. В затишок, к огню, и подошел старый мужчина, из местных жителей. Появился он к вечеру, со стороны Джанабека, небольшого поселка километрах в восьми от будущей центральной усадьбы совхоза. Каждому степенно пожал руку, потом спросил:

— Зачем сюда приехал? — он принял папиросу, затянулся дымом через седые жидкие усы.

— Совхоз будем строить, папаша. Землю пахать.

— Землю пахать? — с сомнением переспросил старик, прищурил глаза и, покачав головой, прищелкнул языком. — Пахать?.. Вай-вай!.. Плохой земля, камень — не земля.

— Тыфу ты! — сплюнул один из парней. — Мороз, стужа, а тут еще ты, старик, на мозги капаешь. — Он с вызовом произнес: — Все, хватит с меня! — и бросил лопату. — Я приехал сюда работать, а не лопатой землю ворошить. — Парень резко развернулся и направился в сторону пикета.

Следом за ним не пошел никто.

Утром он не вышел на работу, уехал на попутной машине в Караганду, уехал без документов, без денег.

Их не уговаривали остаться, не бежали вдолгону. Дело такое: если спасовал, если не выдержал, тут уж ничем не поможешь, потому что упорство, волю в долг не возьмешь, душу в один день не закалишь. Тут уж, как говорится, если есть сила, так она есть, а если нет их, сиди в теплом углу, не выходи на ветер, простудишься ненароком...

Впрочем, таких было мало.

Сейчас, когда спрашиваешь первоцелинников, как они успевали делать все: обрабатывать землю, строить дома и производственные помещения, школу и детский сад, даже теплицу, — они отвечают вопросом на вопрос: скажи, а кто бы это все построил, если бы не мы? Нужно было, вот и успевали, да и мороз подгонял, чего греха таить, мороз, он иногда так закручивал, что только и работой можно было спастись.

Впрочем, заметил я, первые новоселы-целинники не очень притки на язык, они не любят слишком распространяться о тех трудностях, которые пришлось пережить. Вспоминают о них всего в двух-трех словах, с доброй, сердечной усмешкой.

Помню Николая Михайловича Шищенко, шофера, который был одним из тех, кто прокладывал самые первые дороги по целинной земле. Прокладывал по луне да по спидометру, как тогда выражались. В стужу — по снегу, весной — по солонцам. А спросил я его припомнить что-нибудь интересное, так он просто ответил:

— Работали, как все...

Вот вам и весь сказ. Да еще улыбнулся извиняюще: «Извини, ничем помочь не могу...»

15 мая 1955 года тракторист Иван Чипкаленко проложил первую борозду на земле, которая веками лежала нетронутой. В первую осень собрали 300 тонн зерна, а в 1956 году — уже столько, сколько собирали все хозяйства района до освоения целины.

Когда я приехал в совхоз, то увидел в его центре настоящий поселок с ровно вычерченными улицами, по которым деловито носились грузовики, сновали тракторы, торопились по своим делам мужчины, женщины, дети. Злился ветер, змеилась поземка, но привычного трудового ритма изменить им было не под силу. В ремонтной мастерской, которая выглядела настолько солидно, что производила впечатление цеха большого предприятия, хлопотали слесари, токари, мотористы, — большая семья мастеров, которые возвращали в строй стальных коней.

Гулко отстукивал двигатель электростанции. Резкий ветер подхватывал дымок котельной. Шли занятия в школе. Звуки пианино доносились из детского сада. Рядом со школой поблескивала на солнце стеклянная крыша теплицы, которую построил Федор Рубцов. Он приветливо сказал: «Приезжайте на следующий год, угостим зимой свежими огурцами...»

В 1961 году мне говорили, что целинники собирались построить клуб, стадион, заложить парк, озеленить и сам поселок. Все это уже давно перенесено из планов и проектов на реальную почву жизни. Судите сами, только за первые месяцы существования совхоза были построены зернохранилища на 3200 тонн зерна, крытый механизированный ток, гараж, 28 четырехквартирных, 6 одноквартирных, 18 индивидуальных домов, общежитие для молодежи, столовая, больница и много других производственных и бытовых зданий.

В честь первоцелинников Александра Лебедева, Закира Касымбаева, Надежды Ильиных, Ивана Юнусова, Николая Леонова, Ивана Чипкаленко и многих других наших земляков хозяйство называли совхозом «Киргизия». Это замечательный памятник мужеству киргизстанцев на целине.

У каждого из них своя судьба, но решающую роль в жизни сыграла целинная эпопея: здесь, в Казахстане, наши земляки стали настоящими хлеборобами, получили специальности, обзавелись семьями. Одной из первых приехала строить совхоз «Киргизия» Надежда Ильина, совсем молодая женщина, которая не имела никакой специальности. Вначале она работала прицепщицей, затем освоила трактор, автомобиль и стала авторитетным человеком: не раз ее портрет украшал совхозную Доску почета, а в 1959 году она, лучший производитель, была избрана депутатом Карагандинского областного Совета народных депутатов...

Х съезд ЛКСМ Киргизии в декабре 1955 года одобрил высокие достижения рабочих совхоза,

а ЦК ВЛКСМ Киргизии направил им письмо, в котором есть такие строки: «Мы ощущаем накал энтузиазма, с которым вы едете на наступление на целину... Мы радуемся успехам, достигнутым вами в осуществлении большой народнохозяйственной задачи, и желаем вам новых побед в благородном деле увеличения производства зерна в стране...»

Славные традиции первоцелинников нашли свое яркое выражение и в том, что молодежь Киргизии оказала значительную помощь и в уборке богатого урожая, выращенного на казахстанской целине. Как известно, на освоенных землях в 1956 году был получен такой обильный урожай, что одни новоселы в оптимальные сроки не могли справиться с уборкой. Тогда ЦК ВЛКСМ обратился к комсомольцам, ко всей советской молодежи с призывом помочь целинникам.

Призыв этот буквально всколыхнул молодежь. Повсеместно в стране стали создаваться специальные отряды. В нашей республике первыми их организовали студенты университета, которые и приняли обращение к юношеству Киргизии: «Добрая слава идет об отважных советских юношах и девушках, смелых покорителях веками лежавших нетронутыми целинных земель. Благодаря их труду в необозримых ковыльных степях Казахстана и Алтая зашумело море хлебов. Полностью и без потерь убрать хлеб — боевое задание нашей Коммунистической партии, всего советского народа. Вот почему студенты Киргизского государственного университета, отвечая на призыв ЦК ВЛКСМ, решили поехать на уборку урожая на целинные земли, а также в колхозы и совхозы Ферганской области. На уборку, друзья!»

Призыв студентов подхватили во всех уголках нашей республики. Отряды добровольцев из Фрунзе, Оша, Джалал-Абада, Пржевальска и других городов отправились в Казахстан. Я помню, что бюро Первомайского райкома комсомола поручило мне принять участие в организации отрядов в сельскохозяйственном институте, что, кстати, не представляло особого труда: добровольцами были практически все студенты.

Во главе бригады комсомольцев ветеринарного факультета стал Анатолий Пашенин. Высок, с широкими ладонями, степенный, спокойный, он показался мне флегматичным человеком. Однако организатором он оказался замечательным. В социалистическом соревновании прибывших в Казахстан из нашей республики бригад будущие ветеринарные врачи заняли первое место: каждый студент выполнял задание на 250—300 процентов. Двадцать студентов заменили целых три колхозные бригады.

Руководители колхоза имени Розы Люксембург Курдайского района так отзывались о них: «Комсомольцы-патриоты показали образцы са-

моуверженного труда, единство общих стремлений и безукоризненную дисциплину. Мы благодарим общественность института за воспитание таких замечательных качеств у студентов и уверены, что из них выйдут настоящие советские люди, не боящиеся трудностей».

Анатолий Пашенин по праву стал участником Всесоюзного слета комсомольцев и молодежи, отличившихся на освоении целинных и залежных земель. Отрадно вспомнить о том, что более трехсот представителей Киргизии были награждены значками ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель», свыше 30 человек занесены в Книгу почета Джамбулского обкома комсомола, многие отмечены похвальными листами райкома комсомола и ценными подарками...

В начале 1957 года комсомол получил пятый орден — орден Ленина — за большие заслуги в социалистическом строительстве и особенно — за участие в освоении целинных и залежных земель. Эта высокая награда вдохновила на новые подвиги. Уже не тысячи — целых четыре тысячи киргизстанцев работали на казахстанской целине в 1957—1958 годах комбайнерами, копильщиками, учетчиками, и среди них — Анатолий Пашенин.

Его ударная бригада в 1957 году в совхозе «Кузнецкий» Карагандинской области всего за 60 с небольшим дней окучила и прополола 36 гектаров картофеля, 4 с половиной — капусты, построила два многоквартирных жилых дома, отремонтировала одиннадцатиквартирный, очистила и отремонтировала три коровника, подготовила четыре парника, заскирдовала 200 тонн сена, заложила много силоса. За это все члены бригады награждены медалями «За освоение целинных земель».

Студенты сельхозинститута, университета, учащиеся Токмакского, Ошского и Джалал-Абадского техникумов механизации сельского хозяйства, молодые рабочие и служащие из Киргизии в 1958 году совместно с молодежью Таджикистана, Тернопольской и Рязанской областей убрали половину выращенного в Карагандинской области зерна.

Люди совершили подвиг. И прописан он был на целине, которая осваивалась не только в Казахстане и на Алтае. Много пустовавших земель было и в Киргизии. Собрание комсомольского актива города Фрунзе таким напутствием проводило первых патриотов, отправлявшихся в начале 1954 года на освоение новых зеленых нив: «Высокогорные Сусамырская, Кочкорская, Алайские долины — это десятки тысяч гектаров целинных земель, которых ни разу не касался плуг. Освоить их — какое это почетное и благородное дело!.. Кому же, как не нам, молодым людям, комсомольцам, полным энергии и сил, по плечу такое дело... Мы призываем комсомольцев, молодежь Киргизии последовать нашему примеру и вслед за нами поехать на освоение

новых земель. На новые земли, дорогие друзья!»

...Поезд, в котором ехали добровольцы осваивать бургандинские степи, прибыл в Джалал-Абад поздно вечером. Было темно и моросил мелкий неприятный дождик. Когда состав замер и пассажиры вышли на привокзальную площадь, раздались приветственные возгласы, толпа зашумела, задвигалась в темноте, плотным кольцом окружила грузовик, к которому повели добровольцев. Шофер включил фары, и матово засветились стены небольшого вокзала.

После короткого митинга добровольцев усадили в автобусы, которые доставили их в Бургандинскую МТС, где было приготовлено все для ужина и ночлега. Утром каждому предоставили работу по специальности, выделили трактора. Большие участки непаханных земель осваивались молодежью в Алайском, Ала-Букинском, Араванском, Тюпском и других районах. Всего же в 1954—1958 годах при самом активном участии комсомольцев, юношей и девушек была дана жизнь свыше 140 тысячам гектаров целинных и залежных земель...

Об этом думалось по дороге из совхоза «Киргизия». В последний день перед отъездом я несколько часов ходил по центральной усадьбе — прощался с земляками. Холодный безжалостный ветер набрасывался на меня всякий раз, когда я оказывался на улице. Поздним вечером, уже в кровати, почувствовал легкий, но очень неприятный озноб. Простудился. А утром надо непременно выезжать.

С рассветом я был в условленном месте, у ворот гаража, где несколько человек стояли в ожидании машин, и среди них две женщины с маленькими детьми. Их место в кабинках, но мое горло... Когда два грузовика с деревянными будками над кузовами с урчанием выползли из ворот, я попросил паренька-шофера разрешить и мне уместиться в кабине. Тот с сердитым недоумением взглянул на меня, бросив:

— Права отберут.

Я изнеможенно прислонился к борту грузовика. Парнишка копался в моторе, не поднимая глаз, потом он обошел кругом автомобиль, несколько раз пнул левый передний скат носком большого кирзового сапога, рывком поднялся в кабину и завел мотор. Когда я потерял надежду уехать в кабине, он крикнул, сверкнув из-под шапки черными глазами:

— Садитесь, товарищ!..

И больше не обращал внимания ни на меня, ни на пассажирку с ребенком, хотя теснота мешала переключать скорости. Шальный ветер все тащил и тащил по снегу легкие шарфы поземки. Снежинки пробивались сквозь щели в кабину и невесомо таяли на небольших, но крепких руках нашего водителя, на розовых щеках малыша, который безмятежно

спал, доверчиво прижавшись к матери. Женщина тоже дремала.

Когда вдалеке показались невысокие строения окраин Каркаралинска, навстречу нам из-за невысокого холма выскочил разноцветный мотоцикл. Шофер пропел:

— Автоинспектор,— и досадливо поморщился.

Мотоциклист, широкоплечий, приземистый лейтенант в бараньем полушубке и валенках, поднял руку. Наша машина остановилась, и шофер спрыгнул на снег. Я услышал, как автоинспектор строго спросил:

— Ты это что, правил не знаешь, а? — Лицо милиционера в густой сетке фиолетовых жилок стало сердитым. Парнишкз-шофер, оправдываясь, что-то негромко объяснял ему и указывал на меня пальцем. Лейтенант нетерпеливо передернул плечами, подошел к машине, заглянул в кабину и пылливо взглянул на меня. Я развел руками: что, мол, поделаешь, кругом виноват. Мужчина вдруг широко улыбнулся.

— Брось кинуть, товарищ,— он подмигнул мне и уже с мотоцикла крикнул: — Смотри, попадешься в другой раз...

Он ловко обогнул грузовик и умчался. Двинулись и мы. В Караганду меня отправили в теплую кабине новой машины...

60 ЛЕТ С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

24 января 1924 года на траурном митинге в коммуне «Ветка» была принята резолюция: «Заслушав телеграммы о кончине дорогого вождя товарища Ленина, соболезнуем по поводу тяжелой утраты. Обещаем напрячь все силы в проведении в жизнь идеи коммунизма, увековечивая память дорогого покойного учителя, постановили переименовать коммуну из имени «Ветка» именем Ленина, означенную резолюцию послать в Москву второму съезду Советов СССР телеграфно, непосредственно».

Колхоз имени Ленина в Аламединском районе родился на базе этой коммуны, можно считать, что ему первому в республике было присвоено имя великого вождя. Как развиваются традиции коммунарлов? В чьих руках находятся эстафета их дел? Об этом беседуют известный киргизский писатель М. Д. Джангазиев, председатель колхоза В. А. Опалев и главный экономист хозяйства Т. А. Гладченко.

М. Джангазиев. Когда бываешь в нашей «глубинке», помимо воли сравниваешь то, что было, с тем, что есть. Обращая взор в прошлое, начинаешь весомо и зримо представлять

те перемены, которые произошли за не очень большой временной отрезок. Когда же обращаешься к старожилам-коммунарам, то поражаешься подлинной глубине преобразований, через которые прошла деревня: первый шаг — это коммуна, второй — это небольшой колхоз и третий — это крупное современное хозяйство.

Вместе с ростом, совершенствованием экономики менялся и сам сельский труженик, его взгляды, характер. Что можно сказать о социальном портрете вашего коллектива? Как изменился он, к примеру, за последний десяток лет? Какие черты характеризуют теперь облик колхозного работника?

Т. Гладченко. Скажу так: половина наших колхозников — это люди, возраст которых 35—40 лет, люди, как говорят, в самом соку, с опытом жизни, с хорошими профессиональными навыками, с устоявшимися характерами, с ярко выраженным коллективистским мировоззрением. Среди главных их положительных качеств — это верность земле, любовь к делу своих рук...

М. Джангазиев. Мне пришли на память слова известного американского писателя Рея Бредбери, который утверждает, что все рождается из любви, все приходит к нам благодаря любви и восторгу. Когда он спрашивал у учащихся колледжей, которым читал лекции: «Хотели бы вы никогда не работать?» и получал в ответ: «Конечно, но как?», то советовал: «Очень просто: влюбитесь в то, что вы будете делать!..» Многие ваши товарищи не работают, они живут работой, в которой видят основную, я бы сказал, глобальный смысл своего существования.

Т. Гладченко. Вы правы. Подавляющее большинство наших колхозников — трактористы, машинисты дождевальных установок, операторы животноводческих ферм, водители грузовых автомобилей. За последние десять лет количество колхозников, работа которых связана с машинами и механизмами, возросло почти вдвое. Значит, следует вывод, стал более современным характер труда, выросла, и в значительной степени, его техническая и энергетическая вооруженность.

Колхозной техникой управляют механизаторы с восьми- и десятиклассным образованием, а всеми производственными подразделениями — специалисты, окончившие профильные высшие учебные заведения. Хочу подчеркнуть, что в данном своем качестве экономика хозяйства, уровень механизации технологических процессов заставляют руководителей хозяйства проявлять постоянную заботу о повышении квалификации работников всех рангов.

Судите сами: в коммуне «Ветка» первое время было шесть быков, 25 лошадей и 12 бычков. Теперь у нас около 11 тысяч гектаров земли, 2400 фуражных коров, свыше 7000 тысяч голов крупного рогатого скота, около 3000

свиней и 450 лошадей, 93 трактора, 38 зернокомбайнов и много другой техники.

Устойчивые экономические показатели — задел под ежегодный рост показателей социально-бытовых. Большое строительство ведется в пяти колхозных селах. Планмерно, по генеральному плану, застраивается наша центральная усадьба — село Ленинское. На его улицах стоят благоустроенные многоквартирные дома, банно-прачечный комбинат, участковая больница, школа и другие учреждения. На заметке в ближайшем плане открытие собственного ателье мод...

М. Джангазиев. Для меня эти цифры — живая, чувствительная ткань экономики. Они одухотворены трудом и моральным удовлетворением от сделанного. Ваши труженики связывают свои жизненные интересы прежде всего с производительной работой. Но не только. Высокие трудовые достижения — это ведь и следствие хорошего, человеческого настроения в семье, Дворце молодежи, в парикмахерской, магазине. Поэтому, видимо, правление колхоза выделяет большие суммы на социально-бытовое и социально-культурное строительство, что, конечно же, сторицей окупается на полях и фермах.

В. Опалев. Безусловно. Каждый наш колхозник вырабатывает за год продукции более, чем на 6000 рублей.

Т. Гладченко. А среднемесячная заработная плата колхозника — 194 рубля, тракториста-машиниста — 260, оператора машинного доения — 264 и свинаря — 250 рублей.

В. Опалев. Как видно, внутрихозяйственный расчет начинается у нас с заботы о человеке-труженике. Все свои расходы мы возмещаем за счет собственных доходов, внимательно регулируем и меру труда, и меру потребления. Из года в год растет прибыль в колхозной кассе. Внутрихозяйственный расчет, по нашему, не только дисциплинирует тружеников, но и воспитывает каждого из них в хозяйском духе, потому что тут видны все «секреты» колхозной экономики, сразу можно понять за счет чего достигается высокая производительность труда и снижение себестоимости продукции. Хозрасчетная система, особенно с применением чеков, значительно сокращает расход материальных затрат на единицу продукции, другие потери.

Т. Гладченко. К тому же, устойчивая рентабельность хозяйства как основа расширенного воспроизводства, понятное дело, самым положительным образом сказывается на трудовом настрое колхозников. Наша экономическая служба ежемесячно — и очень скрупулезно — анализирует затраты с указанием себестоимости и условий прибыли в животноводстве. В растениеводстве контроль ведется по периодам и видам работ. В конце года из фонда материального поощрения за перевы-

полнение плана выплачивается 10—20 процентов годового заработка с учетом стажа работы.

В. Опалев. Эти экономические стимулы способствуют более рациональному использованию земли, техники, минеральных удобрений, кормов, повышению продуктивности полей и ферм, а в конечном итоге — укреплению колхоза в целом.

М. Джангазиев. В этом я уже убедился. Как же производится выплата заработка?

Т. Гладченко. Знаете, и в данном случае правлению, как мне кажется, удалось в какой-то мере оказывать положительное влияние на моральный климат коллектива. Учеными установлено: чем меньше разрыв во времени между выполненной работой и вознаграждением, тем оно действеннее. Поэтому мы давно отказались от частичной выплаты заработка в течение всего года, внедрив научно обоснованную дифференцированную систему оплаты труда, разработанную с помощью заведующего отделом Киргизского научно-производственного объединения по животноводству М. Е. Волевич.

Разработанная шкала месячных ставок в зависимости от продуктивности коров, количества первосортного молока и процента его жирности, межотельного периода коровы, среднесуточного привеса телят и сохранности молодняка в профилактории устанавливает, к примеру, заработок заведующему фермой при минимальных показателях 140, а при максимальных — 302 рубля.

В. Опалев. Как видите, разница солидная — 140 и 302, и вряд ли кому придет в голову по своему неразумению заваливать дело. Заработок животноводов тоже поставлен в прямую зависимость от качества и количества продукции.

М. Гладченко. Хочу заметить, что в последние годы в колхозе значительно повысилась действенность социалистического соревнования: в его условиях указываются не взятые с пола и потолка цифры, а очень конкретные показатели, которых должны достигнуть доярки, скотники, операторы, к примеру, молочно-товарной фермы. Существенная деталь: при этом никто из хорошо работающих колхозников не остается в обиде, потому что за достижение высоких производственных результатов ежемесячную премию получают не только передовики, занявшие первые — третьи места, но и все работники фермы.

М. Джангазиев. В разговоре о влиянии экономики на один из основных устоев нравственности — отношении человека к труду не обойтись без цифр...

Т. Гладченко. Приведу всего несколько цифр, которые, на мой взгляд, очень выразительно говорят о постоянном росте трудовой активности нашего коллектива. Надой молока от фуражной коровы: в 1976 году — 3148, а

в 1984-м — более 4000 литров. Только на 0,13 человеко-часа больше мы затрачивали на производство центнера зерна, чем в опытном хозяйстве Киргизской машинно-испытательной станции. Зато на производство молока и говядины — меньше, здесь мы впереди. Чистый доход колхоза — около трех миллионов рублей, рентабельность — 74 процента.

В. Опалев. Надо особо подчеркнуть, что достигнутое служит своеобразной стартовой площадкой для дальнейшего повышения эффективности и качества работы. Срабатывают, так сказать, обратные связи. Отмечу не без гордости, что наш колхоз выступил инициатором соревнования за достойную встречу 60-летия образования СССР, в ходе которого колхозники добились новых успехов в производстве сельскохозяйственной продукции. Высокие показатели сопутствовали и соревнованию в честь 60-летия Киргизской ССР и Коммунистической партии Киргизии. Итоги года, очень сложного по климатическим условиям, нас в общем радуют, удовлетворяют и позволяют надеяться на хорошие результаты в будущем.

М. Джангазиев. Труд и только труд есть мерило человеческой личности. Как вы относитесь к такому определению: экономика — школа нравственности?

В. Опалев. Перефразировав слова известной песни, я бы сказал: работа нам жить помогает. От уровня участия в совершенствовании экономики хозяйств, а значит, и республики и страны идет основной отсчет ценности личности. Как бы человек ни старался «украсить» себя, ни фирменные джинсы, ни импортный гарнитур, ни шикарный автомобиль, ни даже количество прочитанных книг, увиденных кинофильмов и спектаклей, — ни что не идет в сравнение с тем, как он относится к труду при этом, не ко всякому, а полезному для хозяйства, для государства, для себя и для нас с вами.

Труд ставит характер, закаляет волю, чаще всего только в трудовом коллективе мы обретаем своих лучших друзей, определяем свои привязанности к жизни в целом, а также отношение к книге, фильму, спектаклю, то есть вырабатываем определенное мировоззрение. Как же не называть труд школой нравственности, если трудясь, мы приобретаем к общим заботам всего советского народа по укреплению экономики и оборонной мощи родного государства?

Ведь слово «люблю» в обращении к нашей Родины-матери останется только звуками, если не приложится к делу, необходимому в данный момент. Для нас, сельскохозяйственников, — это Продовольственная программа, которая предусматривает высочайшую трудовую отдачу. На этом пути ни в коем случае нельзя идти на компромисс, снижать высокую нравственную требовательность.

Иные, особенно из молодых, хнычут, что их не понимают, что порой старшие строги к ним, а сами или не работают, или работают с прохладцей. Однако только в труде, в работе можно обрести право отстаивать свою точку зрения и принципы. Иного пути нет, как нет и других авторитетов. Вот хорошо бы, Муса Джангазиевич, написать о том, что именно труд нацеливает человека: делай добро!

Подумайте, разве мы работаем только на себя? Нет, вся наша продукция, за небольшим исключением, идет в магазины, а через них — на стол тысячам трудящихся республики и страны. Добрые, щедрые руки наших колхозников не только кормят людей, но и создают определенный нравственный климат в городах: это уверенность в дне завтрашнем.

Горожане строят, собирают станки, приборы, комбайны, автомобили, без которых нам, как говорится, ни туда и ни сюда. Они твердо знают: хлебом, молоком, мясом, сыром для фабрик и заводов мы, колхозники, их обеспечим. Как хорошо жить и работать, зная о том, что друзья никогда не подведут! Это — еще одна из основополагающих позиций духовно-нравственной жизни нашего общества, рожденная социалистической экономикой, политикой нашей партии.

М. Джангазиев. Труд занимает главное, ведущее место в нашей жизни, чтобы неудовлетворенность им можно было бы компенсировать чем-нибудь другим. Утрата уважения к труду непременно приводит к потере нравственного «компас»: обогащение, тяга к «красивой» жизни, убеждение, что за деньги можно купить все, даже честь и совесть, — вот путь к деградации личности. Кое-кто склонен утверждать, что нравственное начало в производственной сфере неоправданно ослаблено, и поэтому надо принимать удовлетворенность трудом в качестве задачи, не менее важной, чем сам рост производительности труда. Ведь даже, к сожалению, и сейчас, в преддверии XXI века, не каждый человек понимает, зачем он приходит в мир, что его появление на свет — не есть случайность, что, родившись, мы обязаны трудиться, чтобы прокормить не только себя, обязаны по-доброму относиться к земле.

Т. Гладченко. По-доброму к земле... Меня очень радует, что в последние годы у нас с вами появился ярко выраженный интерес к природе, человек стремится к тому, чтобы понять язык птиц и животных, сознает, что и ветке дерева, и травинке бывает больно. Нам, в интересах будущих поколений, надо как можно быстрее ликвидировать последствия тех лет, когда ставилась задача не помогать природе, а бороться с ней, не ждать от нее милостей, а брать их. Дело дошло до того, что над иным полем и жаворонка не заметишь: так напичкано оно «химией». Надо решительнее внедрять биологические методы

борьбы с вредителями растений. Нам говорили: природа не храм, а мастерская. А может быть, все же храм, куда следует входить, сняв шляпу?..

М. Джангазиев. Широкий кругозор, социально-экологическое мышление, сознание органического единства экономики и нравственности, — такими качествами должен обладать колхозник, если мы не хотим ориентироваться только на сиюминутную выгоду.

Надо более полно учитывать человеческий фактор, когда намечаешь преобразование села, так как люди — начало и конец экономической политики партии. Важно при этом не только то, что мы едим, во что одеваемся, но прежде всего то, какими людьми станем. Следовательно, желание оценивать развитие экономики не только производственными показателями, а и тем в большей степени, что характеризует рост нравственной и культурной сторон нашей жизни, — замечательное желание. К слову, в этом направлении, скорее всего, будет проходить и реформа школьного обучения. Доведись до меня, то я бы многие программные курсы стал вести через один из столпов нравственности — через литературу, язык, историю...

Т. Гладченко. И химию?

М. Джангазиев. Химию?.. Не знаю. Пока не знаю, надо подумать, но ясно одно: если мы хотим видеть нашу смену душевно здоровой, надо начинать со школы. «Нравственность» — такого предмета в школе не преподают, а надежды на то, что каждая наука несет заряд нравственности и что, мол, этим самым заряжает школьников, пока, увы, не всегда и не везде оправдываются.

В. Опалев. Причем, изучение предмета «Нравственность» не следовало бы ограничивать только добрыми пожеланиями душевного здоровья, а вести в тесном контакте с задачами и направлениями социалистической экономики: она и есть то своеобразное зеркало, в котором человек может увидеть себя «голеньким», узнать, убедиться в том, что лишь он — главный двигатель экономики и ее прогресса. От уровня его нравственного, духовного развития зависят темпы нашего продвижения вперед.

С чего начинается колхоз, производство? Как правило, с того, что задумываются: как рассадить бригадиров и другое начальство, а надо бы больше задумываться о том, чтобы колхозник душу в дело вкладывал. Встречаются еще и сейчас механизаторы, грамотные люди, но не земледельцы, не из тех, кто жадные до труда, готовые всю землю на поле по комочку в ладонях перебрать.

Нам не нужны люди, которые выше всех удовольствий ставят сладкую еду да крепкий сон. Необходимо, как было отмечено на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, тес-

нее увязывать цель социалистического производства с высшей целью жизни человека.

М. Джангазиев. У вас мне известно, на молочном комплексе работают на основе коллективного подряда. Можно уже сказать, что эта форма организации труда принесла что-то осязаемое, как в смысле экономических показателей, так и в направлении духовного развития колхозников?

Т. Гладченко. По итогам социалистического соревнования этот коллектив уже давно никому не уступает призовых мест, выполняет обязательства, продает молоко государству только первым сортом. Бригадная форма сосредоточила в себе многие проблемы управленческого характера. Теперь непосредственные исполнители решают все тактические задачи. Правление лишь определяет размер плановых заданий, берет на себя заботу по обеспечению кормами, материальному и культурному обслуживанию животноводов.

Все текущие дела, повторяю, решаются в рамках бригад. Здесь лучше, более рационально используется оборудование, более бережно относятся к кормам, решают экономические проблемы с колхозных, с общегосударственных позиций. Все это оборачивается и солидным экономическим эффектом, и служит хорошим подспорьем воспитанию.

Знаете, теперь в этих бригадах не услышишь слов «Моя хата с краю», радость и боль одного становятся общими. Тут не увидишь такой картины: одни, как говорят, вкалывают, а другие стоят в тенике и болтают.

М. Джангазиев. Как-то наблюдал такую картину. Поизносилась лестница у одного из административных зданий во Фрунзе. Пять человек отрядили, чтобы ее починить. Но хватило бы, по моему разумению, и двух: двое заливали цементным раствором деревянные формы, а остальные то сидели на перилах, то бегали в магазины. Когда я поинтересовался в конторе, как же они выполняют план, оказалось: все в ажуре, строители справляются со своими социалистическими обязательствами. Как такое возможно?

Т. Гладченко. По всей вероятности, планирование в вашей ремонтной конторе идет от достигнутого уровня, поэтому недисциплинированность, низкая производительность труда приобретают как бы законный вид.

М. Джангазиев. Возможны ли подобные сюжеты на вашем молочном комплексе?

В. Опалев. Что вы!.. Там и раньше была высокая производственная дисциплина, а теперь, после внедрения бригадного подряда, случаи ее нарушения вообще исключены. Вот вам еще одно положительное воздействие экономического рычага — новой организации труда. Добавлю, что на молочном комплексе техника с точки зрения социально-экономической эффективности приближается к представляемому нами идеалу: она в значительной

степени облегчает труд, создает все предпосылки для его комфортности и интеллектуализации. Бригадный метод улучшает организацию и управление, способствует совершенствованию стиля и методов хозяйствования, то есть самых дешевых, но эффективных рычагов нашей экономики.

Т. Гладченко. Известно, что внедрение необходимого порядка на производстве не требует материальных затрат, но ведь именно порядка-то нам зачастую и не хватает. Непорядок обязательно имеет своего «автора» — это не ливень, не ураган, которые порой непредвиденны и неуправляемы. За непорядком всегда стоит человек, отвечающий за порядок. Вот с него-то и следует очень строго спрашивать.

В. Опалев. «Навести порядок в том, что у нас имеется...» — эта мысль, высказанная на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, своим главным содержанием сводится к Закону о трудовых коллективах: его надо смелее применять в борьбе с недочетами и недостатками в нашей экономической жизни. Закон ориентирует нас в полной мере использовать возможности техники, квалификацию работников, прогрессивные формы организации труда, бережно относиться к материальным ресурсам. Причем, надо всегда держать в голове: только увеличение отдачи от производственных фондов всего на один процент позволит получить в целом по стране дополнительно около пяти миллионов рублей национального дохода.

Примечательно, что теперь (это отражено в Законе) проекты текущих и перспективных планов социального развития предприятий, учреждений и организаций могут быть представлены на утверждение только после их внимательного рассмотрения трудовыми коллективами. Это принципиальное положение способствует дальнейшему расширению участия тружеников в планово-экономической деятельности Советского государства.

Т. Гладченко. Разработанный комплексный план нашего колхоза вплоть до 1990 года предусматривает улучшение всех сторон хозяйственной и социально-культурной деятельности коллектива. В нем предусмотрено: значительное увеличение основных видов сельскохозяйственных продуктов; повышение производительности труда одного работника более, чем на 20 процентов; рост капитальных вложений в двенадцатой пятилетке против десятой на 45,4 процента.

В. Опалев. Основная часть капитальных вложений будет использована на улучшение условий труда и быта колхозников. Намечается реконструкция ферм, оросительных сетей, строительство насосных станций, дальнейшая механизация орошения, планировка полей. Построим еще один детский сад, среднюю школу в селе Каирма, торговый центр

в Ленинском, введем восемь тысяч квадратных метров жилья со всеми видами коммунальных услуг, водопровод в селах Константиновка и Мыкан. В хозяйстве есть людские, материальные ресурсы, техника для реализации наших планов. Чтобы не было накладок, предусмотрен строгий контроль со стороны партийной, профсоюзной и комсомольской организаций, правления и всех труженников колхоза.

В этом я вижу еще один пример внимательного отношения к нравственно-психологическим аспектам развития коллектива, которые предусматривают тесное взаимодействие экономики и нравственности. У нас введены в повседневную практику отчеты руководителей колхозных подразделений, главных специалистов и специалистов перед колхозниками по итогам месяца, квартала, полугодия и результатам работы за год. Ход выполнения планов обсуждается и на собраниях уполномоченных — представителей всех производственных подразделений.

М. Джангазиев. Можно считать, что каждый ваш колхозник осведомлен о практике и стратегии производства. Это одно из самых непеременимых условий воспитания подлинного хозяина. Тот, кто ясно видит цель, не может плохо трудиться, его не смутит ни вывозка на поле навоза, ни пыль и грохот во время комбайновой молотбы. Хозяина ведет за собой большая цель.

Такой колхозник не станет работать с «колеса», кое-как, спустя рукава. Коллективный труд на селе складывается из труда работников разных специальностей и неодинаковых моральных установок. Качество работы, к примеру, токаря в мастерских можно определить сразу, а какой балл можно вывести трактористу, если только в одной технологической карте выращивания зерновых почти двадцать видов работ?

В. Опалев. В данном случае отделом технического контроля выступают совесть и урожай. Землю не обманешь, она всегда скажет, какая у тебя совесть, как ты относишься к делу своему.

М. Джангазиев. Вот говорят: талантливый художник, талантливый композитор, талантливый прозаик. Но что-то не приходилось слышать, чтобы было сказано: талантливый колхозник. Или среди сельских труженников нет талантливых земледельцев, животноводов? В это трудно поверить, стоит лишь познакомиться с вашими передовиками производства, с доярками, скотниками, полеводами.

В. Опалев. У нас они называются по-своему: заслуженные колхозники. Они пользуются разными знаками внимания. Им и пенсия посильней. Это настоящие хозяева колхоза. Их инициатива, точный расчет, самоотверженный труд и щедрые души помогают уверенно хозяйствовать. Они не уйдут с поля, не уснут,

пока не наведут должного порядка. Такими людьми дело ставится, земля славится.

Ведомо, что на пустом месте и былинка не вырастет. Все имеет свои корни. Коммуна «Ветка» возникла на базе крестьянских хозяйств. Обобщены были не только трудовые руки, но и скот, деревянные плуги, лопаты, тяпки и прочий сельскохозяйственный инвентарь. На основе коммуны и появился колхоз имени Ленина.

М. Джангазиев. Но часто ли мы вспоминаем о том, что обязаны этим малограмотным крестьянам многим, если не всем? Они ухаживали за землей, не жалея ни сил, ни времени, работали не за страх — за совесть, выращивали хлеб, который в то сложное, голодное время решал главный политический вопрос: быть или не быть власти Советов? Без них, прямо скажем, не было бы Победы над фашистами, без них не управились бы в короткие сроки с послевоенной разрухой.

В. Опалев. Это вы верно сказали, очень верно! Добавлю: без них у нас бы не было драгоценного опыта ведения сельского хозяйства по-социалистически, без них мы не имели бы примера организации коллективного труда в деревне. Их опыт дорог нам — и морально, и материально.

В те годы остро стоял вопрос о создании на местах опорных пунктов коллективного земледелия, которые могли бы служить в качестве примера для крестьянина-единоличника. Не легко было организовать коллективный труд, распределять его продукты на социалистических началах. Раньше, до коммуны, все было ясно, как божий день: единоличник распоряжался продуктами со своего поля и двора по своему усмотрению, лишь бы не прогореть, не остаться без семян на весну.

А теперь?.. Чем доказать заблуждающемуся правильность избранного партией пути? Только укреплением экономики коммуны, ничем иным. Только так можно было повернуть единоличника к новому методу хозяйствования, основу которого составляла общая собственность на землю, орудия и средства производства. С первых дней существования в коммуне решалась одна из труднейших задач — это, по словам М. И. Калинина, подыскание тех коллективных форм общежития, которые бы дали возможность индивидуальные стремления человека приспособить к совместному сожителю.

Характерно, что в первом уставе коммуны так определялись права и обязанности ее членов: «Каждый член коммуны обладает равными со всеми членами коммуны правами в управлении ее делами и в распоряжении продуктами коммунального труда и вообще всеми предметами, которыми располагает коммуна. Все члены коммуны обязаны принимать самое деятельное участие в направлении всей работы, посещать общие собрания ее членов

и следить за тем, чтобы деятельность Совета коммуны не нарушала устава и интересы коммуны.

Таким образом, во главу угла всей деятельности коммуны ставились коллегиальность, коллективность как в процессе труда, так и в общественных делах, в быту. Думаю, небезинтересно вспомнить о том, что в коммуне существовали общественная столовая, прачечная, детсад, ясли, все одевались и обувались за счет коммуны, сообща строились дома, кухонные работы выполнялись женщинами поочередно.

Первый трактор «Фордзон» появился у коммуны в 1928 году. В дальнейшем, когда стали приобретать технику, возникла необходимость в специалистах, и решением общего собрания во Фрунзе направлялись молодые парни, которые учились на стипендию хозяйства.

Уже в те годы коммунары оказывали помощь беднякам-единоличникам за время пахоты. Фактически коммуна стала агитатором за новый уклад жизни, вокруг нее росли коллективные хозяйства. На ее базе организуется опытная станция по выращиванию высокоурожайных сортов виноградов, овощных культур и ягодников. Позже в артели создается племенное хозяйство. Выведенных здесь овец и коров с удовольствием приобретали соседние хозяйства и единоличники.

Вот основные вехи развития колхоза. В 1939 году он становится участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В годы Великой Отечественной войны колхозники, как и все советские люди в тылу, работали под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!» Несмотря на трудности (нехватало, к примеру, техники, и приходилось использовать в качестве тягловой силы коров членов артели) план по сдаче мяса и шерсти был перевыполнен, в государственные закрома было засыпано более 6 тысяч центнеров зерна. В 1949 году колхоз первым в районе выполнил план хлебопоставок, добился заметных успехов в развитии животноводства.

Позже, после известного постановления ЦК КПСС приобретает техника: пять тракторов, девять комбайнов, свеклоподъемник, свеклопогрузчик, другие машины и прицепной инвентарь. Колхоз имел в своем распоряжении 10 грузовых автомобилей. Заботливо воспитывались кадры механизаторов, которые не только управляли техникой, но и производили все виды ремонта в своих мастерских.

Внедрение хозрасчета во всех полеводческих бригадах, а затем и других отраслях хозяйства позволило сократить затраты труда, снизить себестоимость продукции, ликвидировать уравниловку в оплате, повысить материальную заинтересованность всех категорий работников. Ориентация на более прогрессивные в наших условиях посевы озимых, свеклоуборочную технику, широкую механизацию за-

готовки кормов, трудоемких процессов в животноводстве сыграли решающую роль в дальнейшем развитии колхоза. Как видно, стремление к совершенствованию производства, которое было одним из главных направлений деятельности коммунаров, находится на вооружении других поколений колхозников.

Первые руководители коммуны хорошо понимали тесную связь между совершенствованием технологии производства и воспитанием человека. Коллективное хозяйствование, продуманная организация быта, о чем уже упоминалось выше, не только сами по себе воспитывали, но и давали возможность сокращать затраты времени на производство сельскохозяйственной продукции, на то, чтобы освободить коммунаров от повседневных забот, связанных с приготовлением пищи, стиркой, шитьем одежды.

В конце 30-х — начале 40-х годов, к примеру, в колхозном клубе регулярно демонстрировались кинофильмы, читались лекции, агитаторы проводили беседы, выпускалась стенная газета. В колхозе была ликвидирована неграмотность, обучением были охвачены все дети. 11 специалистов имели высшее и среднее образование. 24 колхозных воспитанников занимались в институтах, техникумах и военных училищах. Кроме клуба, в колхозе были хата-лаборатория, библиотека, избачитальня, военный и красный уголки, медицинский пункт. Благоустривалась центральная усадьба, на которой появлялись аккумуляторные с большими и светлыми окнами, дома.

М. Джангазиев. Эти традиции живут и сейчас, живут с размахом, который ярко выражает дух нашей современности.

В. Опалев. Вы правы. Хочется сказать и вот о чем. Мне кажется, что наш долгосрочный план социального развития колхоза в какой-то мере явился продолжением устава и инструкции о внутреннем распорядке коммуны «Ветка», определивших ее цели и задачи, сформулировавших принципы ведения коллективного хозяйства. Это был подступ к научному планированию, попытка в рамках коммуны организовать производительную работу с меньшими трудовыми и материальными затратами.

Коммунары действовали, опираясь лишь на собственную интуицию и опыт. Наш же план социального развития, рассчитанный на многие годы вперед, был не только плодом коллективной мысли колхозников и специалистов, активное участие в его разработке принимали преподаватели экономического факультета Киргизского университета. Налицо — союз труда и науки, который обеспечивает и возможность предвидения, и реальность воплощения в жизнь намеченных мероприятий.

24 января 1984 года исполнилось ровно 60 лет с того дня, как коммунары назвали свое хозяйство именем Владимира Ильича Ленина,

именем любимого вождя. Мы гордимся тем, что первыми из всех колхозов Киргизии приняли на себя это гордое имя, приняли не для того, чтобы выделиться среди других, а затем, чтобы трудиться еще лучше, быть достойными продолжателями его великого дела. Старожилы говорят, что этот акт буквально окрылил их, и вскоре коммуна становится «показательным рассадником» среди населения уезда в применении новых форм труда, достижений агрозоотехнической науки в практике сельского хозяйства.

По ее образу и подобию создавались хозяйства в ближайших селах: пример коллективного труда оказался очень заразительным. Социалистические принципы экономики вскоре овладели настроениями широких крестьянских масс. Трудовой подвиг коммунарз увлек за собой многих людей, он явился прекрасным жизненным примером оптимизма, стойкости, веры в силу ленинских идей.

М. Джангазиев. Позади у нашего села много побед, немало объективных и субъективных трудностей, но пример вашего хозяйства, как и многих других,— это наглядный пример того, что экономический расчет, самоотверженный коллективный труд дивные дела творят.

Записал беседу В. Михайлов.

НАРЫНСКИЙ КАСКАД ДЕЙСТВУЕТ

В. Марков

ВВЕДЕНИЕ. Когда в 1965 году во второй раз перекрыли Нарын, уже в районе строительства Токтогульской ГЭС, люди спускались в древнее русло и на дне укрощенной реки — прямо руками ловили небольших рыбешек со странно сплюснутыми головами.

Спускались не без известной гордости. И не только потому, что в старое ложе человеческая нога не ступала с самого «сотворения» мира, но и потому главным образом, что неказанно приятно было до конца ощутить непосредственную причастность к покорению одной из основных водных артерий Средней Азии.

Известно, что полноводный Нарын берет начало с высочайшего горного узла Хан-Тенгри. На своем пути, который исчисляется сотнями километров, он вбирает в себя множество потоков и рек, словно клинком, пробивает величественные хребты Тянь-Шаня, смело вырывается на просторы привольной Ферганской долины, как брат, сливается с Карадарьей и дает начало великой среднеазиатской реке, которую древние греки величали Яксарт, китайцы — Янь-Шуй, арабы — Сейхут, а мы называем Сырдарьей.

Во многих местах Нарын несет свои волны с огромной скоростью. Бывает, что расход воды достигает трех тысяч кубометров в секунду, или ровно столько, сколько «расходуется» летом Волга-матушка у Волгограда, где ее ширина достигает полутора километров. Тогда как с берега на берег Нарына, допустим в створе Токтогульской ГЭС человек без труда мог перебросить камень.

Все дело в том, что сила Нарына — в перепаде уровней его русла. Несмотря на то, что Волга доносит к Каспию в десять раз больше воды, чем Нарын в самые многоводные годы к Карадарье, та и другая река электроэнергетики могут дать примерно одинаковое количество: Нарын, со скоростью серпы срываясь с гор, способен вращать турбины с такой же силой, как многоводная, но неторопливая Волга.

Во многом именно Нарыну обязана Киргизия тем, что по потенциальным гидроэнергетическим ресурсам ей отводится третье место в СССР.

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции Нарын привлек внимание ученых неукротимостью своего могучего характера. Рождались проекты, которые предусматривали возведение на нем целого каскада крупных гидроэлектростанций.

Ниже пойдет речь о некоторых вехах освоения энергетических возможностей уже покоренного людьми, но не ставшего от этого менее могучим Нарына.

ГОД 1961-й. В самом конце его гидростроители поставили под промышленную нагрузку первый агрегат Уч-Курганской ГЭС — первенца Нарынского каскада, станции мощностью 180 тысяч киловатт-часов в год. А до этого были первое комсомольское собрание, на котором принималось решение объявить стройку комсомольской, первая палатка, первый дом, первый магазин, первые детские ясли и сад, первый бетон и первые линии железных дорог и электропередач.

В 1959 году Нарын повернули в обводной канал. Стройка росла, ширилась, мужала, и вот в канун 1962 года был пущен первый агрегат — в те годы уникальная по мощности для Средней Азии машина.

...Последняя проверка агрегата перед пуском. Специалисты не торопятся, еще и еще раз очень внимательно и придирчиво осматривают все узлы и механизмы, прозванивают кабели, строго приглядываются к чутким стрелкам приборов. Все, что был свободен от вахты, столпились у генератора.

Начальник строительства ГЭС Арамбицкий распорядился:

— Поднимите брезент, пусть все видят плоды своего труда...

Возле сверкающей новизной машины сомкнулось людское кольцо. В 5 часов 25 минут огромный, многометровый вал ротора чуть дрогнул, медленно, остожно повернулся и

пустился набирать обороты. Стоявший у прибора специалист взволнованным голосом считывал:

— Сорок... пятьдесят... сто десять... Сто пятнадцать оборотов! Есть проектная мощность!..

Голос его утонул в море криков, хлопков и мощного «ура!»

Арамбицкий поднял руку, вызывая к тишине.

— Хватит лодырничать, Нарын! — дрогнувшим от избытка радости голосом воскликнул Арамбицкий. — Пять лет не покладая рук работали пять тысяч человек, чтобы стать свидетелями этой неповторимой, торжественной минуты. Поздравляю, товарищи! С пуском этого агрегата энергетическая мощность республики увеличится на двадцать пять процентов...

ГОД 1965-й. Нарын щедр, но очень капризен. В иные годы он, как сказочный богатырь, без меры оделяет землю водой, но бывает река и скупой: что поделаешь, таянием ледников человек еще не умеет управлять. Но регулировать сток воды мы можем.

Именно это стало одной из основных причин строительства на Нарыне еще одной гидроэлектростанции с плотиной высотой более 200 метров, которая образует водохранилище размером чуть ли не с озеро Иссык-Куль. В засушливый 1974 год оно с честью выдержало испытание: накопленная в нем влага не только спасла хлопковые поля Узбекистана и Таджикистана, но и обеспечила сбор урожая до сих пор урожая белого золота.

Помимо этого важного обстоятельства, Токтогульская ГЭС — самая крупная среднеазиатская гидроэлектростанция. Ее мощность достигает одного миллиона 200 тысяч киловатт. Она дает самую дешевую в стране электроэнергию. Уникальность ее и в том, что намечается вырубить внутри левобережной скалы еще одно здание ГЭС, где будут смонтированы два агрегата, и тогда мощность Токтогулки возрастет до одного миллиона 800 тысяч киловатт. Единственные в своем роде и линии электропередач от этой станции: проложенные в условиях высокогорья, они работают при резких сменах температуры, сильном обледенении, больших снегопадах.

Однако Токтогульская ГЭС похожа на сооружение подобного рода в стране тем, что ее возводили все братские республики.

Когда в 1965 году отмечалось 40-летие комсомола республики, то в докладе на торжественном пленуме ЦК ЛКСМ Киргизии с особой гордостью назывались имена строителей Токтогулки: «Как-то в Каракульской вечерней школе писали сочинение на тему «Кто твой любимый герой?», то среди известных, любимых молодежью героев были и имена строителей Всесоюзной ударной стройки — Токтогульской ГЭС на Нарыне: начальника участка

Дмитрия Бушмана и инженера Леонида Ивченкова».

Таким образом, Бушман и Ивченков оказались в одном ряду с Павкой Корчагиным, Алексеем Маресьевым, Зоей Космодемьянской. Учащиеся школы — скалолазы и бульдозеристы — увидели в этих людях наиболее характерные черты героя нашего времени. сказанное выше можно с полным основанием отнести и к Л. Каренкину, К. Умралину, В. Аксенову, ко многим другим строителям Токтогульской ГЭС.

...Штурмовали Нарын на рассвете. В голове колонны самосвалов стоял мощный, десятитонный «КРАЗ», на радиаторе которого алело знамя ЦК ЛКСМ Киргизии, завоеванное строителями гидроэлектростанции в упорном труде. В кабине этого самосвала находились комсомолы Борис Амиранов и Станислав Радюков, которые в ходе социалистического соревнования заслужили право первыми начать перекрытие реки.

Раздалась команда, и взревели моторы, колонна двинулась к берегу. Люди спуют вокруг машин, забыв об опасности. Их можно понять: целых три года они ждали этого дня. Вот самосвал развернулся, вздрогнул всем своим стальным телом, и два бетонных тэтраэдра, связанные стальным троссом, рухнули в бушующий поток.

Нарын легко подхватил их и унес далеко от прорана — места перекрытия. Но вслед летят новые глыбы бетона...

Когда один из самосвалов бросил в потоки воды сразу четыре огромных тэтраэдра общим весом в шестьдесят тонн, Нарын замер на мгновение, уровень воды заметно поднялся, и река хлынула в обводной канал. Вскоре в рассветное небо взлетели ракеты: Нарын побежден!

Гордая река подчинилась человеку и показала свои воды по рукотворному руслу.

Перекрытием реки работа, естественно, не заканчивалась, наоборот, темп ее с каждым днем нарастал. Два месяца монтировался первый ротор, а второй был собран в рекордный срок — всего за 29 дней. За полторы смены вместо пяти было закончено спаривание турбинного и генераторного валов.

Рекорды на Токтогулке были яркой приметой каждого трудового дня.

Примечательно и другое: всего три года понадобилось для того, чтобы полностью окупилась затраты на возведение этого мощного гидроузла. Агрегаты Токтогульской ГЭС уже вырабатывали миллиарды киловатт-часов дешевой электроэнергии, сберегли для народного хозяйства миллионы тонн мазута, который завозился в основном из Сибири и с Урала. Через Токтогульский гидроузел планомерно пропущено десятки миллиардов кубометров воды на нужды ирригации. Создание водохранилища практически полностью решило проб-

лему водоснабжения орошаемых земель Ферганской долины и в целом бассейна реки Сырдарья.

А ведь всего несколько десятилетий назад в нашем горном крае не имели даже представления о могучей силе электричества: глиняный чирак да дымный костер были хранилищами огня.

Теперь в республике создана современная энергетика, осуществлена сплошная электрификация. Базой для развития этой важнейшей отрасли народного хозяйства стало использование поистине фантастических гидроэнергетических ресурсов Киргизии, которые оцениваются учеными в 135 миллиарда киловатт-часов.

Теперь в республике электроэнергия вырабатывается в два с половиной раза больше, чем во всей дореволюционной России. Но темпы развития энергетики растут с каждым годом, особенно на берегах Нарына: уже есть Уч-Курганская, Ат-Башинская, Токтогульская, Курпсайская гидроэлектростанции, строится Таш-Кумырская...

ГОД 1981-й. Второй агрегат высокогорной Курпсайской ГЭС поставлен под промышленную нагрузку намного раньше установленных сроков. В этом знаменательном событии еще раз ярко проявилась примечательная черта советского образа жизни — лучшие трудовые традиции строителей Токтогулки переданы коллективу строителей Курпсайской станции. Пуск первой же электрической машины произошёл в канун XXVI съезда КПСС, почти на год раньше проектных отметок. С этой победой киргизских строителей поздравил ЦК КПСС, выразив уверенность в том, что они и впредь будут работать вдохновенно, досрочно сдадут в эксплуатацию остальные агрегаты станции.

В конце 1981 года гидростроители доложили: почетное поручение выполняется успешно — впервые в истории отечественного гидростроения два агрегата мощностью 400 тысяч киловатт пущены за такой короткий срок.

Ротор последнего генератора был собран за 23 дня вместо 60 по норме. Спиральную камеру одного из агрегатов весом в 243 тонны смонтировали на специальной площадке и в готовом виде перенесли на свое место в кратер агрегата, значительно сократив установленные нормами время. Подобных примеров в нашей стране еще не было.

Трудовые победы строителей Курпсайской ГЭС обеспечивались не только их собственными усилиями, но и братской помощью союзных республик. Такие производственные объединения, как «Ижорский завод», «Харьковский турбинный завод», «Запорожтрансформатор», «Ленинградский металлический завод», другие предприятия страны изыскивали возможности поставлять оборудование

для Курпсайской ГЭС намного раньше установленных в свое время сроков.

ЗАВТРА НАРЫНСКОГО КАСКАДА. После того, как тоннели проникли в горные недра, и Нарын, который теперь называют рекой дружбы, дал энергию мощным гидроэнергостанциям, Киргизия стала делиться со своими соседями не только водой, не только каменным углем, изделиями металлообработки, машиностроения, цветной, легкой и пищевой промышленности, продуктами сельского хозяйства, но и электричеством.

Наша республика свято выполняет ленинские заветы по укреплению и расширению международных связей: линии высоковольтных передач от уже возведенных на Нарыне гидроэлектростанций тянутся в соседние республики, а по трассе высоковольтной линии Каракуль — Андижан — и в Среднеазиатское энергетическое кольцо.

За одиннадцатую пятилетку выработка электрической энергии в республике увеличится на 35 процентов — до 12,3 миллиардов киловатт-часов в 1985 году, в том числе на гидростанциях — до 8,1 миллиарда киловатт-часов. Проектно-изыскательские работы показали возможность строительства на реке Нарын еще 16 крупных ГЭС, четыре из которых будут возведены в ближайшие десять лет.

СВИДАНИЕ С КОРОЛЕВОЙ

Г. Белоконов

Война...

Нет. Не избежать этого слова. Не уйти от него. В судьбе страны. В судьбе народа. В судьбе каждой семьи оно. Не на всякой карте, даже крупномасштабной, можно отыскать крошечное селение Кегеты. В Чуйской долине таких айлов множество, но все они причастны к судьбе Отечества. Когда началась война мужчины Кегеты не остались дома. Ушли на фронт. Чабанские заботы, дела крестьянские легли на плечи женщин, подростков, стариков.

Десятый год шел Тобокелу, но в колхозе он уже был не последним. Не нахлебником числился в семье. Он на равных с чабанами делил их трудную долю. Отец сильно болел. Мать была занята воспитанием крошечных еще Сайракуль и Самаркуль. Потому Тобокел с дядей Корогоном пас колхозное стадо в урочище Тойчубек. Но, кроме того, — учился. Не ныл, не жаловался, поблажки не кланчил, наоборот: держался молодцом, гордился умением лезть по скалам, неутомимостью ую...

Седой и мудрый отец — Мамыр, гнувший тридцать лет спину на бая Алымбека, знал цену свободного труда, счастья человеческо-

го. Смотрел в будущее. Отгремела война. Тобокел к тому времени закончил семилетку, отец сказал:

— Собирайся, сынок. Поедем во Фрунзе. Спасибо за помощь. Теперь мы с матерью управимся... Тебе надо учиться дальше...

Тобокел не посмел перечить отцу, хотя была своя мечта у паренька: хотел поступить в военное училище.

— Надо учиться,— поддержал Мамыра дядя Корогон,— советская власть открыла перед тобой все дороги, выбирай любую и каждая приведет тебя к счастью—только надо учиться...

Через несколько дней Тобокел Мамыров был зачислен в интернат 5-й школы г. Фрунзе. Конечно же, столичная школа произвела огромное впечатление: просторные классы, сотни сверстников—городские ребята. Хотя и был Тобокел ростом не обижен, все же оробел. Кто знает: возможно, что так бы в стороне от судьбы и прошел Тобокел, если бы не случай. Пошел однажды Тобокел в цирк. Впервые в своей жизни. И увидел то, что поразило, запало в душу: человек на арене совершал головокружительные прыжки, сальто, кульбиты...

Нет, не поверил тогда Мамыров, что это обыкновенный человек, что такое возможно. С большим трудом узнал фамилию артиста цирка. Им оказался Владимир Александрович Финогенов—мастер спорта по спортивной гимнастике.

Несколько дней подряд, только выпадала свободная минута, Тобокел пытался употребить ее на тренировку какого-либо спортивного элемента, увиденного в цирке. Над Тобокелом смеялись, видя его синяки, ушибы. И никто тогда из мальчишек не подозревал, что перед ними—будущий чемпион, который станет первым мастером спорта СССР в республике.

Дело, между тем, не шло на лад. Не получалось. Тогда Тобокел решился, и пошел к Владимиру Александровичу Финогенову. Позвело. Добрым и внимательным оказался мастер, не отказал: стал заниматься с пареньком, учить гимнастике. Досталось тогда Тобокелу: после занятий болели мышцы, пропали вечерние часы отдыха. Но в трудные минуты вспоминались слова дяди Корогона: «Труд приносит счастье».

Талантливый паренька приметил преподаватель физкультуры Анатолий Денисович Садовский. Он убеждал Тобокела: «Легкая атлетика—вот твоя королева, она выведет тебя к победе». Мамыров стал читать спортивные журналы, газеты, следить за успехами выдающихся спортсменов, изучал их технику. Послушался Анатолия Денисовича, записался в легкоатлетическую секцию. Однако, Тобокел не доволен собою. Чутье подсказывает: «надо себя искать». Он начинает заниматься еще

и волейболом, баскетболом. Через год фрунзенские болельщики увидели Мамырова на волейбольной площадке в составе сборной республики. Но Тобокел, по-прежнему, в поиске себя. Вот он уже занимается боксом, стрельбой... И во всем—успех.

Чувство окрыленности сельского паренька оборвалось вдруг. Сорвался со снаряда. Перелом руки. В таких случаях поступают по-разному: одни—отчаиваются, другие—находят силы начать все сначала... Тобокел не стал ждать пока заживет рука, стал заниматься стрельбой. Многие тогда удивлялись легкости, с которой все получалось у Мамырова. Но эта легкость была—взгляд со стороны. Он умел трудиться. У него был талант спортсмена. А главное, глубокое убеждение: не сегодня, так завтра он будет первым.

Сегодня, тридцать пять лет спустя, Тобокел Мамыров, разглядывая свои снимки в газетах тех лет, с грустью рассказывает:

— Смотрю на спортсменов нынешнего поколения, завидую: у них форма, спортивные площадки, оборудование, условия всяческие... Я, поверите, ночевал в спортзале, не было спортивной формы, кроссовок, не всегда был сыт, тренировался в свободное от учебы или работы время. К тому же, тренировался я самостоятельно, можно сказать самодеятельность... И сегодня душа болит: был способен на большее. Но спасибо и на том, что дали мне мои первые, случайные наставники. Вот, Владимир Александрович Финогенов, когда я закончил десятилетку, настоятельно посоветовал поступить в университет на отделение физвоспитания. В учебном заведении я встретил доброжелательного человека—Владимира Константиновича Синусова. Он сокрушался, что я включен в сборную волейбольную команду и хотел специализироваться по игровым видам. «Запомни,—говорил Владимир Константинович,—твой удел—легкая атлетика: барьеры, прыжки...»

Синусов был прав. В 1953 году Мамыров «становит» республиканское достижение в беге на 110 метров с барьерами. На том же соревновании он завоевывает звание чемпиона Киргизии в тройном прыжке. Но... не покидает ни волейбольную, ни баскетбольную площадки, выступая за сборные команды.

Имея рост 184 см, хорошую прыгучесть, Тобокел был незаменимым нападающим на площадке. 1950 год. Соревнования в Сочи. Кто-то из киргизской команды прыгунов заболел, попросил Тобокела выручить земляков. Не отказал. Прыгнул... на 1 метр 60 сантиметров. Команде очков не принес. Сперва огорчился Тобокел, но потом пришла спортивная злость. Сказал себе: «Могуч! Надо!»

Все настойчивее, все требовательнее становится Мамыров к тренировкам. Стадион становится для него вторым, после преподавания в вузе, рабочим местом. Он твердо ве-

рит: долг и труден путь к успеху, но победа неизбежна. Прыгун должен быть хорошим бегуном. Тренировки в беге закончились новым рекордом Киргизии в барьерном беге на 110 метров — 15,6 сек., потом — 15,4. К 1953 году он прыгает в длину на 6 м 50 см, в тройном прыжке — на 13 м 72 см, берет высоту 1 м 85 см. Все три результата — рекорды Киргизии.

— Запомнил я ту, сочинскую неудачу, — рассказывает Мамыров, — но там же я увидел много нового, профессионального. Я прыгал способом «перешагивания». В Сочи встретил больших спортсменов, прыгающих перекидным способом. Вернулся домой, засел за литературу, изучил кинограммы прыжков Кашкарова, Степанова.

Сегодня, слушая Тобокела Мамырова, просматривая газеты «Советский спорт» тех лет, невольно поражаешься феномену киргизского спортсмена. Это же — чудо: через десять дней после Сочи, где он одолел 160 см, Тобокел покоряет высоту 190 см!

Перед Спартакиадой народов СССР, в день открытия Лужников в календарь рекордов нового стадиона записывается первый: «Мамыров. Киргизия. 1 м 90 см».

И снова испытание. Неудачный прыжок — и полуразрыв связки на левой ноге. Год Мамыров не прыгает. Играет в волейбол, баскетбол. Тобокел принимает новое решение: переходит на правую толчковую. Все с самого начала...

Март 1957 года. Тобокелу уже 25 лет. Во Фрунзе проходила областная спартакиада школьников. Мамыров принимает участие вне конкурса. О талантливом спортсмене шла добрая молва: его девиз — только вперед, вышел! И на этот раз болельщики не ошиблись в ожиданиях.

Вот он настал удивительный миг. Диктор объявил: «Планка устанавливается на высоту 195 см!» Со всех сторон — от волейбольных и баскетбольных площадок, от гимнастического городка и со стрелкового тира — зрители устремились к южному сектору стадиона. Многие не успели добежать. Но по единому, взволнованному и радостному крику болельщиков, поняли: высота взята! А Тобокел, словно ничего существовавшего не произошло, посмотрел в сторону судей, поднял руку и все притихли: попросил установить планку на 2 метра!

Первая попытка. Неудача. Мамыров не отступает. Он идет опустив голову, словно в глубоком раздумье. О чем были думы его? Вот он остановился. Стадион притих. Тобокел окинул взглядом трибуны, чуть приподнялся на ногах, сделал несколько широких шагов и устремился к планке. Взмыл над нею... Стадион ахнул и разразился аплодисментами.

В том прыжке Тобокел повредил ногу, но у спортсмена хватило мужества преодолеть

боль, а затем, через несколько месяцев, снова вернуться в сектор.

2 июня 1958 года на международном матче Казахстан — Киргизия — Монгольская Народная Республика в Алма-Ате Тобокел Мамыров преодолел 2 метра 02 см!

Мы сидим в уютной квартире в доме на улице имени Боконбаева. Тобокел Мамырович держится бодро, охотно рассказывает о спортивной судьбе, но в глазах его нет-нет да и мелькнет тень. Отчего она?

— Кажется все это было вчера. Мне уже за пятьдесят. Давно тренирую других, но, знаете, порою во сне я там, на стадионе, на свидании с королевой...

— Тобокел Мамырович, вспомните самые острые эпизоды из спортивной жизни.

— Они не забываются. Но самые... — это 27 апреля 1957 года. Когда преодолел двухметровку. Жена услышала по радио и прибежала на стадион поздравить. Раньше этого за нею не водилось. Спорт — великая сила! И еще — 1961 год. Я выиграл Первенство республики. Иду домой, а навстречу — друзья. Поздравляют: сын родился! Вместе имя дали ему — Джениш (Победа).

В комнату вошел высокий, худенький паренек. Черные брови над большими добрыми глазами. Похож на отца. Мамыров тепло улыбнулся сыну, ворчливо заметил:

— В кого он такой? Посмотрите, худой какой, а занимается... десятиборьем. Кандидат в мастера.

Когда Джениш вышел из комнаты, Тобокел Мамырович сказал: Детей непременно надо привлекать к спорту. Спорт учит мужеству, доброте, человечности... Почти каждый день встречаю кого-либо из команд молодежи нашей. Это — уважаемые, авторитетные люди: М. Осмонов, О. Тургунбаев, С. Чокморов, А. Балтабаев, Э. Акунов, Р. Байтемиров... Как видите, министры, писатели, учителя, артисты... спорт никому не повредил. Хотя было трудное, послевоенное время. Многие, как и я, о спорте представления не имели. Прав был старый дядя Корогон: в наше время все дороги ведут к счастью, только надо трудиться.

Я согласился с Мамыровым, ибо у него, старшего преподавателя кафедры педагогики института русского языка и литературы, коммуниста веский аргумент — его спортивная биография, отмеченная Родиной медалью «За трудовую доблесть».

60-летию республики и Компартии
Киргизии посвящается.

1

Седобород Тянь-Шань и белогрив,
суров зимой,
да и весной неласков.

Летишь над ним,
а под крылом, как в сказке,
меняют очертания и краски
то вспененная речка,
то обрыв.
Безмолвна снеговая крутизна,
закованная в ледянящий холод.
А вдалеке,

за перевалом — город,
а в нем цветами плещется весна.
Еще немного —

и в который раз
он проплывет антеннами под нами,
и теплыми сигнальными огнями
мелькнет внизу аэропорт «Манас».
А от него до дома — полчаса
сквозь череду формальностей недолгих...
И вот уже наматывает «Волга»
асфальт на все четыре колеса.
Ну что ж,

пускай шоссе струится вдаль,
не станем время торопить, читатель.
Ведь нам с тобою вечности не хватит,
чтоб воскресить все беды и печаль,
всю боль и скорбь,
все горе и тоску
невзгодами истерзанного века,
где было так непросто человеку
вписать в скрижали
светлую строку.

2

Двадцатый век...
Он душной мглою плыл
над дымными кочевьями Тянь-Шаня,
где даже волк

в бурной глухомани
пристанца себе не находил,
где на сыртах
от мора падал скот,
где выл в бедняцких юртах стылый ветер,
где кровью истекал
под байской плетью
забитый, вымирающий народ.
Строптивых уводили в кандалах,
гноили непокорных в казематах.
Была в ладу и мире с шариатом
незыблемость двуглавого орла.

Тонул в рыданиях вдов Нарына гул,
клубилась мгла...

Но, светлой доли вестник,
уже слагал неистовые песни
мятежный, неподкупный Токтогул.
И доносила смутная молва,
стократно повторенные в народе
пугающе-тревожные слова
о равенстве,

о братстве
и свободе.

Они текли, не ведая преград,
над ширью Волги,
над степною синью,
дыша огнем бунтующей России,
грохочущие громом баррикад,
и озаряли верою сердца,
и был их смысл,
как откровенье, близок
крестьянину из Курска и Ельца
и вечному кочевнику-киргизу.
И пробуждался край, что испокон
в унылой дреме

полз от века к веку.
Смыкал ряды рабочий люд Пишпека,
вздывая ввысь
тугой кумач знамен.
Грядущий день историю листал,
входил надеждой в думы поколенья.
И по глухим кочевьям
имя — Ленин
стремительно несло из уст в уста.

3

Суров и точен времени отсчет,
бегут года и версты,

словно воды...
Но тяжкой болью в памяти народа
остался год Великого исхода,
шестнадцатый, кровотокающий год.
Был страшен он,
как смертная черта,
казацкими нагайками изранен.
В тот лютый год
на стойбищах Тянь-Шаня
против царя восстала беднота.
Восстала, верой в мужество крепка,
впервые ощутив раскрепощенность,
но злая сталь жандармского штыка
дорогу преградила обреченным.
И громыхали выстрелы в упор,
И ввысь взлетали конские копыта,
которыми насквозь была изрыта
земля на склонах поседевших гор.
Не знала меры самодержца месть,
и не было слезам и скорби меры.
О как жестоко
в справедливость веру
карала злоба
и душила спесь.
И покидали горцы отчий край,

окутанный в багровые туманы,
шли на восток

тропую караванной
в глухую ночь,
в неведомую даль.
Шли, падая от голода в пути,
на снежных перевалах коченяя,
в душе надежду зыбкую лелея —
вдали от дома счастье обрести.
Зверел мороз.
Куражилась пурга.
Сползали с круч тяжелые лавины.
А люди шли,
согнув под скалбом спины,
еще не понимая,
что чужбина
родного не заменит очага.
Откуда знать тогда они могли,
затерянные в черной круговерти,
что будет их преследовать до смерти
глухая боль покинутой земли,
что засияет солнце в синеве
и светом счастья обогреет горы
в тот день,

когда раздастся на Неве
потрясший всю планету
залп «Авроры»,
в тот день,

когда тугие провода
промозглою октябрьскою ранью
весть понесут

от Питера к Тянь-Шаню,
что старый мир
низвергнут навсегда.

4

Неукротима времени река,
столетья в ней —
лишь капли в океане.

И все же верю,
что наверняка
благословлен судьбой народ Тянь-Шаня,
связавший жизнь с Россией на века!
Благословлен тот гений,
что простер
пытливый взгляд

во тьму, где меркло солнце,
что указал маршрут первопроходцам
в далекую страну степей и гор!
Благословлен России ратный пыл,
исполненный решимости и силы,
что навсегда в киргизские аилы
захватчикам дорогу преградил!
Стою на иссык-кульском берегу
У самой кромки пенного прибоя.
А надо мною —

небо голубое
и пики гор в искрящемся снегу.
А чуть вдали,
где скальную грядку
пронзил асфальт,
к Рыбачьему взлетая,

усталый путник медленно шагает,
ведя вослед коня на поводу.*
Вот так он шел
сто лет тому назад
по вздыбленным увалам и нагорьям.
Кончался день,

когда его глазам
открылась синь заоблачного моря.
Вскипали блики светом золотым,
плескались волны

будто ворожили,
и над песчаным берегом крутым
в белесой дымке лебеди кружили.
Кто знает,

может здесь он и постиг,
пришедший издалече россиянин,
что два народа,
дружбой осиянных,
соединит навечно этот миг,
что счастье ниспошлет ему судьба
на переломе каторжного века
увидеть в инородце человека,
а не скота и подлого раба
и проложить доверья первый мост
от берегов Невы до Ала-Тоо,
и в памяти людской
воскреснуть снова
отлитым в звонкой бронзе
в полный рост.

5

Истоки дружбы...
В чем они и где?
Какая мудрость им давала силу?
Какая их судьба благословила
соединить и породнить людей?

Гляжу с вершины нынешнего дня
в минувший день,
где по степи аральской
торил тропу к Тянь-Шаню Пржевальский,
измученного торопя коня.
И вижу,

как клубились облака
на вознесенных к небу перевалах,
как не спеша съезжались аксакалы
воочью поглядеть на чужака.
О если б знать,
о чем они тогда
вели с пришельцем долгие беседы?
Но таяла в глазах людей вражда
и забывались горести и беды,
и отступала отчужденья мгла,
слепая и холодная, как выюга,
и наполнилась кумысом пиала,
несущая по дружескому кругу
святой огонь сердечного тепла.

* Семенова-Тяньшанский.

6

Гляжу с вершины нынешнего дня
в пишпекскую глухую заскорузлость.
И вижу свет неяркого огня
в окошке дома,

где на склоне дня
врачует бедняков Василий Фрунзе.
Он только фельдшер.

Он, увы, не врач
и в медицине многого не знает.
Но захворавших ребятишек плач
Ему тоскою сердце обжигает.
Да где и впрямь
туземной бедноте
от вековых недугов лечиться,
когда на весь уезд
одна больница,
ютящаяся в дикой тесноте?
Пусть от него шарахается знать,
пускай толстяк-урядник смотрит косо
и пишет губернатору доносы,
в которых,

что ни строчка,
то вопросы
о том, как вольнодумца обуздать?
И рыщут шпики,
злобу затая,
у дома,

где обласкан инородец,
где обретает крылья полководец*,
себя готовя к будущим боям.
Покуда он безус еще и юн,
и не крещен дорогою большою,
но битв грядущих
огненный канун
предчувствует открытою душою.
Пройдет он,

веря в правды торжество,
сквозь каторгу и царские темницы
и жизнь отдаст
частицу за частицей,
чтоб пролетарской власти утвердиться
в борьбе,
что к славе вознесла его.

7

Листаю книгу времени — и в ряд
встают бойцов обветренные лица,
и порохом пропахшие страницы
о доблести героев говорят.
И песня гордо рвется в небеса,
и гнев людской,
как ураган, неистов,
И слышу я живые голоса
несломленных пишпекских коммунистов.
Они грядут к нам из небытия,
чтоб вровень встать

с героями живыми.
Душевного волненья не тая,

* Михаил Васильевич Фрунзе.

я обнажаю голову пред ними.
Я знаю их,
и каждому опять
готов сегодня низко поклониться.
Пудовкин,

Касымбеков,
Иваницин...

Их мужество в сердцах у нас искрится,
их стойкости нельзя нам забывать.
Встает заря.
Взмывает Красный стяг.
Сметаются и рушатся застенки.
Чеканят шаг
рабочий и батрак.
Ведет бойцов в атаку Логвиненко.
Взлетают обнаженные клинки.
Гудит в знаменах опаленный ветер.
И славой осененные,
в бессмертье
восходят навсегда большевики.
Восходят,

утвердив земную суть
свободы,
братства,
равенства

и счастья.

И солнцем молодой Советской власти
в жестоких битвах
высветлен их путь.

8

Да вспомнит каждый,
кто душой не слеп,
чью память
годы хмарью не туманят:
борьбе за мир,

за землю

и за хлеб

Советы утверждались на Тянь-Шане.
Еще пылали заревом в ночи
походные, немерянные дали,
еще в звериной злобе лютовали
в разграбленных аилах басмачи
и было вдоволь горестей и бед,
и вкус свободы с кровью познавался.
Но все сильнее

новой жизни свет
над высью Ала-Тоо разгорался.
Горел он, злой вражде наперекор,
призывно,

ярко,

трепетно

и юно.

И Уркуя всходила на костер
с непоколебимой верою в Коммуну.
И не в мечеть,

где завывал мулла,

а в школы,

на ликбезы

и рабфаки

шли люди, прозябавшие во мраке,
чтоб вытравить невежество долта,

чтоб научиться с миром говорить
кораном насаждавшийся и плетью,
чтоб рабский дух в себе испепелить,
на языке двадцатого столетия.
Все было первым —

плуг и борона,
и первый трактор возле сельсовета
и первая киргизская газета,
и первый стих неизвестного поэта*,
взволнованный и звонкий, как весна.
И первый врач,
и первый агроном,
и обруч репродуктора над крышей,
и первый на Тянь-Шане детский дом —
обитель беспризорных ребятишек.
И в поле

напрочь стертая межа,
и труд,
дарящий песенную радость.
и колоса наполненного тяжесть,
сулящая обильный урожай.
И жажда счастья, бьющая ключом,
рождающая веру в человеке,
и ставшее опорой навеки
России братской крепкое плечо.

9

Плечо России...

Братское плечо.

Оно опорой стало Киргизстану
с тех трудных дней,
когда страна еще
военные залечивала раны,
когда от мрака слепли города
и в деревнях

без хлеба

дети пухли,
и не было ни нефти и ни угля,
чтоб жизнь вдохнуть в танки и поезда.
Какая ж щедрость ей была дана,
какая мощь,
какая сила духа,
чтобы, еще не справившись с разрухой,
не помышляла о себе она
а думала о тех,

кому в беде
нужны ее поддержка и подмога,
о тех,

кому из нищеты убогой
стократ трудней шагнуть в грядущий день.
И шли сквозь стынь
в Тянь-Шань товарняки,
груженные и лесом, и металлом,
чтоб высоко в горах не угасало
то пламя,

что зажгли большевики,
чтоб в степь пришла певучая вода
и полнились на пастбищах отары,
чтоб, сбросившие цепи навсегда,

* Стихотворение А. Токомбаева «При-
шло время Октября».

познавшие величие труда,
не стали вновь рабами коммунары.

10

Плечо России...

Верное плечо.

плечо врача,

строителя,

солдата,

могучее плечо народа-брата,
ведомого бессмертным Ильичом,
его мечтой,

летающей сквозь года,
его крылатой, дерзновенной мыслью,
его борьбой,

во имя светлой жизни,
во имя счастья всех людей труда.
Ну, разве можно позабыть о том,
как, воплощая ленинские планы,
о помощи народам Туркестана
в Кремле решение принял Совнарком,
как было трудно выкроить в те дни
хотя бы рубль из скудного бюджета,
чтоб крепла на Тянь-Шане
власть Советов,
чтоб, вопреки угрозам и наветам,
зажглись в горах неугасимым светом
сердечной дружбы яркие огни,
и возродилась мертвая земля,
и труженик сумел в себя поверить.
Нет, никогда

и ни в каких рублях
святую силу братства не измерить.
Она всесветной правдой рождена
и верностью великим идеалам.
И потому она

прочней металла
и крепче камня горного она.

11

Те годы ждут еще своих поэм
и планы те,

что крылья обретали,
когда живою плотью обростали,
звучащие в «Интернационале»
слова

«Кто был ничем, тот станет всем!»
Отринувшие тяжкий груз оков,
познавшие впервые радость жизни,
шли в институты дети бедняков,
чтоб силы и талант отдать Отчизне.
Садилась за штурвалы тракторов,
в горах цеха заводов поднимали,
поскольку всей душою понимали,
что в беспощадной схватке
двух миров
не выстоять без хлеба и без стали,
не растопить тысячелетний лед
отсталости,

невежества,

рутины.

Вставал к мартенам бывший скотовод,
искал руду

и возводил плотины,

месил бетон,
опалубку строга,л,
прокладывал мосты и автотрассы
и открытым сердцем постигал
большую правду Ленина и Маркса,
и хлеб растил на бывшей целине,
и пас отары на зеленых склонах,
и брал винтовку в руки,
коль стране
мечом грозился враг из-за кордона,
и песней утро внешнее встречал,
звснящее апрельскою капелью,
и зимними ночами в колыбелях
новорожденных первенцев качал.

12

Те годы ждут еще своих баллад,
своих певцов,

сказителей,

поэтов.

Трудом коммунистических бригад
ковались планы первых пятилеток.
Будили взрывы вековую тишь,
степь оглашалась гулом новостроек.
Уже вставал плотиною Чумыш,
уже плескалась ширь Орто-Токоя.
И брал разбег сквозь степи БЧК*
в разлив садов,
в необозримость пашен,
и вписывалась первая строка
в строительную летопись «Сельмаша».
В труде,

в борьбе за пятилетний план,
в стремительном разлете звонких буден,
где каждый шаг
был, как в атаке, труден
рожда,л своих героев Киргизстан.
И славила страна их имена,
и доблесть их ударную венчала,
и в дни торжеств и праздников вручала
лучающиеся солнцем ордена.

13

О той поре еще живет молва,
из уст в уста

восходит неустанно.

Артистам и поэтам Киргизстана
рукоплескала Красная Москва.
Шли люди в залы клубов и дворцов,
стихам и песням раскрывая душу,
акынов и сказителей послушать,
полюбоваться мастерством певцов.
И открывали незнакомый край,
туманами и травами пропахший,

* Большой Чуйский канал.

когда читал со сцены Саякбай*
сказ о Манасе и его бесстрашие,
и плакали над памятью тех дней,
слез набежавших

спрятать не умея,
внимая сердцем горю Каныкей,
благославляя храбрость Семетей**.
Казалось сном,

что кочевой народ,
чей след в веках
развевал дымный ветер,
сумел всего за два десятилетия
достичь таких невиданных высот,
что, восхищая изумленный мир,
взлетел он ввысь

в семье народов-братьев,
И Пушкин ныне стал ему понятен,
и близок стал теперь ему Шекспир,
что, приобретшись к письменной строке,
раскрыв в себе недюжинность таланта,
читает он на русском языке

Зоя,
Толстого,
Диккенса

и Данте,
что, знавший лишь в течение сотен лет
бесхитростную музыку комуза,
крепя с Россией

братской дружбы узы,
и оперу он создал, и балет,
и связь времен не оборвав в дали,
храня ее в сказаниях изустных,
он сотворил художников искусных,
чье солнечное, щедрое искусство
вобрало краски неба и земли.

14

Рос Киргизстан,
как будто впрямь весна
его питала силою и светом.
И вдруг война,
кровавая война
обрушилась на родину Советов.
Она еще гремела далеко,
еще броней рурской в Брест вгрызалась,
но болью и слезами отзывалась
в аиле каждом,
в каждом кыштаке.
И счет людскому мужеству бела,
и павших поименно называла,
и в ратный строй
джигитов призывала,
и к непреклонной стойкости звала.
Был долгодой бой.
Был бескончаем бой.
Пожар вполнеба полыхал багрянцем.
На Буге,

на Днепре
и под Москвой

* Саякбай Каралаев — выдающийся скази-
тель «Манаса».

** Герои эпоса «Манас».

дрались с врагом героин-киргизстанцы.
Презрев огонь и оружийный гул
на обожженном смертью полустанке
с гранатой

на вражеские танки
бесстрашно шел гвардеец Дуйшенкул*.
И отменяя пулеметный лай,
в рассветной мгле,

удушливой и хмурой,
бросался легендарный Чолпонбай*
на брызжущую сталью амбразуру.
Был страшен бой.
И в том лихом бою,
деля утраты, горести

невзгоды,
в одном,
сплоченном партией строю
за Родину священную свою
плечом к плечу сражались все народы
страны,

что первой в небо подняла
свободы вдохновляющее знамя,
страны, что миру Ленина дала
и по земному шару разнесла
его идей немеркнувшее пламя.

15

Давным-давно закончилась война.
Но вновь и вновь

спросить себя мы вправе:
какая сила Ленинской державе
была великим Октябрем дана?
Что помогло нам выстоять в беде,
пройти сквозь ад,

что миру был неведом,
и наделить,

и окрылить людей
неодолимой верою в победу,
и землю предков вызволить из тьмы,
из смертного, всесветного потопа,
и Гитлером распятую Европу
избавить от коричневой чумы?
Мы вправе сами дать себе ответ:
суть нашей силы —

это наша дружба,
вознесшая над стынью ночи вьюжной
родной Отчизны негасимый свет,
и наша правда,

что в жестокий час
нам сокрушить неправду помогала,
и теплотой надежды согревала,
на правый бой благославляя нас,
и не дала нам сбиться и свернуть
с дороги той,

что выбрали мы сами,
встав в Октябре под Ленинское знамя,
верша победно к коммунизму путь.

* Герой Советского Союза Дуйшенкул Шо-
поков.

* Герой Советского Союза Чолпонбай Ту-
лебердиев.

Неукротим истории разбег,
 ревут моторы времени натужно.
 Уже ложатся в двадцать первый век
 сверхпрочные мосты великой дружбы.
 Они встают,
 рожденные мечтой
 свободного и гордого народа,
 и нашей твердой поступью
 сквозь годы,
 и нашей нерушимой правотой.
 Обласкан вешним солнцем горный край,
 гудят ветра,
 напористо и гулко.
 Вращаются турбины «Токтогулки»*,

на коммунизм работает Курпсай**.
 Бегут «КАМАЗы» с хлопком и рудой
 дорогами, летящими сквозь горы.
 Напоены целинные просторы
 Нарынскою и Чуйскою водой.
 И счастливо доживший до седин,—
 ровесник захолустного Пишпека,—
 вновь славит звонкой песнею акын
 величие и разум человека.
 Велик в нас высшей прочности запас,
 в крутом пути
 * для нас преграды нету.
 Мужают наши дети
 и от нас
 по праву принимают в добрый час
 нерасторжимой дружбы эстафету.

* Токтогульская ГЭС.

** Курпсайская ГЭС.

СОДЕРЖАНИЕ

По пути коммунистического созидания	3
Д. Парчук. Первая в Киргизии	5
Революцией мобилизованный	7
О времени, о себе	9
В. Широков. Его строка	12
Я. Самуэль-Сабо: «Моя вторая родина»	15
В. Виткович. Свекловичница Суракан Кайназарова	17
С. Сасыкбаев. Газета «Эркин-Тоо» Сыдык Карачев и другие	19
М. Алексеев. Времени не подвластны	25
А. Баршай. Когда дирижер снимает шляпу	30
И. А. Абдраимов: «Сказка стала былью»	33
В. Бобылев. Комендант Иккормюнде	41
М. В. Сорокин: «Мы — кричевцы!»	50
Б. Сергеев. Прописка подвига — целина	52
60 лет с именем Ленина	56
В. Марков. Нарынский каскад действует	63
Г. Белоконь. Свидание с королевой	65
М. Ронкин. Мосты дружбы	68

(К и р г и з и я — 84)

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Публицистический сборник

Составитель

Виктор Михайлович Бобылев

Редактор Ю. Жучков

Авторы фотографий:

А. Абдыгулов, В. Доценко

Худож. редактор К. Сейталиев

Техн. редактор В. Крутякова

Корректор О. Калькопф.

ИБ № 2975

Сдано в набор 03. 05. 85. Подписано к печати
03. 06. 86. Д—01108. Формат бумаги 70×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Журнально-
рубленая гарнитура. Печать высокая.
4,75+1,0 вкл. физич. печ. л. 5,56+1,17 вкл.
условн. печ. л. 9,138 уч. изд. 7,101 ус. кр.-отт.
Тираж 2500. Заказ № 178. Цена 4⁵ коп.

Издательство «КЫРГЫЗСТАН»

720737, г. Фрунзе, ул Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия

Киргизской ССР Госкомиздата

Киргизской ССР.

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

